

05
Н-37

жс 16790

III-й годъ

НАША ЗАРА

СОДЕРЖАНІЕ:

ОРТОДОКСЪ. О посмертныхъ художественныхъ произведеніяхъ Л. Н. Толстого.

Н. ТРОЦКІЙ. Принципы и предразсудки. (Къ вопросу о борьбѣ за свободу коалицій).

Н. Р—КОВЪ. На два фронта. (Отвѣтъ Вл. Ильину и ред. „Наш. Зари“).

Л. МАРТОВЪ. О томъ, какъ можно быть неправымъ на оба фронта.

А. СЕМЕНОВА. Новѣйшія выступленія германскаго ревизионизма.

Жестражное обозрѣніе.

Я. ПИЛЕЦКІЙ. Избирательныя недоразумѣнія. (Письмо изъ Германіи).

А. КОЛЛОНТАЙ. Женское избирательное право въ Шведскомъ парламентѣ.

Политическое обозрѣніе.

Ф. ДАНЪ. Послѣ „Лены“.

Н. ЧЕРВАНИНЪ. Прогрессисты и кадеты передъ выборной кампаніей.

Б. И. ГОРЕВЪ. Одиннадцатый съѣздъ Р. Р. С.

Новыя книги.

№ 5.

СПБ. 1912;

Ц. 30 к.

III-й годъ изданія.

НАША ЗАРЯ

Жс 16790 Ежемесячный журналъ.

№ 5.

Вологодская губернская
Центральная Библиотека

СПБ. 1912 годъ.

За статью В. Мирова въ №-рѣ 4-мъ „Предвыборныя на-
строения“ на журналъ наложенъ штрафъ въ 300 рублей.

Отъ редакціи.

За статью «Предвыборныя настроенія» въ 4-мъ №-рѣ «Нашей Зари» наложенъ штрафъ въ 300 руб. Нашему журналу, ведущему борьбу за свое существованіе вотъ уже 2¹/₂ года, не разъ приходилось переживать тяжелыя времена.

Въ началѣ 1911 года журналъ «по независящимъ обстоятельствамъ» лишился цѣлаго ряда сотрудниковъ. Въ концѣ того-же года, и почти подрядъ, на три книжки журнала былъ наложенъ арестъ, а редакторъ О. В. Федорченко привлеченъ по 129 ст. Въ началѣ текущаго года въ квартирахъ цѣлаго ряда сотрудниковъ, открыто участвующихъ въ журналѣ, были произведены обыски; обыскана была типографія и контора журнала; изъяты денежные счета, взяты и не возвращены рукописи и иные редакціонныя матерьялы. Больше того. Одинъ изъ сотрудниковъ журнала А. Н. Потресовъ былъ арестованъ, съ предъявленіемъ ему обвиненія по 102 ст. за участіе въ журналѣ, зотя журналъ и обязанъ своимъ двухлѣтнимъ существованіемъ исключительно частной инициативѣ. Наконецъ, мѣсяца три тому назадъ, на ряду съ редакторомъ, уже привлеченнымъ по 129 ст. по той-же статьѣ привлеченъ (за №7—8-й 1911 г., гдѣ была помѣщена ст. Мартова «Избирательная платформа») и издатель журнала А. Э. Дюбуа.

Органу типа «Нашей Зари», выступившему въ 1910 г. почти безъ всякихъ средствъ и выступившему въ періодъ почти еще полнаго общественнаго затишья, само собой разумѣется, и безъ этихъ независящихъ обстоятельствъ нуженъ былъ не годъ и не два для того, чтобы твердо и прочно встать на свои собственныя ноги. Даже научному органу германской соц.-демократіи „Neue Zeit“, имѣющему за собой организованную поддержку германской с.-д. партіи, понадобилось чуть не два десятилѣтія, чтобы свести, наконецъ, свой бюджетъ безъ дефицита. Что-же сказать о такомъ органѣ, какъ «Наша Заря», не связанномъ ни съ какой организаціей? И, однако, даже въ условіяхъ русской жизни, какъ показываетъ почти 3-лѣтній нашъ опытъ, можно было-бы смѣло питать надежду на значительно болѣе короткий въ этомъ отношеніи срокъ. Мы сказали: «Можно было-бы»... Единственное условіе для такой возможности: постоянное содѣйствіе сочувствующаго журналу читателя.

Въ настоящее время все говоритъ за то, что журналъ нашъ вступаетъ въ полосу жизни, еще болѣе тяжелую, чѣмъ раньше. Ясно: чтобы пережить и ее, чтобы преодолѣть все и всяческія на своемъ пути препятствія, для него больше, чѣмъ когда-либо, необходимо то постоянное содѣйствіе сочувствующаго

О посмертных художественных произведениях Л. Н. Толстого.

„Какъ въ балаганѣ выскакиваетъ наружу паяцъ и представляетъ разные фокусы для того, чтобы завлечь публику во внутрь, гдѣ настоящее представленіе, такъ и мои художественные произведенія играютъ такую же роль: они привлекаютъ вниманіе къ моимъ серьезнымъ вещамъ“¹⁾. Такъ отвѣтилъ Толстой Мечникову, когда знаменитый ученый съ восторгомъ заговорилъ о его художественныхъ произведеніяхъ.

Этотъ обычный взглядъ на свое художественное творчество, это предпочтеніе „Войнѣ и миру“ „Кругъ чтенія“ не есть слѣдствіе нерѣдко встрѣчающейся въ исторіи мысли и искусства странности великихъ мастеровъ питать наиболѣе сильную привязанность къ своимъ наименѣе сильнымъ вещамъ.

Какъ большинство гениальныхъ людей Толстой глубоко сознавалъ неизбѣжное роковое несоотвѣтствіе между творческимъ замысломъ и практическимъ осуществленіемъ его. Проникнутый сокровеннѣйшимъ и настойчивымъ стремленіемъ довести начатое твореніе до возможнаго совершенства и чувствуя въ силу этого же стремленія гложущую мучительную неудовлетворенность полученнымъ результатомъ, онъ въ тоже время былъ совершенно чуждъ наивной, ложной скромности, недоцѣнивающей достоинствъ достигнутого.

Поэтому, сравнивая свои классическія созданія съ фокусами паяца, Толстой лишній разъ и въ болѣе чѣмъ яркой формѣ выразилъ свое принципиальное отношеніе къ художественному воспроизведенію вообще.

Философское или точнѣе аскетическое отрицаніе искусства возникло у Толстого гораздо раньше, чѣмъ это отмѣчено критикой.

Уже въ „Войнѣ и мирѣ“ искусство подвергается жестокой и ѣдкой насмѣлкѣ на тѣхъ страницахъ второго тома, гдѣ изображается оперное представленіе, на которое впервые попала Наташа.

Эти характерныя страницы истолковывались въ томъ смыслѣ, что художникъ хотѣлъ высмѣять и показать слабыя стороны специально опернаго искусства. Такое толкованіе поверхностное и потому совершенно ошибочное. Вотъ напримѣръ, первыя строки, рисующія оперное представленіе: „На сценѣ были ровныя доски по срединѣ, съ боковъ стояли крашенныя картины, изображавшія деревья, позади было протянутое полотно на доскахъ. Въ сере-

¹⁾ „Два года съ Л. Н. Толстымъ“. Записки бывшего секретаря Л. Н. Толстого. Н. Н. Гусева; стр. 284.

динѣ сцены сидѣли дѣвицы въ красныхъ корсажахъ и бѣлыхъ юбкахъ. Одна очень толстая, въ шелковомъ бѣломъ платьѣ сидѣла особо на низкой скамѣечкѣ, къ которой былъ приклеенъ сзади зеленый кардонъ“ и т. д. При самой незначительной вдумчивости въ эту отрицательную характеристику становится сразу яснымъ, что пунктомъ нападенія служатъ здѣсь не слабыя стороны оперы, а сущность искусства, какъ такового. Сухое разсудочное разрушеніе иллюзіи, развѣнчаніе символовъ—вотъ въ чемъ коренная основа этого описанія. Обстановка, декорация и дѣятели сцены вышучиваются тутъ не въ силу ихъ несовершенства, а просто потому, что вся специфическая символика не есть дѣйствительность, а художественное воссозданіе,—игра. Смѣшны нарисованныя на полотнѣ деревья не вслѣдствіе того, что они составляютъ часть специально оперной обстановки, а потому что они нарисованныя, а не дѣйствительныя деревья и смѣшна дѣвица въ бѣломъ платьѣ, не въ силу того, что она скажемъ не драматическая актриса, а потому что она не дѣйствительный субъектъ происшествія, а играетъ его. Однимъ словомъ, все описаніе проникнуто суровымъ отрицаніемъ сложнаго художественнаго воссозданія.

Далѣе, въ характеристикѣ третьяго дѣйствія выпукло выступаетъ рядомъ съ разоблаченіемъ символовъ аскетическій моментъ—грѣховность и соблазнъ человѣческаго тѣла. „Въ третьемъ актѣ, читаемъ мы тамъ, былъ на сценѣ представленъ дворецъ, въ которомъ горѣло много свѣчей и повѣшены были картины, изображавшія рыцарей съ бородами. Въ серединѣ стояли, вѣроятно, царь и царица. Царь замахалъ правой рукой и, видимо робѣлъ, дурно пропѣлъ что то и сѣлъ на малиновый тронъ. Дѣвица, бывшая сначала въ бѣломъ, потомъ въ голубомъ, теперь была одѣта въ одной рубашкѣ съ распущенными волосами и стояла около трона. Она о чемъ-то горестно пѣла, обращаясь къ царицѣ; но царь строго махнулъ рукой, и съ боковъ вышли мужчины съ голыми ногами и женщины съ голыми ногами, и стали танцовать всѣ вмѣстѣ. Потомъ скрипки заиграли очень тонко и весело, одна изъ дѣвицъ съ голыми толстыми ногами и худыми руками, отдѣлившись отъ другихъ, отошла за кулисы, поправила корсажъ, вышла на середину и стала прыгать и скоро бить одною ногой о другую“. „Всѣ въ партерѣ захопали руками и закричали браво. Потомъ одинъ мужчина всталъ въ уголъ. Въ оркестрѣ заиграли громче въ цимбалы и трубы, и одинъ этотъ мужчина съ голыми ногами сталъ прыгать очень высоко и семѣнить ногами“. „Потомъ танцовали еще другіе съ голыми ногами и мужчины и женщины“. Какъ видите, голыя ноги, голыя ноги мужчинъ, голыя ноги женщинъ подчеркиваются съ большою силой и истинно толстовской выразительностью. Такъ и чувствуется, что великій авторъ задался опредѣленной, ясной для него цѣлью внушить читателю, что балетное искусство, основанное на гибкости и разнообразныхъ движеніяхъ человѣческаго тѣла есть поэтому самому нѣчто постыдное грѣховное, дѣйствующее растлѣвающимъ образомъ на человѣческую душу.

Во многом еще деревенской, неиспорченной городской культурой Наташѣ показалось въ началѣ представленія все происходящее на сценѣ „дико и удивительно“. Но оперная атмосфера дѣлала свое дѣло и молодая дѣвушка все болѣе и болѣе пьянѣя „уже не находила этого страннымъ. Она съ удовольствіемъ радостно улыбаясь, смотрѣла вокругъ себя“, И на вопросъ Эленъ, „не правда-ли, что Дюпоръ (танцоръ. Ор.) восхитителенъ?“ отуманенная Наташа отвѣтила: „О да!“

Въ этомъ восторженномъ „о да“ сказалась создавшаяся въ этой „одурманивающей“ обстановкѣ та легкая чувственно-поэтическая восприимчивость, на которой началъ играть свою привычную игру Анатоль Курагинъ, вошедшій какъ разъ въ этотъ моментъ въ ложу своей сестры, гдѣ находилась возбужденная Наташа.

Опера, гармонизировавшая по мысли художника съ развратной и пошлой графиней Безухой, дѣйствовавшей въ свою очередь на страстную и неопытную душу Наташи, были главными психологическими условіями, обезпечившими роковой успѣхъ столичнаго повѣсы. А увлеченіе Наташи Анатодемъ вѣдь стоило жизни Андрею Болконскому, одному изъ главныхъ героевъ безсмертной эпопеи!

Ясно, стало быть, что этотъ моментъ имѣетъ въ „Войнѣ и мирѣ“ большое, первостепенное значеніе.

Возрѣніе на искусство какъ на область вызывающую по преимуществу грѣховную чувственность идетъ рядомъ и стоитъ безъ всякаго сомнѣнія въ тѣснѣйшей психологической и логической связи съ развитіемъ общей аскетической идеи, также совершенно опредѣленно выразившейся въ „Войнѣ и мирѣ“.

Однимъ словомъ, принципиальный въ абсолютномъ смыслѣ разрывъ съ искусствомъ принялъ исполнѣ ясныя очертанія уже въ началѣ 70-тыхъ годовъ.

Но подобно тому какъ отцу Сергію трудно было усмирить свою бунтующую плоть, такъ невозможно было Толстому отказаться отъ творческой дѣятельности.

Естественнымъ выходомъ изъ этого тяжелаго для художника душевнаго разлада¹⁾ былъ компромиссъ, сущность котораго выражена въ вышеприведенномъ отвѣтѣ Мечникову. — Художественное воспроизведеніе — „фокусы паяца“, но эти фокусы могутъ сослужить хорошую службу для успѣшной проповѣди евангельскаго аскетизма.

Въ извѣстныхъ предѣлахъ и для такого гениальнаго художника, какимъ является Толстой, такой взглядъ на искусство не исключалъ возможности художественнаго воспроизведенія нѣкоторыхъ сторонъ реальной дѣйствительности.

Дѣло въ томъ, что аскетическое ученіе, отвергая всю реальную дѣйствительность какъ таковую, обуславливаетъ собою требованіе радикальной критики и кореннаго отрицанія и такихъ

¹⁾ Этотъ основной истинно фаустовскій конфликтъ выразился уже въ „Дѣтствѣ, отрочествѣ и Юности“. Зачатки этого конфликта обозначены въ моей книгѣ „Tolstois Weltanschauung und ihre Entwicklung“ (verlag Enke Stuttgart 1902) Подробное развитіе этого конфликта представлено въ статьѣ: „Душевная трагедія Л. Н. Толстого, какъ основа его вѣроученія“, которая появится въ „Современномъ мирѣ“.

элементовъ окружающей жизни, которая въ самомъ дѣлѣ „гибели достойна“.

Этой возможностью Толстой пользовался широко.

Повинуясь своему художественному генію и живому инстинкту протестанта, который, живой инстинктъ, существовалъ въ немъ рядомъ съ аскетическимъ началомъ, великій писатель часто забывалъ поставленные въ качествѣ эпиграфовъ евангельскіе тексты, то есть основную идею произведенія, увлекался стихійно и безсознательно средствомъ.

Этому спасительному и плодотворному забвенію цѣли во имя средства мы обязаны тѣмъ, что цѣлый рядъ явно тенденціозныхъ произведеній имѣютъ высоко художественное значеніе, являясь цѣннымъ вкладомъ въ всемірную литературу.

Глубоко захватывающее возсозданіе многихъ областей русской дѣйствительности въ „Аннѣ Карениной“ до такой степени заслоняетъ аскетическую основу, что читатель, не посвященный въ тайны мистическихъ и аскетическихъ ученій, рѣшительно не понимаетъ какой смыслъ имѣетъ здѣсь грозный эпиграфъ: „Мнѣ отомщеніе, и Азъ воздамъ“.

И хотя въ произведеніяхъ, слѣдовавшихъ за „Анной Карениной“, до „Воскресенія“ включительно, тенденція выступаетъ все ярче и сильнѣе, торжествующимъ все таки оказывается художественное начало.

Но царство Божіе,—эта мистическая бездна, въ которую художникъ все болѣе и болѣе погружался, отрывала его чѣмъ дальше, тѣмъ вѣрнѣе отъ развертывающейся дѣйствительности, лишая его такимъ образомъ новыхъ источниковъ творчества.

Укрѣпляясь все болѣе и болѣе въ своемъ вѣроученіи, онъ считалъ „фокусами паяца“ не только искусство, но и всю современную жизнь, со всѣми совершающимися въ ней внутренними глубокими процессами и коренными измѣненіями.

Вполнѣ естественно поэтому, что стѣсненная и со всѣхъ сторонъ гонимая муза великаго художника должна была, несмотря на свое энергичное сопротивленіе, сдѣлать серьезныя уступки аскетическому мыслителю.

Эта полная истиннаго трагизма борьба и побѣда выразились сильнѣе всего въ посмертныхъ произведеніяхъ, большинство изъ которыхъ написаны въ теченіи послѣдняго десятилѣтія жизни великаго писателя.

II.

Природа одарила Толстого съ такой безумной щедростью, что нельзя найти среди его сочиненій ни одного, въ которомъ не было бы нѣсколько превосходныхъ истинно толстовскихъ страницъ. Даже въ исключительно проповѣдническихъ его трактатахъ мы находимъ высокохудожественныя мѣста, проникнутыя психологической тонкостью, оригинальностью и мѣткостью наблюденій и полныя выразительныхъ образовъ и яркихъ сравненій.

Короче, огромная творческая сила великаго писателя даетъ себя чувствовать въ той или иной степени вездѣ и повсюду и во всѣхъ его сочиненіяхъ.

И это очень хорошо известно современному читателю, знакомому въ достаточной мѣрѣ съ особенностями и приѣмами толстовскаго творчества и умѣющему безъ помощи критики увидѣть и оцѣнить положительныя, блестящія стороны.

Имѣя въ виду коснуться здѣсь нѣкоторыхъ чертъ посмертныхъ произведеній нашего автора я не стану поэтому подробно восхищаться ярко нарисованнымъ образомъ Степаниды, которую читатель самъ видѣлъ своими собственными глазами каждый разъ, когда она приходила въ лѣсъ, къ оврагу на свиданіе къ Иртеневу; не зачѣмъ также доказывать, что характеристика Алешки Горшка классическая.

Ибо „безотвѣтный“ Алешка Горшекъ, стоитъ передъ нами съ полной готовностью сбѣгать куда вздумается его послать и сработать двѣ работы, когда ему поручать одну. Очень ясны читателю также сила, мастерство и чарующая прелесть ритмическаго разсказа „Послѣ Бала“, ибо онъ самъ присутствовалъ на балу у губернскаго предводителя, самъ собственными своими ушами слышалъ вызывающіе, веселые звуки мазурки, слѣдя съ бальнымъ удовольствіемъ за легкими, граціозными движеніями восемнадцати-лѣтней красавицы, танцовавшей съ любящимъ ее, еще молодцоватымъ отцомъ воинскимъ начальникомъ. А потомъ... потомъ „послѣ бала“ онъ читатель отправился сопровождать опьяненнаго любовью героя разсказа, очутившись вмѣстѣ съ нимъ на томъ полѣ, гдѣ происходили подъ командой того же воинскаго начальника истязаніе шпицрутенами солдата татарина за побѣгъ. Истязаемый татаринъ тоже совершалъ движенія и тоже подъ музыку. Но эти движенія, направленіе которыхъ зависило отъ направленія ударовъ шпицрутенами по тѣлу жертвы были иныя, не такія веселыя, какъ па мазурки, да и музыка была не та. „Это была какая то другая, жесткая, не хорошая музыка“. Короче, замѣчательныя, классическія страницы и отдѣльныя вещи изъ интересующихъ насъ посмертныхъ трехъ томовъ нисколько не нуждаются въ поясненіяхъ критики.

Кромѣ того когда дѣло идетъ о цѣломъ рядѣ произведеній безсмертнаго автора „Войны и мира“ приходится сдѣлать серьезныя усилія воображенія и извлечь оттуда иной масштабъ, масштабъ пригодный для оцѣнки произведенія Толстого, а не Леонида Андреева или Федора Сологуба. Ибо то, что можетъ сдѣлать честь и славу этимъ писателямъ можетъ оказаться и несомнѣнно окажется весьма и весьма незначительнымъ рядомъ не только съ „Войной и миромъ“ и „Анной Карениной“, но и съ „Воскресеньемъ“ и „Властью Тьмы“.

Какимъ мастерствомъ не отличалась бы характеристика „Алешки Горшка“ для громаднаго Толстого это все таки небольшая вещь,—это мелочь генія.

Тоже самое относится и къ „Послѣ Бала“ и къ отдѣльнымъ образамъ, на которые указывала критика въ лицѣ ея наиболѣе вліятельныхъ представителей.

Исходя изъ только что изложенныхъ соображеній мнѣ представляется наиболѣе важнымъ критическое разсмотрѣніе идейной сущности данныхъ произведеній и обусловленное этой сущностью художественное и психологическое содержаніе.

*
*
*

Согласно общему міровоззрѣнію и мысли художника главными произведеніями являются: „Дьяволъ“, „Отецъ Сергій“, „Фальшивый Купонъ“, „Послѣ Бала“, „Алешка Горшекъ“, „И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ“, а отчасти „Живой Трупъ“.

Остановимся съ указанной точки зрѣнія, прежде всего на этихъ произведеніяхъ.

Подобно „Аннѣ Карениной“, а впоследствии „Крейцеровой Сонатѣ“, рассказъ „Дьяволъ“ посвященъ проблемѣ семьи, или, если угодно проблемѣ пола.

Герой рассказа молодой образованный помѣщикъ Евгений Иртеневъ, рѣшивъ жениться, начинаетъ присматриваться съ этой цѣлью къ барышнямъ, соответствующимъ его требованіямъ и его положенію. Выборъ палъ на дочь сосѣдней помѣщицы Лизу Анненскую и вотъ по какимъ соображеніямъ: „Почему Евгений выбралъ Лизу Анненскую нельзя объяснить, какъ нельзя никогда объяснить, почему мужчина выбираетъ ту, а не другую женщину. Причинъ было пропасть и положительныхъ и отрицательныхъ. Причиной было и то, что она не была очень богатая невѣста какихъ сватала ему мать и то, что она была наивна и жалка въ отношеніяхъ къ своей матери, и то, что она не была красавица, обращающая на себя вниманіе, и не была дурна. Главное же было то, что сближеніе съ нею началось въ такой періодъ, когда Евгений былъ зрѣлъ къ женитбѣ: Онъ влюбился потому что зналъ, что женится“. А Лиза, какъ и почему избрала она Иртеневу? Вотъ мотивы и исторія ея любви: „Еще съ института, съ пятнадцати лѣтъ Лиза постоянно влюблялась во всѣхъ привлекательныхъ мужчинъ и была оживлена и счастлива только тогда, когда была влюблена. Вышедши изъ института, она точно также влюблялась во всѣхъ молодыхъ мужчинъ, которыхъ встрѣчала, и разумѣется влюбилась въ Евгенія, какъ только узнала его. Эта-то ея влюбленность и давала ея глазамъ то особенное выраженіе, которое такъ плѣнило Евгенія. Въ эту же зиму въ одно и то-же время она уже была влюблена въ двухъ молодыхъ людей и краснѣла и волновалась не только когда они входили въ комнату, но когда произносили ихъ имя. Но потомъ, когда ея мать намекнула ей, что Иртеневъ, кажется имѣетъ серьезные виды, влюбленье ея въ Иртеневу усилилось такъ, что она стала почти равнодушной къ двумъ прежнимъ. Но когда онъ сталъ бывать у нихъ на балу, собраніи, танцовать, съ ней больше, чѣмъ съ другими и, очевидно, желалъ узать только любить ли она его, тогда влюбленье ея въ Иртеневу сдѣлалось чѣмъ то болѣзненнымъ; она видѣла его во снѣ и наяву въ темной комнатѣ“.

Эти выдержки раскрываютъ съ полной ясностью всю психологическую основу союза Иртенева съ Лизой. Избравъ ее по моральному расчету Иртеневъ почувствовалъ къ ней привязанность тогда, когда рѣшилъ, что она избрана, что она, Лиза будетъ его женой, а не другая, чужая женщина. А Лиза въ свою очередь влюбилась въ него, какъ говорится безъ памяти, когда стало выясняться, что онъ дѣйствительно удостоить ее быть ея мужемъ. Съ пятнадцати лѣтъ она влюблялась во всѣхъ болѣе или менѣе подходящихъ молодыхъ людей, влюблялась, потому,

что каждый изъ нихъ могъ быть властелиномъ ея жизни и придать смыслъ и значеніе этой послѣдней.

Довольно таки безстрастное существо Лиза влюблена сразу въ двухъ, ибо неизвѣстно—кто же изъ нихъ сдѣлаетъ предложеніе, кто скажетъ столь тревожно ожидаемое слово. Но это слово было сказано третьимъ и этотъ третій сталъ въ ея глазахъ первымъ и единственнымъ человѣкомъ на всемъ свѣтѣ. Бѣдная, скучная Лиза!

Совмѣстная жизнь молодыхъ Иртеневыхъ приняла съ самаго начала характеръ обыденной семейной жизни, похожей, говоря словами Протасова, на квасъ безъ изюменьки. Лиза занималась домашнимъ хозяйствомъ и повидимому очень усердно, чувствуя себя на вершинѣ счастья особенно въ тѣ мгновенія, когда ея обожаемый властитель дарилъ ее любовнымъ взглядомъ. А Иртеневъ управлялъ своимъ имѣніемъ, стараясь поставить его на ноги и увеличить доходы; словомъ Лиза нашла свое истинное назначеніе женщины, а Иртеневъ рѣшилъ одинъ изъ вопросовъ жизни. Все шло прекрасно. Но увы! вдругъ всталъ передъ Иртеневымъ грѣхъ прошлаго въ видѣ страшнаго дьявола. Случайная встрѣча съ бывшей любовницей Степанидой возбудили въ немъ непреодолимую къ ней, чертовскую страсть. Иртеневъ бѣжитъ отъ „дьявола“, стараясь всѣми силами подавить неистовое влеченіе къ Степанидѣ, но напрасны усилія и тщетна неравная борьба! Дьяволъ страсти оказался могущественнѣе и молодой, здоровый, обезпеченный и съ точки зрѣнія Толстого вполне счастливый мужъ беззавѣтно преданной жены и матери его ребенка кончаетъ самоубійствомъ.

Вотъ содержаніе „Дьявола“. Въ чемъ же тутъ дѣло? Какая идея положена въ основаніи этой семейной драмы? и какіе воды вытекаютъ изъ нея?

Идейная сущность этого произведенія состоитъ въ отрицаніи половой любви, какъ источника наслажденія. Половая страсть или какъ обычно выражается Толстой, похоть плоти, волненія, радости, поэтическія настроенія и страданія, имѣющія своимъ кореннымъ началомъ половое влеченіе, служатъ могучимъ препятствіемъ на пути къ нравственному усовершенствованію и потому самому противны волѣ Божьей, выраженной въ заповѣдяхъ Евангелія. Единственно терпимой и допустимой формой союза женщины съ женщиной является семья, возникающая не подъ вліяніемъ романической любви, а на почвѣ чувства и сознанія необходимости совмѣстной жизни.

Чувствуя себя частью мужчины, женщина неспокойна, она не живетъ, не ощущаетъ своего собственнаго существа пока не находитъ своего цѣлага. А мужчина связываетъ въ свою очередь свою судьбу съ женщиной именно, потому что она его часть, дополненіе къ нему.

Такими были по существу мотивы брака Иртеневыхъ, которые, плодясь и размножаясь, дожили бы въ полномъ, невозмутимомъ спокойствіи и благополучіи до золотой свадьбы, еслибы Иртеневъ не связался бы раньше съ дьяволомъ и не зналъ бы удовлетворенія страсти какъ таковой.

Такъ просто, элементарно и архиконсервативно разрѣшается сложная и все болѣе и болѣе усложняющаяся проблема семьи и пола въ „Дьяволѣ“.

Въ полной зависимости отъ идейной сущности находится и психологическое содержаніе этого произведенія. Нѣтъ въ „Дьяволѣ“ той богатой, тонкой, толстовской психологіи, которой отличается изображеніе подобныхъ положеній и психологическихъ переживаній въ прежнихъ произведеніяхъ гениальнаго художника.

Даже самая яркая фигура разсказа Степанида и она выступаетъ скорѣе своей эффектной, задѣвающей, страстной наружностью, нежели своимъ внутреннимъ міромъ. Она стоитъ и движется передъ нами въ своей неизмѣнной красной паневѣ (Толстой всегда мастерски одѣваетъ своихъ героинь, выдѣляя при помощи костюма ихъ характерныя черты), какъ яркій образъ, но не какъ живой человѣкъ, способный думать, чувствовать любить и страдать. Мы ее видѣли много разъ, а знаемъ о ней только то, что она легко и страстно вступаетъ въ интимную связь съ мужчиной.

Авторъ замѣчаетъ мимоходомъ, что она очень умна и проницательна, но мы въ теченіи всего разсказа слышали отъ нея одну, единственную фразу и та характеризуетъ не ея умъ, и проницательность а чувственную вольность. Отчего же это? Въ чемъ причина скудости психологическаго содержанія? Причина въ томъ, что какъ человѣкъ Степанида не интересуетъ художника. Она соблазнительница, посланная въ міръ для соблазна, она дьяволъ, который существуетъ для преодоленія. Художественное изображеніе дѣйствующихъ личностей занимаютъ аскета мыслителя ровно постольку, поскольку ему необходимо обосновать стоящія въ качествѣ эпиграфа слѣдующіе стихи изъ Евангелія: „А я говорю вамъ, что всякій, кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ“. „Если же правый глазъ твой соблазняетъ тебя, вырви его и брось отъ себя, ибо лучше для тебя, чтобы погибъ одинъ изъ членовъ твоихъ, а не все тѣло твое было ввержено въ геену“ „И если правая твоя рука соблазняетъ тебя, отсѣки ее и брось отъ себя, ибо лучше для тебя, чтобы погибъ одинъ изъ членовъ твоихъ, а не все тѣло твое было ввержено въ геену“.

Этимъ евангельскимъ абсолютизмомъ и аскетическимъ мрачнымъ презрѣніемъ къ человѣческой природѣ объясняется также схематичность обрисовки внутренней драмы Иртенева.

Душевные конфликты этого рода чрезвычайно богаты тонкой психологіей, художественное изображеніе которой знакомитъ насъ съ интимными сторонами переживаній человѣка. И не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что несравненный знатокъ человѣческой души, авторъ „Дѣтства, Отрочества и Юности“ „Казаковъ“ „Войны и мира“ и т. д. раскрылъ бы при развитіи даннаго конфликта новыя психологическія черты и оттѣнки, еслибы Евангеліе не брало верхъ надъ художественными стремленіями.

Но для Толстого аскетическаго мыслителя, сжившагося съ дуалистической догмой, привыкшаго противопоставлять тѣло душѣ или дьявола Богу, упростилась и слилась вся сложность и все безконечное многообразіе человѣческой психики, принявъ суб-

станциальные, застывшие формы. Поселился въ Иртеневъ дьяволъ и ступавалась вся тонкая, причудливая діалектика чувствъ и ощущений, свойственная борьбѣ страсти съ долгомъ. Ибо какъ гласить одинъ изъ неподвижныхъ тезисовъ Евангелія: „Да, да, нѣтъ, нѣтъ, а что сверхъ того, то отъ лукаваго“. „Вѣдь она (Степанида. Ор.) чортъ, прямо чортъ. Вѣдь она противъ воли завладѣла мною“ говоритъ Иртеневъ, повторяя эту жалобу въ разныхъ выраженіяхъ нѣсколько разъ. И это въ самомъ дѣлѣ такъ. Поэтому что во всемъ конфликтѣ дѣйствуетъ не Иртеневъ, а водворившійся въ видѣ самостоятельной, внѣшней силы, чортъ, который водить, путаетъ и въ концѣ концовъ губить его.

Поставьте, читатель Иртеневъ въ роскошную галерею толстовскихъ типовъ и вы увидите сразу, что среди прекрасно и давно намъ знакомыхъ людей онъ кажется тусклою фигурой, ускользящей отъ нашего воображенія. Яснѣе всѣхъ героевъ „Дьявола“—Лиза. Но что сложнаго въ этой рожденной женѣ, созданной изъ ребра Адама и стремящейся раствориться въ своемъ цѣломъ?

Два, три штриха опытной, чудотворной руки геніальнаго мастера и портретъ готовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Ортодоксъ.

Принципы и предрасудки.

(Къ вопросу о борьбѣ за свободу коалицій).

Лозунгъ того могущественнаго массоваго движенія, которое порождено ленскимъ разстрѣломъ—свобода коалицій. Глубокій классовый и—въ своихъ послѣдствіяхъ—всеобъемлющій характеръ этого лозунга долженъ теперь раскрыться даже слѣпымъ.

Съ точки зрѣнія демократическихъ идеологовъ свобода коалицій есть лишь частный, притомъ „само собою разумѣющийся“ выводъ изъ общихъ принциповъ политической демократіи. Для капиталистическаго либерализма свобода коалицій—„неизбѣжное зло“, которое нужно тѣмъ рѣшительнѣе ограничить и урѣзать, чѣмъ непримиримѣе становится классовая борьба. Совсѣмъ иначе стоитъ этотъ вопросъ для пролетаріата. Свобода коалицій для него—основной, первый по времени и по значенію политическій выводъ, который рабочій классъ дѣлаетъ изъ практики своего собственнаго движенія. Уже изъ первыхъ элементарнѣйшихъ потребностей коллективной самообороны и коллективнаго наступленія на капиталъ вытекаетъ для пролетаріата необходимость свободы собраній, союзовъ и стачекъ. Требованія всеобщаго избирательнаго права, народнаго верховенства, милиціи, выборности судей и т. д. лишь въ той мѣрѣ становятся прочнымъ, неискоренимымъ достояніемъ пролетарскаго сознанія, въ какой они путемъ опыта вытекаютъ изъ потребностей классового общенія, классового сплоченія, классовой борьбы.

Растворять свободу коалицій въ программѣ политической демократіи, какъ „сама собою разумѣющуюся“ часть, могутъ лишь мелко-

буржуазные демократы-идеалисты да еще тѣ весьма сомнительные „марксисты“, которые просто переняли отъ буржуазныхъ якобинцевъ республиканскую программу, но не пропитали ее социальнымъ содержаниемъ классовой борьбы. Не свобода коалицій вытекаетъ для пролетаріата, какъ логическій выводъ, изъ демократической программы, а наоборотъ: демократическая программа вытекаетъ для него изъ необходимости свободы коалицій. Соціалдемократія борется за демократію въ интересахъ свободы классовой борьбы, т. е. прежде всего въ интересахъ свободы союзовъ, собраній и стачекъ. Каждую государственную форму, въ томъ числѣ и полную демократію, мы оцѣниваемъ прежде всего въ зависимости отъ того, въ какой мѣрѣ она гарантируетъ рабочимъ свободу ихъ классового движенія. Такимъ образомъ свобода коалицій для насъ не частный пунктъ демократической программы, а верховный классовой критерій надъ всей программой политической демократіи.

По отношенію къ лозунгу—свободѣ коалицій—петиціонная форма борьбы имѣетъ, разумѣется, подчиненное значеніе: это одна изъ возможныхъ формъ мобилизаціи пролетаріата, принципиально столь же пригодная, какъ и другія. Борьба нѣкоторыхъ группъ съ петиціей, шла одновременно по двумъ линіямъ: оспаривая ея лозунгъ, какъ „частичный“, отвергалась ея форма, какъ недостойная пролетаріата.

Полемика противъ петиціонной кампаніи—въ высшей степени безпринципная и внутренне-противорѣчивая, какъ мы увидимъ ниже—внесла, однако, не мало смуты въ головы читателей и раздробила кампанію, тѣмъ самымъ ослабивъ ее. Сейчасъ, когда борьба за свободу коалицій обѣщаетъ принять совершенно иные размѣры, необходимо подвести итоги петиціонно-коалиціонной полемики и попытаться смести съ дороги классового движенія хламъ старыхъ предразсудковъ.

I.

Съ самаго начала группа Ленина стала на точку зрѣнія, чисто-словеснаго радикализма: петиція нехороша тѣмъ, что она петиція. Зарубежная „Рабочая Газета“ этой группы рассказывала иронически о новомъ «планѣ „борьбы“:—обратиться къ Гос. Думѣ съ петиціей (т. е. съ ходатайствомъ, просьбой, прошеніемъ)» (№ 4—5, курс. нашъ). Это критика, какъ видимъ, имѣла чисто филологическій характеръ: въ латинскомъ словарѣ значится, что слово петиція означаетъ ходатайство, а для крѣпости можно даже перевести и такъ: „слезница“,—и тогда станетъ ясно, что для рабочихъ это дѣло совсѣмъ неподходящее. Эта былъ первый, откровенный доводъ—изъ глубинъ латинскаго словаря.

Съ полнымъ одобреніемъ приводили тогда противники петиціи слѣдующія слова: „Русскій рабочій настолько выросъ изъ пеленокъ и такъ привыкъ къ организованнымъ выступленіямъ, что времена петицій должны быть уже только достояніемъ исторіи“. Не писать петицій, т. е. ходатайства и слезницы, долженъ рабочій классъ, а —„бороться“. Эта незамысловатая мысль варьировалась на тысячу ладовъ. Свидѣтельствуя о серьезномъ классическомъ образованіи, она не свидѣтельствовала, однако, о большемъ политическомъ смыслѣ.

„Правда,—пишетъ по этому поводу Адольфъ Браунъ въ отвѣтъ на предпринятую нами анкету,—для специалистовъ языковѣдѣнія, къ числу которыхъ, однако, рабочіе—по крайней

мѣръ у насъ—принадлежать лишь въ самомъ ничтожномъ количествѣ, въ словѣ „петиція“ заключается непріятный привкусъ ходатайства. Но каждый изъ насъ знаетъ, что понятія мѣняются, хотя слова и произносятся по прежнему“.

Ясно, что этотъ словесный доводъ противъ петиціи заранѣе отвергаетъ не данную только петицію, а всякую петицію вообще. И тѣмъ самымъ осуждаетъ почти всю международную социалдемократію, неоднократно прибѣгавшую къ петиціонной формѣ мобилизаціи пролетаріата.

II.

Чувствуя, однако, рискованность такой огульной расправы—по латинскому словарю—съ международной социалдемократіей, принципиальные противники петиціи пытались опорочить не только имя, но и самый текстъ обращенія къ Думѣ: „они пишутъ свою петицію такъ,—говоритъ Г. Зиновьевъ,—специалистъ противъ „петицій“ и „коалицій“—что заурядный рабочій неизбѣжно понимаетъ ее, какъ челобитную, какъ ходатайство *)“. И тутъ же въ подтвержденіе этой оцѣнки слѣдуетъ ссылка на „меньшевика Н—ва“. Мнѣнію „меньшевика Н—ва“ можно, однако, противопоставить кое-какія другія мнѣнія: мы дословно перевели текстъ петиціи на нѣмецкій языкъ и предложили нѣкоторымъ виднымъ представителямъ интернаціонала высказать объ этомъ документѣ свое мнѣніе. И вотъ какіе мы получили отвѣты.

„Текстъ петиціи—пишетъ Каутскій—отнюдь не составленъ въ тонѣ покорнаго просителя; онъ содержитъ не просьбу, а требованіе“. „Форма предложенной петиціи—пишетъ непримиримый революціонеръ Карлъ Либкнехтъ—прямо противоположна униженному ходатайству (ist das Gegenteil von erniedrigend)“. „Я нахожу тонъ этой „петиціи“—пишетъ цитированный нами Адольфъ Браунъ, марксистъ, богатый опытомъ германской и австрійской социалдемократіи,—образцовымъ, серьезнымъ и достойнымъ. Никого содержаніе данной петиціи не можетъ навести на филологическій смыслъ этого слова. Сильная и энергичная, говорящая языкомъ фактовъ, эта петиція, дающая выраженіе требованію рабочихъ, представляетъ собою отрадный документъ духовной жизни рабочаго класса“.

Ни одинъ изъ опрошенныхъ нами европейскихъ товарищей, политической компетентности и революціоннаго чутія которыхъ никто, надѣмся, не дерзнетъ оспаривать, не открылъ въ текстѣ петиціи ничего, что было бы несовмѣстимо съ достоинствомъ рабочаго класса.

Болѣе того. На вопросъ: не слѣдовало ли въ петицію съ самаго начала включить надлежащую оцѣнку думскаго большинства, Каутскій отвѣчаетъ: „Петиція не кажется мнѣ подлежащимъ мѣстомъ для обзора партійныхъ отношеній“.

Чѣмъ же объяснить такое поразительное несовпаденіе оцѣнокъ? „Челобитная“ и „слезница“,—говоритъ намъ Зиновьевъ. Нѣтъ, тре-

*) „Вопросы тактики“, 1912, стр. 40. Нѣсколько словъ объ этой брошюрѣ. Читать ее—одна мука. Это образцовое произведеніе молодого, но не подающаго надеждъ кружкового службиста. На протяженіи 60 страничекъ—какая-то военно-писарская раздѣлка въ грубомъ, бездарно-бранчивомъ тонѣ—и все это безъ основной мысли, безъ ладу, безъ складу. Только въ герметическо-закупоренномъ пространствѣ кружка, гдѣ привыкли не уважать читателя и не считаться съ нимъ, возможно еще такое сочинительство.

бование,—говорит Каутский. Нѣтъ, прямая противоположность челобитной,—говорит Карль Либкнехтъ. Нѣтъ, образцовый, достойный и серьезный документъ,—говорит Адольфъ Браунъ.

Растерявшійся Зиновьевъ не знаетъ въ отвѣтъ ничего, кромѣ инсинуаціи: онъ заявляетъ, что текстъ петиціи мы сообщили европейскимъ товарищамъ „въ нѣсколько исправленномъ и улучшенномъ видѣ, напр., съ умолчаніемъ объ обращеніи къ 3-ей Думѣ со словами „господа народные представители“ (стр. 54). Разумѣется, это неправда съ начала до конца. Петицію мы сообщили въ томъ видѣ, въ какомъ она была намъ прислана (оригиналъ хранится у насъ) и въ какомъ она была напечатана въ № 3 „Дѣла Жизни“, не прибавляя и не убавляя, конечно, ни одного слова. Противно нагибаться до такого рода обвиненій. Въ нѣмецкой партіи для такихъ occasій существуетъ Presskommission и другія партійныя учрежденія,—тамъ баляющему перомъ „милюстивому государю“, который мимоходомъ позволилъ бы себѣ облыжно обвинить противника въ „исправленіи“ „улучшеніи“ (т. е. въ фальсификаціи!) цитируемаго документа, очень внушительно и разъ на всегда объяснили бы, что рабочая пресса требуетъ прежде всего честнаго обращенія со словомъ.

III.

Петиція есть форма политическаго заявленія, выработанная практикой парламентаризма. Революціонное ли это орудіе или консервативное—это зависитъ не отъ названія, не отъ формы, а единственно отъ того, какой классъ этимъ орудіемъ пользуется и во имя какихъ цѣлей. Тоже самое приходится сказать относительно парламентаризма въ цѣломъ. Формы, приемы, обрядности и терминологию парламентаризма буржуазный либерализмъ выработалъ въ интересахъ буржуазіи. Соціалдемократія используетъ ихъ въ интересахъ пролетаріата. Право законодательной инициативы, право запросовъ, бюджетное право,—во всѣ эти формы буржуазнаго парламентаризма соціалдемократія вноситъ своей работой классовое пролетарское содержаніе. Но если право законодательной инициативы, право запросовъ и бюджетное право, осуществляемые небольшою соціалдемократической фракціей въ стѣнахъ парламента, стали орудіемъ въ классовой борьбѣ пролетаріата,—то почему же не можетъ имъ стать право петиціи, приводящее въ движеніе самыя массы? И притомъ у насъ въ Россіи—въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ на Западѣ, ибо право петицій теряетъ свое значеніе именно въ той мѣрѣ, въ какой развивается въ странѣ общественно-политическая жизнь.

Георгъ Ледебуръ, одинъ изъ парламентскихъ представителей крайняго лѣваго крыла германской соціалдемократіи, слѣдующимъ образомъ говоритъ о примѣненіи разныхъ парламентскихъ формъ:

„Мы пользуемся въ парламентѣ различными формами заявленія нашихъ требованій и нуждъ: внесеніемъ законопроектовъ, поправокъ къ чужимъ законопроектамъ, внесеніемъ запросовъ, резолюцій (мотивированныхъ переходовъ къ очереднымъ дѣламъ),—почему же намъ отказываться отъ петиціонной формы, которая позволяетъ намъ въ порядокъ парламентскихъ работъ внести вопросъ, поставленный на очередь въ парламентъ? Если мы чего-нибудь достигнемъ при этомъ практически,—прекрасно! А нѣтъ,—агитаціонный результатъ во всякомъ случаѣ на нашей сторонѣ“.

Карль Либкнехтъ, тоже одинъ изъ крайнихъ лѣвыхъ въ партіи, пишетъ:

„Внесеніе законопроекта или запроса по поводу права коалицій врядь ли натолкнется въ русской партіи на сопротивленіе или сомнѣніе; мы въ Германіи и Пруссіи примѣняли эти средства во всякомъ случаѣ безъ опаски и съ наилучшимъ успѣхомъ,—съ успѣхомъ прежде всего, разумѣется, агитаціоннымъ, который, однако, является рычагомъ всякаго другого успѣха... И поистинѣ нѣтъ никакой разницы въ томъ, черезъ какую дверь войдетъ такого рода агитаціонная дискуссія. Суть дѣла въ агитаціонномъ воздѣйствіи на массы. И почему такого рода дѣйствіе должно быть отвергнуто только потому, что оно вызывается къ жизни самой массой, посредствомъ внѣпарламентскихъ силъ, этого мнѣ ни за что въ свѣтѣ не понять“.

Но зато Зиновьевъ это отлично понимаетъ.

„Внести социалдемократическій законопроектъ о свободѣ стачекъ—такъ пишетъ онъ—это у насъ въ Россіи возможно, это значитъ серьезно, а не на бумагѣ, использовать 3-ье думскій парламентаризмъ“.

Что значитъ „серьезно, а не на бумагѣ“? Почему Зиновьевъ думаетъ, что нельзя быть серьезнымъ — „на бумагѣ“? И на чемъ пишутся законопроекты, по мнѣнію Зиновьева: ужели вилами на водѣ? И почему законопроектъ не долженъ быть, подобно петиціи отброшенъ, „какъ средство легальной во что бы то ни стало борьбы“? За что такое послабленіе? Вѣдь какъ-никакъ предусмотрѣнное положеніемъ о Гос. Думѣ внесеніе законопроекта куда „легальнѣе“, чѣмъ запрещенная тѣмъ же положеніемъ подача петицій? И почему внесеніе законопроекта не можетъ быть истолковано, какъ нечестивое проявленіе борьбы за „частичное право“? Вѣдь такой законопроектъ ужъ во всякомъ случаѣ не приводитъ всей нашей программы, ни даже ея минимальной части, ни даже всего вопроса о свободѣ коалицій—вѣдь онъ, этотъ законопроектъ, беретъ только одинъ единственный вопросъ—о свободѣ стачекъ, рѣзко и безъ колебаній, точно бритвой, отрѣзаетъ его отъ всѣхъ другихъ вопросовъ и формулируетъ въ положительныхъ терминахъ закона. Чего же смотрять шаманы отъ нашего истинно-камышцкаго лже-марксизма? Или, можетъ, Зиновьевъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что при обсужденіи законопроекта будутъ произнесены рѣчи, которыя приведутъ вопросъ о свободѣ стачекъ въ связь со всѣми другими вопросами? Но почему же нельзя такихъ рѣчей произнести при оглашеніи петицій съ думской трибуны? Почему? Въ чемъ тутъ разница? Чего вы путаете, зачѣмъ вертитесь, зачѣмъ вилаете? Зачѣмъ вносите смуту и хаосъ, въ головы читателя вмѣсто того, чтобы засѣсть за книжки и внести немножко ясности въ собственную голову? И когда, наконецъ, мы освободимся отъ этой проклятой азіатчины, которая даетъ возможность каждому—именемъ партіи!—фотографически запечатливать всю ту самобытную чепуху, которая замѣняетъ ему образъ мыслей?

IV.

„Мы оспаривали,—заявляетъ неожиданно Зиновьевъ въ последнемъ своемъ „сочиненіи“,—не петицію вообще и вовсе не петиціонный способъ воздѣйствія, какъ таковой, независимо отъ условій мѣста и времени“.

Но вѣдь не такъ давно намъ говорили, что петиція по самому смыслу своему есть „ходатайство“, что петиція есть „бумажка“. Значить отъ латинскаго словаря мы теперь отказываемся? Прекрасно, хотя и слѣдовало бы это дѣлать съ менѣе побѣдоноснымъ видомъ. Но Богъ съ нимъ, съ видомъ: ясно, во всякомъ случаѣ, что петиція вообще допускается. Резолюція конференціи ленинцевъ прямо говоритъ: „при извѣстныхъ условіяхъ массовая рабочая петиція можетъ быть весьма пригодной формой протеста“... Однако при какихъ же это условіяхъ? Вѣдь изъ „Раб. Газеты“ мы уже знаемъ, что „русскій рабочий настолько выросъ изъ пеленокъ..., что времена петиціи должны быть уже только достояніемъ исторіи“... Не приходится ли заключить, что петиція крайне пригодна была для прошлыхъ эпохъ, когда пролетаріатъ былъ „въ пеленкахъ“,—скажемъ, для эпохи Александра III—и совершенно не можетъ быть пригодна для будущаго?

Въ той же брошюрѣ Зиновьевъ слегка помогаетъ намъ разобраться въ этихъ затрудненіяхъ. Подвигнутый петиціонной полемикой на ознакомленіе съ исторіей чартизма, онъ рассказываетъ намъ, что первой петиціи чартистовъ, поданной въ 1838 г., предшествовало 5000 митинговъ и собраній. Джонсъ произносилъ рѣчи, которыхъ „нельзя безъ живѣйшаго волненія читать и теперь“. Мало того: на собраніяхъ, происходившихъ „часто ночью, при свѣтѣ факеловъ“, тысячи людей являлись вооруженными. „За такое „петиціонное“ движеніе—заканчиваетъ Зиновьевъ—революціонные социалдемократы въ Россіи стоятъ безусловно“. Хотя и эта формулировка не очень ясна, — ибо трудно понять, стоитъ ли Зиновьевъ за митинги, за факелы или за петицію,—но при нѣкоторомъ снисхожденіи можно все же мысль его истолковать такъ, что онъ готовъ признать петицію лишь въ томъ случаѣ, если она опирается на митинги и по возможности освѣщается факелами. Но вѣдь тогда уже окончательно становится яснымъ, что тотъ, кто годъ тому назадъ увѣрялъ, будто русскій пролетаріатъ переросъ петицію—на дѣлѣ лишь льстилъ пролетаріату, убаюкивалъ его классовую совѣсть.

И если петиція не собрала ни милліона подписей, ни сотни тысячъ, хотя и гораздо болѣе, чѣмъ 1295 подписей,—на эту цифру съ недостойнымъ злорадствомъ разъ десять указываетъ Зиновьевъ,—такъ это не потому, что текстъ былъ плохъ, и не потому, что петиція по-латински значить ходатайство. и не потому, что петиція пишется на „бумажкѣ“, а не на дамаскомъ клинкѣ и даже не потому, что инициаторы петиціи вышли на улицы безъ факеловъ, а потому что пролетаріатъ и въ прошломъ году только еле-еле выходилъ изъ дремоты контръ-революціонной эпохи. И это общее состояніе пролетаріата одинаково отражалось на всѣхъ его выступленіяхъ, въ томъ числѣ и на первомайскомъ празднованіи. Разумѣется, можно спорить, цѣлесообразно ли было уже на данной стадіи пробужденія рабочихъ массъ прибѣгать къ петиціонной формѣ ихъ мобилизаціи, не цѣлесообразнѣ ли было бы выжидать, пока экономическое оживленіе и порождаемая имъ стачечная борьба еще болѣе раскачаетъ массы, заставить ихъ ярче и непосредственнѣе почувствовать необходимость свободы коалицій, и ужъ тогда объединить движеніе подъ знаменемъ „коалиціонной“ петиціи,—но это вопросъ практическаго учета, который встаетъ при каждой попыткѣ политическаго дѣйствія. На данномъ предпріятіи начать стачку можетъ быть выгоднѣе въ августъ, чѣмъ въ январь; въ январѣ стачечный призывъ можетъ вообще не найти отклика,

но поднимать по этому поводу вопросъ о пригодности стачки, какъ средства борьбы, значитъ обнаружить свою полную непригодность—въ августѣ, какъ и въ январѣ.

Зиновьевъ нынче за чартистскую петицію—съ митингами и пр. Прекрасно. Но вѣдь какразъ около времени начала петиціонной кампаніи въ Петербургѣ произошло нѣсколько митинговъ протеста противъ преслѣдованія рабочихъ организацій, причемъ самъ Зиновьевъ неоднократно возвращается къ этимъ митингамъ какъ къ проявленіямъ истинной массовой политики. Положимъ, что митинги эти собрали всего 10 тысячъ рабочихъ, такъ что общая пассивность массъ въ полной мѣрѣ сказалась и на нихъ. Но все равно. Митинги были—и потому же самому вопросу—борьбы за свободу коалицій. И казалось бы, Зиновьевъ долженъ былъ всецѣло стоять за то, чтобы митинги эти—какъ у чартистовъ—выразили свое требованіе въ формѣ петиціи и такимъ путемъ изъ эпизодическихъ явленій превратились въ составные моменты общаго натиска рабочихъ на режимъ 3-го іюня. Анъ, не тутъ то было. Вмѣсто того, Зиновьевъ съ упоеніемъ сообщаетъ, будто митинги происходили „прямо въ противовѣсъ петиціонной кампаніи“ (*). Теперь окончательно приходится предположить, что Зиновьеву, какъ романтику по натурѣ, не хватало для принятія петиціи только факеловъ.

V.

Ясно: петиція не ходатайство, а требованіе. Но могутъ ли рабочіе обращаться хотя бы и съ требованіями къ людямъ 3-го іюня, къ нынѣшней Думѣ или къ правительству, создавшему эту Думу? „Не проекты и требованія должны посылать рабочіе въ настоящее время въ Думу,—такъ пишетъ, напримѣръ „Кр. Зн.“, органъ польской социалдемократіи,—но единственно протесты..., дающіе социалдемократической фракціи матеріалъ для объявленія съ думской трибуны рабочихъ требованій,—т.-е. дающіе возможность использовать Думу... какъ агитаціонную трибуну“ (**)) и пр. Выходитъ такъ: рабочія массы не могутъ обращаться къ Думѣ съ требованіями, а только съ протестами; но социалдемократическая фракція изъ этихъ протестовъ, какъ изъ „матеріала“, можетъ лѣпить рабочія требованія. Здѣсь устанавливается какое-то принципиальное качественное различіе между борьбой социалдемократическаго пролетаріата и его думской фракціей. Одно изъ двухъ: если предъявленіе требованій допустимо для социалдемократіи съ думской трибуны, то оно допустимо и изъ-за думской ограды. Если же рабочая масса можетъ только протестовать и негодовать по поводу произвола властей, то и думская фракція не имѣетъ права формулировать пролетарскія требованія передъ лицомъ представителей всероссійскаго произвола. Нельзя устанавливать принципиальной двойственности въ работѣ партіи: нельзя смотрѣть на массу, какъ на поставщицу сырого матеріала или политическаго полуфабриката, изъ котораго парламентскіе „вожди“ чеканятъ политическія требованія. Но

*) „Взпросы тактики“, стр. 8, примѣч.

**) Другая с.-д. организація въ Царствѣ Польскомъ Р. Р. С.—„Лѣвица“, стоитъ въ вопросѣ о петиціонной кампаніи въ общемъ и цѣломъ на той же точкѣ зрѣнія, какую мы здѣсь развиваемъ. Петиціонную кампанію Р. Р. С. проводитъ въ настоящее время практически. Подъ своей петиціей Р. Р. С. собрала около 2000 голосовъ. (Отмѣтимъ тутъ же, что единодушно выступавшая Латышская с.-д. собрала 5.000 подписей).

Получено 17 Сентября 1906
Въ редакцію
Въ редакцію

нельзя также смотрѣть на думскую фракцію, какъ на грѣховный отрокъ партіи, который все равно зараженъ третьейюнесской проказой и которому по этому разрѣшаются такіа дѣйствія, которыя могли бы только осквернить рабочую массу.

А затѣмъ: какой смыслъ имѣетъ противопоставленіе протеста—требованію? Разумѣется, если протестъ касается дурного устройства солнечной системы или млечнаго пути, тогда онъ не заключаетъ въ себѣ никакого требованія. Но если протестъ направленъ противъ разгрома проф. союзовъ, то онъ тѣмъ самымъ означаетъ требованіе прекратить практику разгрома. Требованіе, обращенное къ людямъ 3-го іюня вовсе не означаетъ надежды на то, что люди 3-го іюня, подарятъ рабочимъ свободу коалицій; наоборотъ: оно означаетъ, что рабочіе одинаково непримиримо будутъ бороться и съ людьми 3-го іюня и съ ихъ возможными либеральными преемниками—во имя свободы классовой борьбы.

Основная ошибка отвергающихъ петицію, какъ способъ мобилизаціи пролетаріата, состоитъ въ томъ, что они искусственно отрѣзываютъ петицію отъ всѣхъ другихъ формъ парламентарной работы. Если мы стоимъ на той точкѣ зрѣнія, что нельзя дѣлать правительству запросы насчетъ нарушенія закона 4-го марта и еще нельзя требовать отъ 3-ей Думы реформы этого закона,—тогда, конечно, петиція не должна имѣть мѣста; но тогда и с.-д. фракція не должна въ Думѣ дѣлать правительству запросы, вносить законопроекты, или поправки къ чужимъ законопроектамъ: тогда фракцію нужно отозвать; тогда правы отзовисты; тогда намъ нужно брать примѣръ съ социалистовъ-революціонеровъ, у которыхъ въ Думѣ нѣтъ фракціи и которые благодаря этому, какъ извѣстно, совершаютъ нивѣсть какія революціонныя чудеса. Но если мы признаемъ цѣлесообразность использованія думской работы и считаемъ необходимымъ для с.-д. думской фракціи пользоваться правомъ запроса и законодательной инициативы,—какъ же можемъ мы отвергать активное вмѣшательство самихъ массъ въ работу Думы?

На вопросъ, допустимо ли обращаться съ какими-либо определенными требованіями къ Думѣ, какъ къ учрежденію, во-первыхъ, крайне реакціонному, во-вторыхъ, не обладающему дѣйствительной властью, Каутскій отвѣчаетъ.

„Если-бы это (реакціонность и безсиліе Думы Н. Т.) могло служить основаніемъ для того, чтобы не обращаться къ Думѣ ни съ какими требованіями въ формѣ петиціи, тогда вообще не надо было бы имѣть дѣла съ Думой. Зачѣмъ тогда выбирать въ нее депутатовъ? Такъ же, какъ и выборы въ Думу, петиціи являются для пролетарскихъ массъ средствомъ сосчитать свои ряды, познать и проявить свою силу, внушить уваженіе противникамъ и достигнуть самосознанія. Эти положительные результаты получаются, даже если Дума реакціонна и безсильна“.

„Болѣе того. Если бы Дума не была реакціонна и безсильна, тогда не приходилось бы обращаться къ ней съ требованіями, тогда она уже дала бы и провела бы въ жизнь право коалицій. Какъ разъ потому, что она реакціонна и безсильна, нужна массовая акція въ пользу права коалицій. И если при данныхъ условіяхъ петиція представляется наиболѣе подходящей формой для того, чтобы дать выраженіе волѣ массъ, то реакціонный характеръ Думы не является доводомъ, говорящимъ противъ этого“.

Да вѣдь это же размѣниваніе конечной цѣли на частичныя требованія! Да вѣдь это же бернштейніанство, ревизионизмъ и пр.! Не такъ ли?

Что вообще означаетъ обвиненіе въ размѣниваніи революціи на борьбу за частныя права? Внѣшнимъ образомъ это обвиненіе похоже на то, какое европейскіе марксисты направляютъ противъ оппортунистовъ, но по существу тутъ нѣтъ ничего общаго. Ревизионисты (или оппортунисты) надѣются осуществить социализмъ по частямъ, т.-е., дѣйствительно размѣниваютъ социальный переворотъ на борьбу за частныя реформы. По мнѣнію марксистовъ—и это мнѣніе, какъ нельзя лучше подтверждается общественнымъ развитіемъ послѣднихъ десятилѣтій—отдѣльныя реформы въ рамкахъ буржуазнаго общества не могутъ привести къ социализму, потому что весь нынѣшній государственный аппаратъ, находящійся въ рукахъ буржуазіи, какъ зѣницу ока охраняетъ частную собственность на средства производства и слѣдовательно не допустить реформъ, упраздняющихъ капиталистическій строй. Для осуществленія социализма необходимо, говорятъ они, чтобы пролетаріатъ вырвалъ государственную власть изъ рукъ буржуазіи и замѣнилъ частную собственность на средства производства—собственностью общественной. Это и есть социальная революція. Но возставая самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ подмѣниванія социализма социальнымъ реформаторствомъ, марксисты отнюдь не возстаютъ противъ самой борьбы за реформы. Наоборотъ. Въ противоположность анархистамъ они считаютъ, что путь къ социальной революціи лежитъ только черезъ борьбу за реформы. Мобилизація массъ вокругъ всѣхъ требованій минимальной программы, независимо даже отъ большаго или меньшаго практическаго успѣха этой борьбы, сама по себѣ сплачиваетъ рабочихъ, дисциплинируетъ ихъ, сталкиваетъ съ враждебными классами, съ государствомъ и подготавливаетъ ихъ къ социальной революціи.

Можно ли утверждать, что такого рода тактика означаетъ размѣниваніе конечной цѣли на мелочную борьбу за отдѣльныя права? Разумѣется, нѣтъ,—ибо это значило бы попросту осудить тактику всей международной социалдемократіи и выкинуть за бортъ минимальную программу, какъ ненужный балластъ. Но группа Ленина полагаетъ, очевидно, что эта тактика, правильная сама по себѣ, не примѣнима у насъ въ Россіи, гдѣ нѣтъ еще условій парламентарнаго режима. Вести при этихъ условіяхъ кампанію за свободу коалицій значить, по ея мнѣнію, создавать иллюзіи, будто рабочія коалиціи совмѣстимы съ режимомъ 3-го іюня. Но это же самое придется сказать, очевидно, обо всей нашей остальной минимальной программѣ. Вносить въ Думу социалдемократическій законопроектъ государственнаго страхованія значить создавать „иллюзіи“, будто Дума 3-го іюня можетъ его принять. Да и помимо Думы: развернуть въ странѣ первомайскую кампанію подъ лозунгомъ 8 часового рабочаго дня не значить ли создавать иллюзіи, будто 8-часовой рабочей день возможенъ въ столичной Россіи?

Еслибъ кто-нибудь рѣшился сдѣлать выводъ, что борьба за свободу коалицій должна сопровождаться примиреніемъ рабочаго движенія съ легальными рамками нынѣшней Россіи, тотъ обнаружилъ бы въ себѣ только наивнаго утописта и пошлаго идолопоклонника легальности во что бы то ни стало. Такого рода тенденціямъ передовые рабочіе должны неизмѣнно давать отпоръ. Но отказываться отъ агитаціи за свободу коалицій изъ-за опасности оппортунистическихъ выводовъ значить поистинѣ выплескивать изъ корыта ребенка вмѣстѣ съ мыльной

водой. Отказываться от планомѣнной агитаціи за „частныя“ классовыя требованія пролетаріата значитъ по существу отказываться отъ классовой тактики. Ибо что тогда останется? „Извѣстная русская поговорка“,—вотъ единственная „кампанія“, которую придется признать законной. Но ясно вѣдь, что движеніе, цѣликомъ подчиненное голому общедемократическому лозунгу, было бы совершенно лишено характера классовой борьбы. Оно означало бы полную капитуляцію социалдемократіи, какъ партіи классовыхъ интересовъ пролетаріата, передъ общими потребностями политической демократіи. Мы не можемъ откладывать классовыя требованія „на другой день“ послѣ побѣды. Уже сейчасъ, въ нынѣшнихъ условіяхъ, с.-д-ія можетъ раскрыть все содержаніе своей минимальной программы—и не путемъ отвлеченной пропаганды только, а путемъ массовыхъ требованій, выступленій и наступленій. Сосредоточеніе политическихъ дѣйствій пролетаріата вокругъ очередныхъ, навязываемыхъ самой жизнью частныхъ требованій минимальной программы меньше всего способно вызвать мысль о примиримости интересовъ пролетаріата съ нынѣшнимъ режимомъ: наоборотъ, только такимъ образомъ непримиримость пролетаріата и реакціи изъ идеи становится фактомъ, раскрывается въ дѣйствіи, приближаетъ эпоху открытыхъ конфликтовъ и дѣлаетъ пролетаріатъ способнымъ отстоять въ этихъ конфликтахъ свои классовые интересы, а не попросту выгребать для имущихъ классовъ каштаны изъ огня.

Такъ стоитъ вопросъ о взаимоотношеніи между частными требованіями и конечной цѣлью; таково же должно быть и взаимоотношеніе между различными частными требованіями: свободы коалицій, 8-час. раб. дня и государственной демократіи,—ибо вѣдь и законченная государственная демократія — „частное“ требованіе, о чемъ слишкомъ склонны забывать нѣкоторые мнимые марксисты.

VI.

Изложивъ въ мѣру своего разумѣнія эти наши соображенія, Зиновьевъ что-то такое невнятное бормочетъ про экономистовъ, про ревизионистовъ, про книжку Бернштейна и приходитъ къ тому выводу, что, признавая необходимость и въ данномъ режимѣ вести борьбу за частныя требованія, я тѣмъ самымъ оказываюсь экономистомъ и бернштейнианцемъ.

Посмотримъ, однако, какъ смотреть на этотъ вопросъ Карлъ Каутскій—тотъ самый, который далъ въ свое время уничтожающій отпоръ бернштейнианству.

Возраженія, будто „недопустимо ставить современному русскому правительству... какія-либо положительныя требованія (какъ, наприм., свободы коалицій), ибо этимъ-де возбуждаются иллюзіи“ и пр.,—эти возраженія—пишетъ Каутскій,—

„представляются мнѣ особенно сомнительными. Они направлены противъ того, чтобы вообще выставлять положительныя требованія, въ формѣ ли петицій или въ другой формѣ, такъ какъ этимъ-де возбуждаются иллюзіи, будто правительство можетъ что-либо дать или будто современный русскій режимъ можетъ быть по частямъ выскобленъ. Такая точка зрѣнія логически приводитъ къ слѣдующему: мы ничего не должны дѣлать,—только готовить великую революцію. Всякое другое дѣйствіе этъ

лукавого. Всякая попытка добиться для пролетариата уже при данных условиях несколько большей свободы—должна быть осуждена.

„Эта точка зрѣнія: все или ничего, представляет самое роковое заблужденіе, которому можетъ подпасть социалистическая партія. Она означаетъ—парализовать силы пролетариата до момента, о которомъ никто не знаетъ, когда онъ наступитъ, и который быть можетъ никогда и не наступилъ бы, если бы дѣйствовали, руководясь этимъ правиломъ. Ибо силы пролетариата растутъ только въ повседневной борьбѣ, въ которой онъ завоевываетъ одну позицію за другой, пока не станетъ достаточно сильнымъ, чтобы дать рѣшительный бой или чтобы предпринять штурмъ на твердыни врага.

„Совершенно извращенная точка зрѣнія—думать, что до тѣхъ поръ, пока силы пролетариата не способны завоевать всю политическую власть, онъ также недостаточны для того, чтобы оказывать политическое вліяніе и чтобы добиться лучшихъ условий для политической и экономической борьбы и организаціи. И не менѣе извращенная точка зрѣнія—думать, что борьба за отдѣльные требованія, какъ за право коалицій, вредитъ революціонному сознанію массъ и отодвигаетъ революцію.

„Россійская социалдемократія не имѣетъ въ настоящее время болѣе важной задачи, чѣмъ борьба за такія отдѣльные требованія. И чѣмъ энергичнѣе она будетъ вести эту борьбу, тѣмъ сильнѣе и революціоннѣе будетъ становиться пролетаріатъ“.

Довольно ясно, не правда ли? Та точка зрѣнія, которая Зиновьеву кажется марксистской, по Каутскому оказывается „совершенно извращенной точкой зрѣнія“.

То же самое говоритъ и Адольфъ Браунъ.

„Позвольте мнѣ сдѣлать скромное замѣчаніе, что, какъ ни отличны Россійскія условія отъ германскихъ и австрійскихъ, наши рабочіе, повѣрьте, не менѣе страстно желаютъ достиженія нашихъ конечныхъ цѣлей и готовы за нихъ бороться. И если въ Россіи—хотятъ признавать только борьбу за всю совокупность нашихъ требованій, то это безусловно должно имѣть силу и по отношенію къ германскому и австрійскому пролетариату. Пожалуй, не безъ основанія можно было бы даже сдѣлать тотъ выводъ, что рабочіе къ западу отъ русской границы еще въ большей мѣрѣ обязаны отвергать всякое отдѣльное требованіе и признавать только борьбу за конечныя цѣли социалдемократіи. И однако, рабочіе Германіи и Австріи борются за каждый вершокъ своихъ позицій, за каждую возможность успѣха, за каждое затрагивающее ихъ интересы слово въ законопроектѣ, въ парламентскомъ постановленіи и даже въ административномъ и судебномъ рѣшеніи.

„Эта тактика, которой учитъ вся исторія германскаго и австрійскаго рабочаго движенія, отнюдь не ослабила революціоннаго настроенія, готовности къ борьбѣ и страстнаго стремленія къ осуществленію нашихъ конечныхъ требованій.

„Поэтому я думаю, что и рабочему классу Россіи петиціонное движеніе не принесетъ вреда, а, напротивъ, какъ я надѣюсь и желаю, и какъ учить опытъ с.-д.—и другихъ странъ, придастъ новыя силы. Русскіе рабочіе могутъ со спокойной совѣстью смо-

трѣтъ на это средство борьбы, какъ на оружіе противъ современнаго государственнаго и общественнаго строя, какъ на средство просвѣщенія рабочихъ массъ и сплоченія ихъ для защиты ихъ интересовъ, какъ на средство расширенія ихъ правъ, повышенія ихъ способности къ борьбѣ, пробужденія спящихъ массъ и, тѣмъ самымъ, какъ на средство увеличенія числа тѣхъ, которые готовы бороться съ абсолютизмомъ и съ капиталистической эксплуатацией, числа тѣхъ, которые готовы будутъ, когда понадобится, пожертвовать всѣмъ—жизнью, положеніемъ, свободой и семьей,—чтобъ освободить Россію отъ оковъ рабства“.

„Совершенно несостоятельной, прямо таки абсурдной *)—заявилъ намъ по тому же вопросу Викторъ Адлеръ—является, съ моей точки зрѣнія, мысль, будто частныя требованія вообще не могутъ выставляться въ настоящее время русскими рабочими. Требованіе свободы коалицій не есть комплиментъ существующему правительству, а есть то, что есть: требованіе. Да и какъ же иначе поступать? По каждому поводу предъявлять весь каталогъ нашихъ требованій? Но это упраздняетъ политическую борьбу. Искусство политическаго дѣйствія именно и состоитъ въ сосредоточеніи всѣхъ силъ на очередномъ требованіи. Такъ у насъ, въ Австріи, было со всеобщимъ избирательнымъ правомъ. Какъ много можно завоевать въ каждомъ данномъ случаѣ—это вопросъ другой. Но всегда нужно мобилизовать массы вокругъ наиболѣе остраго ихъ интереса и направить по линіи наименьшаго сопротивленія, на наименѣе укрѣпленныя позиціи врага. Только такъ можно идти впередъ, другого пути я не знаю“.

Надѣмся, все это достаточно ясно и краснорѣчиво.

VII.

Когда Зиновьевъ уже додѣлывалъ свое сочиненіе противъ петиціи, а равно и за петицію, но за такую петицію, которая бы не была петиціей, и когда онъ мнилъ себя уже у типографской пристани,—появился № 23 рабочей газеты „Правды“(*), съ письмами и заявленіями Каутскаго, Виктора Адлера, Адольфа Брауна, Отто Бауэра, Меринга, по поводу петиціи. Изъ приведенныхъ выше цитатъ читатели видѣли, что всѣ тѣ „принципіальныя“ соображенія, какія Зиновьевы выдвигали противъ петиціи,—противъ имени, противъ формы и текста ея, противъ самаго факта предъявленія требованій людямъ 3-го іюня, противъ предъявленія „частичныхъ“ требованій,—что всѣ эти „принципіальныя“ соображенія показались авторитетнѣйшимъ нѣмецкимъ марксистомъ совершеннѣйшими пустяками. Немудрено, если столкнувшись подъ самый конецъ, съ нашей анкетой, Зиновьевъ приобрѣлъ видъ чловѣка, который у входа въ свой домъ, наступилъ на хорошія и прочныя грабли. Но во-первыхъ: лобъ свой, не покупной, а во-вторыхъ... во-вторыхъ: „не-впервой“. Выступать противъ Каутскаго, Меринга, Брауна, Бауэра, Ледебура, кружковые шаманы не смѣютъ: ибо тогда ужъ окончательно никто не повѣритъ, что ихъ бормотанье есть подлинное „словесное молоко“ марксизма. Но зато они весьма горазды препарировать Каут-

*) Не можемъ умолчать, что въ бесѣдѣ В. Адлеръ употребилъ тутъ куда болѣе крѣпкое и выразительное слово! Н. Т.

*) Та газета „Правда“, что издается за границей. Ред

скаго подъ Зиновьева, а если это, какъ въ данномъ случаѣ, окончательно невозможно—заявить отводъ. Отто Бауэръ, какъ и Каутскій начинаютъ свои письма съ того само собою разумѣющагося заявленія, что они никакъ не могутъ рѣшати, цѣлесообразно ли начинать петиціонную кампанію въ данный моментъ,—какъ они не могли бы отвѣтить на вопросъ, цѣлесообразно ли сейчасъ призывать рабочихъ къ стачкѣ или къ демонстраціи. Но если бы какой-нибудь изъ политиковъ истинно-русскаго Домостроя сталъ доказывать, что стачки только затемняютъ классовое самосознаніе, ибо поселяють-де иллюзіи, что путемъ частичныхъ конфликтовъ рабочіе могутъ достигнуть освобожденія; или еще: что „железный законъ заработной платы“ обрекаетъ экономическую борьбу на безплодіе; или еще: что во время стачекъ „ликвидаторы“ произносятъ плохія рѣчи въ отличіе отъ Джонса, произносившаго очень хорошія рѣчи; что по совокупности всѣхъ этихъ соображеній стачки должны быть отвергнуты,—тогда всякій европейскій социалдемократъ непремѣнно скажетъ: „цѣлесообразна ли сейчасъ стачка у углекоповъ донецкаго бассейна я не знаю, но что нѣкоторыхъ русскихъ якобы марксистовъ необходимо сводить въ баню, это для меня несомнѣнно“.

VIII.

Но такъ какъ спасительная баня политическаго опыта для Зиновьевыхъ еще впереди, то пока-что они пытаются держаться тактики „запирательства“.

Чтобъ снова и снова—въ 1001-ый разъ!—доказать, что петиціонная кампанія подъ лозунгомъ свободы коалицій есть „экономизмъ“, Зиновьевъ приводитъ курсивомъ цитату по № 1 заграничнаго журнала „Заря“ 1901 г.: „... возможно-ли хотя бы на одно мгновеніе—возразила „Заря“ экономистамъ,—допустить существованіе такого монстра, какъ всероссійскій абсолютизмъ, уживающійся съ свободой союзовъ и т. д.“. И Зиновьевъ, для котораго различіе эпохъ исчезаетъ за сходствомъ цитатъ, противопоставляетъ эту мысль нынѣшней борьбѣ за свободу коалицій.

Что чистый абсолютизмъ не можетъ уживаться со свободой союзовъ, это безспорно. Но вѣрно ли, что у насъ—чистый абсолютизмъ? Если признать это, тогда какъ быть съ тѣмъ фактомъ, что нынѣшняя наша государственность все же терпитъ до нѣкоторой степени рабочіе союзы и рабочую печать? Одно изъ двухъ: либо, вопреки мнѣнію „Зари“, абсолютизмъ можетъ быть сочетаемъ со свободой коалицій, либо вопреки мнѣнію Зиновьева—у насъ нѣтъ уже чистаго абсолютизма. Мы думаемъ, что вѣрно второе. Мы считаемъ—вопреки нѣкоторымъ мнимымъ радикаламъ,—что революція 1905 года не прошла безслѣдно ни въ какомъ смыслѣ, что она внесла объективныя перемѣны огромной принципиальной важности и поставила государственную власть—несмотря на переворотъ 3-го іюня—въ условія необходимости допустить до извѣстныхъ предѣловъ и свободу союзовъ и свободу печати. До извѣстныхъ предѣловъ, сказали мы. Но съ такимъ же правомъ можно было бы сказать: до неизвѣстныхъ предѣловъ. Ибо эти предѣлы не могутъ быть теоретически предопредѣлены, они расширяются или сужаются въ зависимости отъ дѣйствительнаго раскрытія общественныхъ силъ, т. е. живыхъ борющихся классовъ, въ рамкахъ режима 3-го іюня. За пять-шесть лѣтъ контръ-революціи рабочее движеніе успѣло отъ широкихъ организацій эпохи революціи придти почти къ полному ту-

пику и затѣмъ опять сумѣло расширить оставшіяся „возможности“ или завоевать новыя. Кто посмѣетъ утверждать, что на этомъ пути достигнуть уже maximumъ возможныхъ завоеваній?

Итакъ, нынѣшній режимъ можетъ быть примиренъ съ полной свободой коалицій? Что касается полной свободы, отвѣтимъ мы, то ея нѣтъ нигдѣ; но мы не думаемъ и того, что современный режимъ можетъ—безъ серьезныхъ потрясеній—дать мѣсто сколько-нибудь широкой свободѣ союзовъ. Поскольку забота о самосохраненіи не позволяетъ государственной власти вернуться вспять, къ чистому абсолютизму, поскольку она вынуждена мириться съ Думой и с.-д. фракціей, съ оппозиціонной прессой, постольку она открываетъ пролетариату и с.-д.—и возможность расширять свои открытыя позиціи. Это означаетъ, въ свою очередь, ростъ политической силы и самоувѣренности пролетариата, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обостреніе его отношеній къ режиму диктатуры бюрократіи, опирающейся на имущіе верхи. Отсюда вытекаетъ не только вѣроятность, но и неизбежность открытаго соразмѣренія силъ—внѣ даже и весьма „расширительно“ использованныхъ рамокъ 3-еіюньскаго права. Можно держаться разныхъ взглядовъ на счетъ времени, характера и содержанія этихъ вѣроятныхъ или неизбежныхъ сотрясеній, всѣ предсказанія на этотъ счетъ могутъ имѣть только относительную цѣнность,—но ясно одно: противопоставлять самодовольствующую „подготовку“ и этимъ сотрясеніямъ борьбы за всѣ и всякіе „частичные“ интересы и права пролетариата въ данныхъ условіяхъ значитъ превращать и классовую борьбу и политич. переворотъ изъ живой исторической реальности въ надъисторическую руководящую „идею“ и тѣмъ обезплодить обѣ. Кто думаетъ, что нынѣшній государственный строй не допускаетъ расширенія свободы коалицій, что кампанія подъ этимъ частичнымъ лозунгомъ способна только породить иллюзіи, не давъ къ тому же никакого завоеванія, тотъ неизбежно долженъ замѣнить политическую работу мнимой „подготовкой“ къ великому дню. Такъ и ставитъ вопросъ Зиновьевъ: хочешь свободы коалицій—борись за коренной политическій переворотъ. Но именно эту точку зрѣнія Каутскій, какъ мы видѣли, клеймитъ, какъ

„самое роковое заблужденіе, которому можетъ подпасть социалистическая партія. Она означаетъ—парализовать силы пролетариата до момента, о которомъ никто не знаетъ, когда онъ наступитъ, и который быть можетъ никогда и не наступилъ бы, если бы дѣйствовали, руководясь этимъ правиломъ. Ибо силы пролетариата растутъ только въ повседневной борьбѣ, въ которой онъ завоевываетъ одну позицію за другой, пока не станетъ достаточно сильнымъ, чтобы дать рѣшительный бой или чтобы предпринять штурмъ на твердыни врага“.

IX.

Широкая массовая борьба возобновляется послѣ пятилѣтняго перерыва—но не сначала. Измѣнились сами противники, измѣнились условія борьбы, преобразовались и усложнились ея методы.

До октября 1905 г. передъ нами стоялъ обнаженный абсолютизмъ, непосредственно не поддерживавшійся никакимъ классомъ общества. Нынѣшняя, пореволюціонная государственность увѣнчиваетъ союзъ бюрократіи, дворянства и крупнаго капитала.

Но и врагъ ея сталъ сильнѣе, ибо опора реакціи въ низахъ уменьшилась,—выросла ихъ сознательность. Правда, годы реакціи подняли цѣлое новое поколѣніе пролетаріата, по которому только скользянъ накопленный опытъ,—поколѣніе, которое почти не бастовало, не протестовало, политически не боролось,—которое впервые теперь, въ учащающихся на основѣ промышленнаго подъема стачкахъ, начинаетъ со всей остротой сознавать потребность въ свободѣ коалицій. Но и эта новая масса уже не прежняя стихійная сила, которая напираетъ, не оглядываясь назадъ и не заглядывая впередъ. Опытъ революціи и трехъ думъ просочился до самыхъ ея глубинъ. А верхній, руководящій слой ея состоитъ изъ рабочихъ, прошедшихъ серьезную политическую школу, привыкшихъ ориентироваться, учитывать, взвѣшивать. Эти передовые рабочіе не будутъ переходить на новыя позиціи, не укрѣпивъ за собой старыхъ. А политически укрѣпить позиціи значитъ для социалдемократіи сдѣлать ихъ позиціями самой массы.

При такихъ условіяхъ борьба обѣщаетъ быть въ высшей степени упорной и настойчивой, но въ то же время и болѣе планомѣрной. Борьба, какія бы формы она ни принимала, какіе бы неожиданные эпизоды ни порождала, не будетъ уже развиваться въ стихійныхъ катастрофахъ, обгоняющихъ сознание самихъ участниковъ. Дума создаетъ для борьбы политической центръ, социалдемократическая фракція естественно выдвигается на роль политической руководительницы массъ, легальная рабочая пресса—черезъ всѣ препятствія—несетъ въ борьбу ясную политическую мысль.

Борьба за свободу коалицій является основой какъ ленской трагедіи, такъ и ея могучаго отголоска въ странѣ. Отсюда, изъ этого лозунга, будетъ дѣйственно развиваться вся программа рабочей демократіи. Какъ ленскіе рабочіе отстаивали свое право бастовать и требовали освобожденія арестованнаго стачечнаго комитета, такъ и путіловцы въ Петербургѣ выносятъ на своемъ митингѣ 16 апр. резолюцію протеста противъ арестовъ, произведенныхъ наканунѣ. Демонстраціи, протесты, стачки—все упирается въ свободу коалицій, этотъ краеугольный камень въ программѣ рабочей демократіи.

Огромная апрѣльская манифестація является первымъ этапомъ массоваго движенія противъ режима 3-го іюня—подъ лозунгомъ свободы коалицій. Это требованіе будетъ неустанно раздаваться во время избирательной кампаніи. Четвертой Думѣ придется несомнѣнно на первыхъ же шагахъ своей дѣятельности встрѣтиться съ требованіемъ свободы коалицій, предъявленнымъ ей отъ имени десятковъ, если не сотенъ тысячъ рабочихъ.

Нѣтъ сомнѣнія, это требованіе стоитъ и будетъ стоять въ центрѣ мобилизаціи пролетаріата во всю эпоху промышленнаго подъема. Только на этой основѣ лозунги политической демократіи снова овладѣютъ сознаніемъ массъ.

Промышленный подъемъ—годомъ раньше или позже—смѣнится кризисомъ, который будетъ тѣмъ глубже и острѣе, что основныя потребности социальнаго и политическаго раскрыщенія страны не разрѣшены. Кризисъ экономическій долженъ будетъ въ такихъ условіяхъ стать предпосылкой глубочайшаго политическаго кризиса. И ужъ отъ пролетаріата, отъ степени его сознательности и готовности, будетъ зависеть сдѣлать этотъ кризисъ для стараго режима роковымъ.

Незачѣмъ и говорить, что въ наступающую эпоху политическаго возрожденія пролетаріата значеніе борьбы за свободу коалицій, какъ и всякаго вообще массоваго выступленія рабочихъ, будетъ тѣмъ шире, многостороннѣе и глубже, чѣмъ рѣшительнѣе и самостоятельнѣе проявитъ себя въ этомъ движеніи социалдемократическая партія, какъ партія. Ибо: если со стороны партіи было бы непростительной ошибкой отгораживаться отъ открывшейся кампаніи, а тѣмъ болѣе выступать противъ нея, то въ равной мѣрѣ ошибкой было бы безслѣдно растворяться, скажемъ, въ петиціонномъ выступленіи. Партія, въ которой сосредоточенъ весь опытъ прошлаго и теоретическое предвидѣніе будущаго, не можетъ ограничиваться тѣмъ, что отдѣльныя группы ея членовъ принимаютъ активное и даже инициативное участіе въ массовомъ выступленіи подъ лозунгомъ свободы коалицій. Партія, какъ таковая, съ самаго начала высказываетъ предъ массами свой взглядъ на вопросъ. Различными способами она выясняетъ вовлеченнымъ въ „коалиціонное“ движеніе массамъ внутреннюю связь между свободой коалицій и остальными требованіями рабочей демократіи и шагъ за шагомъ освѣщаетъ движеніе свѣтомъ социалистической критики. Если мы не можемъ выступать, какъ штрейкбрехеры, по отношенію къ массовому движенію, какъ бы элементарны ни были его формы,—при томъ условіи, что данное выступленіе идетъ по великой дорогѣ классовой борьбы пролетаріата,—то мы не можемъ, съ другой стороны, забывать, что во всякомъ движеніи пролетаріата социалдемократическая партія представляетъ не только его сегодняшний, но и его завтрашній день.

На эту сторону вопроса съ своей обычной прозорливостью обратилъ особое вниманіе Каутскій въ своемъ отвѣтѣ на нашу анкету.

„Только противъ одного момента въ этомъ петиціонномъ движеніи,—говоритъ Каутскій,—я могъ бы высказаться, но онъ, конечно, объясняется россійскими условіями. Въ запросѣ (ред. „Правды“) происхожденіе петиціоннаго движенія представлено такъ: „Въ послѣдніе мѣсяцы нѣкоторые товарищи въ Петербургѣ приняли рѣшеніе побудить сами массы обратиться съ петиціей протеста къ Думѣ“.

„Въ Западной Европѣ массовое дѣйствіе какого бы то ни было рода было бы дѣломъ не „нѣкоторыхъ товарищей“, а самой партіи. Возраженія противъ дѣйствія могутъ выдвигаться до тѣхъ поръ, пока оно еще въ проектѣ. Но когда оно рѣшено, оно должно быть проведено единодушно. Всякое разстраиваніе уже проводящагося партійнаго дѣйствія со стороны партійныхъ критиковъ—всегда встрѣчается, по крайней мѣрѣ у насъ въ Германіи, самое рѣзкое порицаніе, и это вполнѣ правильно. То-то и прискорбно въ Россіи, что тамъ нѣтъ единой социалдемократической партіи, вызывающей массовыя дѣйствія и руководящей ими, и что каждый членъ партіи считаетъ себя вправе разстраивать массовыя дѣйствія, которыя ему не по душѣ.“

„Въ этомъ состояніи дезорганизаціи соц.-дем. партіи я вижу главное основаніе того, почему рабочее движеніе въ Россіи такъ медленно оправляется отъ ударовъ контръ революціи. Что пораженіе революціи отняло у пролетаріата, такъ это вѣру въ себя и въ свое дѣло, въ свою партію, социалдемократію. Да и откуда

взять ему къ ней довѣріе, когда она распадается на многочисленныя фракціи, изъ которыхъ каждая не пропагандируетъ въ пролетаріатѣ ничего другого, какъ только недовѣріе къ другимъ фракціямъ? Какъ можегъ пролетаріатъ рѣшиться развернуть какое-нибудь дѣйствіе, если каждое дѣйствіе, одобряемое одной фракціей, наталкивается на неодобреніе и помѣхи со стороны другихъ?

„До тѣхъ поръ, пока социалдемократія находится въ этомъ состояніи внутренней дезорганизованности и вражды, она становится прямо-таки помѣхой для всякой дѣятельности массъ, и тѣмъ большей помѣхой, чѣмъ сильнѣе сохранилось ея вліяніе. Объединеніе различныхъ фракцій для совмѣстныхъ дѣйствій становится такимъ образомъ предварительнымъ условіемъ всякаго успѣшнаго выступленія, становится важнѣйшей практической задачей нашихъ русскихъ товарищей.

„При современномъ состояніи фракцій русскаго социализма, вопросъ: что надо дѣлать? имѣетъ гораздо меньшее значеніе, чѣмъ то, чтобы все, что дѣлается, дѣлалось сплоченно. Насколько я могу прослѣдить, дѣйствительныя разногласія, раздѣляющія огромное большинство русскихъ социалистовъ, недостаточно велики, чтобы оправдать ихъ организаціонное раздѣленіе и ихъ взаимныя противодѣйствія.

„То, что раздѣляетъ, это скорѣе воспоминанія прошлаго, чѣмъ противорѣчія теперешней работы. Пусть каждая фракція имѣетъ свои изъязны, но и самое прекрасное дѣйствіе никуда не годится, если оно порождаетъ фракціонные раздоры. Съ другой стороны, дѣйствіе, даже и не вполнѣ удовлетворяющее каждый критическій глазъ, можетъ все же оказать большое вліяніе и внести оживленіе въ пролетаріатъ, если оно является общимъ дѣломъ всѣхъ фракцій и снова показываетъ массамъ социалдемократію, сплоченную, сознающую свои цѣли и вѣрящую въ себя.

Возстановить такую російскую социалдемократію, еще до ближайшихъ выборовъ въ Думу—надъ этимъ должны работать всѣ товарищи, которымъ дорого наше дѣло. Передъ этой задачей должны отступить на задній планъ всѣ желанія и склонности каждаго въ отдѣльности.

Если удастся это великое дѣло, тогда и пролетаріатъ Россіи снова пробудится и мощно подымется, и его выступленія, въ будущемъ, въ иной, правда, формѣ, будутъ достойны его героическаго прошлаго,—они будутъ еще плодотворнѣй и могущественнѣй.

Я заканчиваю пожеланіемъ, чтобы вскорѣ образовалась единая російская социалдемократія, и шлю Вамъ лучшіе привѣты. Вашъ Карлъ Каутскій“.

На этихъ словахъ мы и закончимъ нашу разросшуюся статью.

Н. Троцкій.

На два фронта *).

(Отвѣтъ Вл. Ильину и редакціи „Нашей Зари“).

Моя статья „Современное положеніе Россіи и основная задача рабочаго движенія въ данный моментъ“ („Наша Заря“ 1911 г. № 9—10) вызвала возраженіе Вл. Ильина („Звѣзда“ № 32) и редакціи „Нашей Зари“ (въ примѣчаніи къ статьѣ моей). Это очень важно въ интересахъ правильнаго освѣщенія и рѣшенія вопроса, которому посвящена моя статья. Я нисколько не претендую на безошибочность своихъ сужденій. Въ ошибкахъ, если бы онѣ были мнѣ показаны, я готовъ сознаться, готовъ ихъ исправить. При всемъ томъ приходится признать, что пока ошибочность моихъ предложеній мнѣ доказанной не представляется. Это обязываетъ меня возразить,—при томъ на два фронта: предлагаемой мною планъ существеннѣйшимъ образомъ отличается и отъ той тактической и организаціонной линіи, которая кажется единоспасающей Вл. Ильину и его единомышленникамъ, и отъ позицій, занимаемыхъ редакціей и сотрудниками „Нашей Зари“.

Вл. Ильинъ въ своей полемической статьѣ противъ меня употребилъ приемъ запугиванія: онъ изобразилъ меня пугаломъ, чудовищемъ, „рыжимъ уродомъ“ или, что то-же,—„либераломъ“. Не сомнѣваюсь, что, употребляя этотъ приемъ, онъ рассчиталъ до известной степени правильно, тѣмъ болѣе, что по обстоятельствамъ, отъ меня независимымъ, я не могъ помѣстить свою статью въ „Звѣзду“ или „Мысли“, а вынужденъ былъ обратиться къ „Нашей Зарѣ“. Робкіе умы, конечно, повѣрятъ ему на слово и испугаются. Но твердо вѣрю, что овечьи души представляютъ собою среди рабочихъ и участниковъ рабочаго движенія меньшинство и потому обращаюсь къ неослѣпленному авторитетами большинству съ просьбой выслушать мои возраженія.

Мнѣ неоднократно—и въ томъ числѣ на страницахъ „Звѣзды“ и „Мысли“ приходилось говорить объ объективныхъ задачахъ времени,—о такихъ задачахъ, съ почвы которыхъ не можетъ сойти ни одинъ классъ. Никогда я не игнорировалъ при этомъ классовыхъ задачъ и классовыхъ различій. Не игнорировалъ я ихъ и въ своей статьѣ въ „Нашей Зарѣ“. Я всегда признавалъ и признаю теперь, что задача рабочаго класса въ данный моментъ заключается въ томъ, чтобы сдѣлать процессъ образованія культурнаго капитализма въ Россіи возможно болѣе скорымъ и возможно менѣе болѣзненнымъ для широкихъ массъ населенія. Къ этому направлены формулированные въ моей статьѣ программа и тактика „Общества защиты интересовъ рабочаго класса“, въ которыхъ даже Вл. Ильинъ не могъ найти ничего „либеральнаго“. Въ этомъ смыслѣ я признаю и гегемонію рабочаго класса въ борьбѣ за демократическій строй. Содержаніе тутъ вовсе не „выпотрошено“, такъ какъ программа „Общества“ глубоко содержательна: это въ сущности программа всѣхъ с.-д. партій запада Европы съ необходимымъ въ силу русскихъ условій дополненіемъ опредѣленныхъ аграрныхъ требованій. И это „либерализмъ“? Полноте, Вл. Ильинъ, вы или шутите или морочите людей, спекулируя на ихъ безусловное преклоненіе передъ вашимъ авторитетомъ.

*) Автору настоящей статьи было отказано въ ея помѣщеніи „Звѣздой“ и „Просвѣщеніемъ“. Чтобы дать ему возможность высказать свои возраженія, какъ противъ В. Ильина, такъ и противъ насъ, мы дали мѣсто его статьѣ на стр. „Наш. Зари“. *Ред.*

Такъ падаютъ два важныхъ возраженія Вл. Ильина: 1) будто я игнорирую, „какіе классы или слои классовъ въ освобождающемся либеральномъ обществѣ ведутъ ту или иную конкретно опредѣленную линію этого освобожденія“, 2) будто признаніе мною гегемоніи рабочаго класса въ борьбѣ за демократическій строй—„прямой курьезъ“ съ „выпотрошеннымъ содержаніемъ“.

Невѣрно и то, „что классовый характеръ нашей контр-революціи улетучился“ у меня: говоря о массѣ интеллигенціи, ея нѣтъ и ренегатствѣ, я разумѣлъ, конечно, мелко-буржуазную—по социальному составу и міровоззрѣнію—интеллигенцію, а „вдумчивыми наблюдателями“ я называлъ тѣхъ, кто усвоилъ себѣ классовую точку зрѣнія пролетаріата. Напрасно Вл. Ильинъ полагаетъ, что либералы согласятся со мною во взглядѣ на „удачу“ или „неудачу“ революціи: неужели онъ не знакомъ съ хныканьемъ и нытьемъ „Рѣчи“ и „Русскихъ Вѣдомостей“? Само собой разумѣется, я не имѣлъ здѣсь въ виду совершенной полноты: у меня была конкретная цѣль намѣтить опредѣленную тактическую и организаціонную линію. Смѣшно было бы по каждому вопросу говорить обо всѣхъ другихъ (*de omnibus rebus et quibusdam aliis*).

Я вывожу эту тактическую и организаціонную линію изъ опредѣленной оцѣнки момента. И въ этомъ пунктѣ корень моихъ разногласій съ Вл. Ильинымъ: онъ думаетъ, что господами положенія являются Пуришкевичъ и Марковъ 2-ой, я думаю, что—націоналисты съ октябристами, причемъ близокъ компромиссъ тѣхъ и другихъ съ прогрессистами и кадетами. Въ статьѣ своей я приводилъ фактическія доказательства своего мнѣнія, Вл. Ильинымъ не опровергнутыя. Количество этихъ доказательствъ можно теперь умножить: сюда относятся, напримѣръ, дальнѣйшее разложеніе „Союза русскаго народа“ (инцидентъ Б. Никольскій—Марковъ 2-ой), слабость надеждъ Пуришкевича и Маркова 2-го пройти въ 4 Думу, крушеніе блока правыхъ съ націоналистами и октябристами въ Кіевѣ, рѣшеніе октябристовъ и націоналистовъ голосовать за правыхъ к.-д., постановленіе к.-д. конференціи голосовать за лѣвыхъ октябристовъ, примиреніе „сферъ“ съ оппозиціей прогрессистовъ и к.-д. въ будущей Думѣ, начало превращенія объединеннаго дворянства въ союзъ аграріевъ безъ различія сословій, „безпартійный“ прогрессизмъ и т. д. А какія доказательства своего взгляда привелъ Вл. Ильинъ? Во первыхъ онъ заявилъ, что то, что онъ утверждаетъ „общеизвѣстно“ (вотъ такъ доказательство!), во вторыхъ, онъ сослался на господство въ Пруссіи, Ольденбурговъ и Гейдебрандовъ, назвавъ ихъ „прусскими Пуришкевичами“ указавъ, что прускій ландтагъ обезпечиваетъ ихъ „всесиліе“. Онъ не хочетъ знать, что Ольденбурги и Гейдебранды вовсе не крѣпостники—Пуришкевичи, а сельскохозяйственные буржуа, хотя и дворяне, и игнорируетъ то обстоятельство, что кромѣ ландтага политическое значеніе для Пруссіи имѣетъ и рейхстагъ. Мимоходомъ онъ колетъ мнѣ глаза тѣмъ, что я будто бы игнорирую „сложность и скачкообразность процесса приспособленія политической надстройки къ перерожденію хозяйства“. Но я именно потому анализировалъ тенденціи разныхъ общественныхъ силъ и соотношеніе этихъ силъ, что признаю „сложность приспособленія“, что же касается „скачкообразности“, то вѣдь я какъ разъ разбираю вопросъ о возможности и необходимости „бурь“ въ данномъ случаѣ; ясно, что я „скачкообразность“ не игнорирую, я только не возвожу ее,

какъ это дѣлають нѣкоторые, въ принципъ вѣчный и нерушимый при всѣхъ обстоятельствахъ: это было бы не по марксистки.

Будетъ ли „скачекъ“ („буря“) или нѣтъ—компромиссъ между отдѣльными группами буржуазіи неизбѣженъ. Весь вопросъ лишь въ томъ, каково будетъ содержаніе этого компромисса. Отклонить это содержаніе возможно далѣе влѣво можетъ только рабочій классъ при своей активности. Что компромиссъ неизбѣженъ—это я старался показать анализомъ тенденцій, намѣчающихся въ разныхъ слояхъ буржуазіи. Чтобы сдѣлать такой анализъ яснымъ я методологически оставлялъ пока въ сторонѣ рабочій классъ. Ни одинъ марксистъ не можетъ мнѣ поставить въ вину такой приемъ и усмотрѣть въ немъ „либерализмъ“. Другое дѣло, если бъ я совсѣмъ оставилъ въ сторонѣ рабочій классъ. Но этого я какъ разъ и не сдѣлалъ: вся вторая половина моей статьи посвящена именно выясненію классовой позиціи, тактической и организаціонной линіи прелетаріата. Что же касается крестьянства, то при всемъ моемъ „глубокомъ убѣжденіи въ демократическихъ тенденціяхъ“ даже „крѣпкихъ“ крестьянъ, большой политической активности я признать за нимъ не могу. Упрекъ будто я оставляю въ сторонѣ пролетаріатъ и крестьянство, является такимъ образомъ совершенно мною незаслуженнымъ.

Отмѣчаю мимоходомъ, что я считаю совершенно невѣрнымъ сближеніе 3-ей Думы съ *Chambre introuvable* и настаиваю на своей параллели современной Россіи съ Франціей 60-хъ годовъ и Германіей 80-хъ г., и что невѣрно утвержденіе Вл. Ильина будто „въ Германіи 1878—1890 г... не было широкой и открытой политической организаціи“: широкая была, была она и болѣе открытой чѣмъ у насъ, теперь. Если бы теперь достигнуть того у насъ, что было тогда въ Германіи—можно было бы вздохнуть съ облегченіемъ.

Перехожу къ пункту, который, на мой взглядъ, является однимъ изъ важнѣйшихъ,—чуть ли не самымъ важнымъ: Вл. Ильинъ считаетъ мой планъ утопіей, потому что признаетъ „несерьезной вещь“ „въ эпоху, когда закрываютъ абсолютно-мирные, чинные, неполитическіе профессиональные союзы, считать не утопичнымъ основаніе открытаго политическаго рабочаго общества“.

Здѣсь, очевидно, глубочайшее недоразумѣніе: Вл. Ильинъ наивно полагаетъ, будто я основываю свой планъ на попустительствѣ, уступчивости или терпимости правящихъ сферъ. Ничего подобнаго. Я предлагаю агитаціонную кампанію въ массахъ (см. конецъ ст. мой въ „Нашей Зарѣ“), надѣюсь, что она имѣетъ въ нихъ почву, следовательно, возбудитъ ихъ энергію, предполагаю, даже непредвидимые теперь способы проявленія этой энергіи и, значитъ весь успѣхъ считаю зависящимъ именно отъ энергіи рабочихъ массъ. Марксистъ можетъ считать это утопіей лишь въ томъ случаѣ, если онъ считаетъ рабочихъ въ данный моментъ недостаточно активными для проявленія такой энергіи. Но въ такомъ случаѣ какъ можно мечтать о болѣе прямолинейныхъ проявленіяхъ пролетарской энергіи—о „скачкахъ“ и „буряхъ“?

Заключительнымъ аккордомъ къ статьѣ Вл. Ильина является сраженіе моего отношенія къ ликвидаторству съ отношеніемъ Ю. Ларина къ рабочему съѣзду: какъ Ларинъ довелъ до абсурда идею рабочаго съѣзда и тѣмъ задушилъ ее, такъ и я „горячими объятіями задушю“ ликвидаторство.

Лучшимъ отвѣтомъ на этотъ выпадъ служить точное и ясное опредѣленіе моего отношенія къ ликвидаторству и къ мнѣніямъ, высказаннымъ редакціей „Нашей Зари“ въ примѣчаніи къ моей статьѣ.

Ликвидаторство—пестрое и сложное явленіе, въ которомъ замѣтны нѣсколько элементовъ. Къ сожалѣнію не всѣ эти элементы извѣстны и точно опредѣлены. Для меня пока совершенно ясны два элемента: 1) теченіе, представленное Б. Богдановымъ, который заявилъ на страницахъ „Нашей Зари“, что не считаетъ своевременнымъ „форсировать“ движеніе въ сторону образованія открытой рабочей партіи или „фиксировать“ предполагаемые его результаты, а полагаетъ, что пока нужно въ существующихъ рабочихъ организаціяхъ расширять только базу, готовить кадры для будущей партіи; 2) ларинско-аксельродовское теченіе, имѣющее въ виду созданіе широкой рабочей партіи или рабочаго союза изъ существующихъ рабочихъ легальныхъ организацій—профессіональных союзовъ, кооперативовъ, клубовъ и проч.

Что касается до Богданова и его единомышленниковъ, то большаго ликвидаторства, чѣмъ ихъ планъ, нельзя себѣ и представить: здѣсь на время начисто ликвидируется не только всякая политическая рабочая организація, но и вообще политическая дѣятельность рабочаго класса: политическое дѣйствіе, столь насущно необходимое, подмѣняется политической пропагандой. Я не отрицаю, конечно значенія пропаганды, но недопустимо подмѣнять ею дѣйствіе и практическую агитацію, недопустимо подставлять на мѣсто политической партіи общество для пропаганды. Конечно, всѣ пути ведутъ въ Римъ, всѣ пути развитія капиталистическаго общества и всѣ способы организаціи рабочихъ ведутъ въ кониѣ концовъ къ обществу будущаго. Ведетъ сюда и общество для пропаганды. Но это самый долгій, медленный и болѣзненный для рабочаго класса путь.

Мы обязаны искать путей ближайшихъ и легчайшихъ. И этому требованію опять таки не удовлетворяетъ и ларинско-аксельродовскій организаціонный планъ, такъ какъ ближайшимъ и легчайшимъ путемъ къ будущему обществу является организація политической рабочей партіи, сознательно и твердо стоящей на почвѣ классовой борьбы пролетаріата за свои интересы, а широкая рабочая партія или рабочій союзъ Ларина-Аксельрода имѣетъ въ виду объединить рабочихъ обладающихъ въ неодинаковой степени сознаніемъ ихъ классовыхъ интересовъ.

Это расплывчатая, безформенная, идейно-неустойчивая организація.

Тенденціи въ эту сторону проглядываютъ и въ словахъ примѣчанія редакціи „Нашей Зари“ къ моей статьѣ „о политическомъ строителствѣ пролетаріата, находящемъ себѣ выраженіе и въ парламентской фракціи, и въ социалистической прессѣ и въ рядѣ другихъ еще органовъ“. Здѣсь на мѣсто партіи поставлена именно расплывчатая организація, тогда какъ я предлагаю борьбу за открытую принципиально-выдержанную партію. Разногласіе здѣсь между нами весьма глубокое.

Таковы два элемента ликвидаторскаго теченія, для меня совершенно ясные. Я могу вслѣдствіе ихъ ясности и опредѣленности столь же ясно и опредѣленно высказать свое отрицательное къ нимъ отношеніе.

Но главное ядро такъ называемаго ликвидаторства, представляемое Мартовымъ и Даномъ для меня остается неуловимымъ и загадочнымъ. Я не могу понять, чего оно хочетъ, такъ какъ по справедливому замѣчанію Плеханова, ничего конкретнаго Мартовъ, Данъ и ихъ единомышленники не предлагаютъ. Само собой разумѣется, что такая

неуловимость и неясность не можетъ вызывать къ себѣ иного отношенія, кромѣ отрицательнаго: получается впечатлѣніе, что люди въ нерѣшимости безпомощно топчутся на одномъ мѣстѣ. Я не знаю положенія худшаго для политическихъ дѣятелей.

Резюмирую еще разъ свои основныя практическія предложенія.

1) Необходимо открыть и провести агитаціонную кампанію въ рабочихъ массахъ въ пользу борьбы за открытую широкую политическую организацію; способъ этой организаціи и борьбы, теперь предвидимый—обсужденіе вопроса въ печати (въ настоящее время къ великой моей радости оно уже начинается) въ специальныхъ рабочихъ собраніяхъ, созываемыхъ съ этой цѣлью, въ существующихъ рабочихъ организаціяхъ; петиціонная кампанія; запросы и специальный законопроектъ въ Думѣ; заявленія въ рядѣ мѣстностей рядомъ группъ рабочихъ въ мѣстныя присутствія объ обществахъ объ основаніи политической рабочей организаціи; фактическое осуществленіе послѣдней даже при отказѣ въ регистраціи. Если движеніе разовьется, возможны другіе способы дѣйствія, которые теперь предусматривать было бы рано.

2) Программа и тактика предполагаемой политической рабочей организаціи должна находиться въ тѣсной идейной связи съ программой и тактикой международнаго рабочаго движенія, слѣдовательно, и съ прошлымъ русскаго рабочаго движенія за исключеніемъ лишь пункта о неизбѣжности рѣзкаго потрясенія, которое въ силу особыхъ условий, теперь существенно измѣнившихся, выставлялось у насъ, какъ единоспасающее средство или, по крайней мѣрѣ, какъ самое главное изъ очередныхъ въ данный моментъ средствъ.

Вотъ главное, что я признаю существенно необходимымъ. Быть можетъ, меня спросятъ: почему же я не попытался не только идейно, но и организаціонно связать новое со старымъ. Отвѣчу на это такъ: если бы теперь возможенъ былъ достаточный авторитетный по рабочимъ массамъ, въ немъ представленнымъ, съѣздъ стараго цѣлаго, мыслима была бы и попытка установить организаціонную связь новаго со старымъ. Такой съѣздъ теперь невозможенъ. Вотъ почему цѣлесообразно и даже необходимо отъ прямого организаціоннаго преемства отказаться. Въ противномъ случаѣ оставалось бы бездѣйствовать—что хуже всего.

Пора сдѣлать заключеніе: я ничего не ликвидирую, ни отъ чего не отказываюсь; идейное наслѣдство сохраняется цѣликомъ; лишь организаціонно я предлагаю строить новое, естественно вытекающее изъ всего положенія вещей и представляющее собою кратчайшій и лучшій при современныхъ условіяхъ путь защиты интересовъ рабочаго класса.

Читатель самъ теперь можетъ судить, правъ ли Вл. Ильинъ, пытавшійся изобразить меня какимъ то либеральнымъ пугаломъ, чортъ въ родѣ того, котораго намалевалъ гоголевскій кузнецъ Вакула на стѣнѣ деревенской церкви, и котсырь матери пугали своихъ дѣтей: „смотри, яка кака намалевана“. Непредубѣжденный читатель—я въ этомъ увѣренъ—можетъ сдѣлать только одинъ выводъ: „не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ“. Неправъ, конечно, и Мартыновъ, называющій меня въ „Нашей Зарѣ“ „кающимся большевикомъ“. Въ томъ-то и дѣло, что я ни въ чемъ не каюсь: не я измѣнился,—измѣнились обстоятельства. Сложись они такъ, какъ прежде,—иная, прежняя была бы и тактическая и организаціонная линія.

Н. Р.—ковъ.

О томъ, какъ можно быть неправымъ на оба фронта.

Возражая В. Ильину, Н. Р—ковъ совершенно правильно отводит его недобросовѣстное обвиненіе въ томъ, будто бы Р—ковъ игнорируетъ „классовый характеръ нашей контр-революціи“. Р—ковъ его не игнорировать въ своей статьѣ въ нашемъ журналѣ. Но онъ представилъ его невѣрно и постольку В. Ильинъ правъ въ многихъ своихъ возраженіяхъ. Правъ, конечно, постольку, поскольку самъ В. Ильинъ въ анализѣ классового содержанія контр-революціи отступилъ отъ своихъ прежнихъ позицій.

Въ 1907 г. и послѣ того Ильину русская контр-революція представлялась по своему классовому содержанію продуктомъ объединенія вокругъ монархіи всѣхъ слоевъ имущихъ классовъ, за вычетомъ небольшой части кадетской полу-оппозиціи, должествующей, скорѣе рано, чѣмъ поздно, быть поглощенной этимъ блокомъ. Классовый характеръ послѣдняго опредѣлялся, какъ крѣпостническое дворянство (правая) + капиталистическое землевладѣніе (націоналисты) + капиталистическая буржуазія (октябристы) и, конечно, бюрократія съ духовенствомъ. Режимъ третьяго іюня являлся „шагомъ по пути превращенія“ абсолютизма въ „буржуазную монархію“, имѣющимъ подъ собою основаніе въ взаимномъ компромиссѣ, во взаимоприспособленіи между „феодалными“ и буржуазными элементами блока. Это взаимоприспособленіе совершается въ процессѣ борьбы за власть (или вліянія на власть) между отдѣльными элементами блока (включая и внѣ блока стоящую, свободомыслящую, кадетскую, часть буржуазіи), но общая основа навязаннаго исторіей компромисса, на которой всѣ онѣ стоятъ, исключаетъ превращеніе этой борьбы въ политическую борьбу въ широкомъ національномъ масштабѣ, могущую явиться замѣтнымъ факторомъ новаго общественнаго подъема. Не только исходъ ея—прочный компромиссъ всѣхъ группъ имущихъ съ болѣе рѣзко, чѣмъ теперь, выраженной гегемоніей крупной буржуазіи—является предрѣшеннымъ (пока мы остаемся въ предѣлахъ „верхнихъ 30 тысячъ“ современнаго общества), предрѣшенъ и ходъ этой борьбы внѣ тѣсной связи и внѣ тѣснаго контакта съ движеніемъ демократическихъ слоевъ народа, обусловленнымъ стремленіемъ освободиться отъ гнета крѣпостничества.

Поэтому, для В. Ильина „пруско-австрійскій“ исходъ переворота 1905 года являлся вѣроятной перспективой, поскольку демократическимъ слоямъ народа не удалось, опираясь на неспособность контр-революціи, выполнить поставленную исторіей задачи буржуазнаго преобразованія всего общественнаго хозяйства, совлечь историческое развитіе съ намѣтившагося въ 1907 году и разрубить „по американски“ тотъ горлѣвъ узелъ противорѣчій между существующими крѣпостническими и буржуазными социальными отношеніями, которыя „по прусски“ пытаются распутать феодально-буржуазная контр-революція.

Н. Р—ковъ остался вѣренъ основному въ этой большевистской схемѣ. Но, въ качествѣ писателя съ болѣе глубокой, чѣмъ у Ильина, потребностью въ экономическомъ обоснованіи перспективъ общественнаго развитія, онъ поставилъ себѣ вопросъ о „подпочвѣ“ той почвы, которая, по Ильину, обусловила объективно-намѣчающійся прусскій путь. Ему показалось, что онъ нашелъ эту подпочву въ усиленномъ темпѣ — послѣ 1905 года — совершающейся „капитализаціи“ сельскаго хозяйства, въ незамѣтномъ преобразованіи крѣпостническаго дворянства въ классъ капиталистовъ-аграріевъ. Съ этой точки зрѣнія, неизбежное движеніе къ компромиссу между всѣми имущими является уже не простымъ результатомъ такихъ психологическихъ свойствъ русской буржуазіи, какъ „дряблость“ и „половинчатость“ (дальше чего въ своемъ „анализѣ“ не подвигается Ильинъ), а неизбежнымъ выводомъ изъ измѣненія самой соціальной природы наиболѣе сильной и властной части имущаго блока и, слѣдовательно, измѣненія ея отношенія къ другимъ частямъ его.

А если такъ, если побѣжденная революція 1905 года „незамѣтно“ похоронила русское крѣпостничество, сословную диктатуру дворянства, то шансы на новый глубокой общественно-политическій кризисъ того же историческаго объема и той же глубины падаютъ приблизительно до нуля. Ибо открытое Н. Р.—ковымъ измѣненіе соціальной природы искони дирижировавшаго сословія само не могло произойти безъ глубокаго преобразованія всего соціально-экономическаго строя, безъ далеко зашедшаго впередъ вымиранія кабалныхъ формъ земледѣльческаго хозяйства, безъ глубокой дифференціаціи въ нивелированномъ полу-вѣсковымъ господствомъ „продовольственной ренты“ крестьянствѣ, безъ значительной индустриализаціи всего народнаго хозяйства и соответствующаго значительнаго перемѣненія соціальнаго центра тяжести изъ деревни въ городъ. А такая экономическая революція означала бы прежде всего абсолютную невозможность повторенія той комбинаціи общественныхъ силъ, которая обусловила наступленіе 1905 года и въ основѣ которой лежала сословная борьба между нивелированнымъ крестьянствомъ и дворянской усадьбой.

Самъ Р—ковъ всего этого не высказалъ. Напротивъ, говоря въ „Мысли“ о результатахъ Столыпинской аграрной политики, онъ какъ будто—опять таки въ гармоніи съ В. Ильинымъ—старался подчеркнуть, что въ основномъ пунктѣ русскаго народнаго хозяйства контръ-революція оставила все по старому. Не за порогомъ, быть можетъ, его сознанія, внутренняя логическая связь отмѣченныхъ нами моментовъ давила на его прогнозъ. Нынѣ, возражая Ильину, онъ какъ будто неохотно бросаетъ фразу о томъ, что за крестьянствомъ „большой политической активности признать не можетъ“. Трудно въ этой эвфемистической отсылкѣ крестьянъ „къ чорту и статистикѣ“ не замѣтить молчаливаго признанія большевистскаго политика въ томъ, что его схема предполагаетъ упраздненіе крестьянства, какъ продолжающаго войну съ дворянствомъ сословія.

Все это такъ, скажутъ намъ, но откуда взялъ Р—ковъ эту картину быстро совершающейся экономической революціи, растворяющей „историческія сословія“ въ экономическихъ категорияхъ

развитаго капиталистическаго общества, и позволяющей ему социальнo уподоблять нынѣшняго русскаго крупнаго землевладѣльца прусскимъ „Ульденбургамъ и Гейдебрандтамъ“, которые-де суть „сельскохозяйственные буржуа, хотя и дворяне“?

Въ томъ то и дѣло, что эта картина возникла изъ весьма почтенной потребности подвести теоретическій фундаментъ подъ заранѣе данную схему политическаго развитія. А такъ какъ схема эта сама диктовалась у большевиковъ потребностью объяснить поражение 1905—7 г.г. такъ, чтобы изъ сего не вышло никакого умаленія для большевистской „теоріи“, то элементы для залагаемаго имъ фундамента Н. Р.—кову приходилось брать не въ дѣйствительности, а внѣ ея, въ области не сущаго, а чаемаго и ожидаемаго. И В. Ильину было бы очень нетрудно показать Р.—кову, что всѣ факты дѣйствительности громко вопіютъ противъ его утвержденій о характерѣ „текущаго момента“.

Можно утверждать (и данныя, приводившіяся, напр., Ю. Ларинымъ въ „Дѣлѣ Жизни“ объ этомъ свидѣлствуютъ), что встряска всего общественнаго организма, совершенная 1905-ымъ годомъ, сильно двинула впередъ процессъ разложенія старыхъ социальнo-экономическихъ отношеній. Темпъ развитія, опредѣлявшася послѣ 1861 года, сталъ быстрѣе. Предположеніе о томъ, будто неисполненіе демократическихъ требованій 1905 года, приведетъ непосредственно къ остановкѣ всякаго хозяйственнаго развитія, было невѣрно. Развитіе производительныхъ силъ, индустриализація страны, вытѣсненіе кабальныхъ отношеній наемно-капиталистическими, ростовщическаго капитала капиталомъ „создающимъ“ прибавочную стоимость, все это не только не остановилось, но, послѣ нѣкоторой заминки, пошло ускореннымъ темпомъ, соотвѣтственно воздѣйствуя на фیزیономію социальныхъ классовъ и ихъ взаимоотношеній. Политическія, правовыя и бытovyя условія, явившіяся результатомъ борьбы 1904—7 гг., благопріятствуютъ—по сравненію съ прежними—ускоренію темпа этого развитія. Но заключать отсюда, что экономическая и социальная мощь классовъ—носителей этого прогресса уже однимъ своимъ напоромъ разбѣдаетъ старыя сословныя перегородки и тѣмъ самымъ принципиально измѣняетъ характеръ противорѣчій между отдѣльными классами, превращая ихъ въ противорѣчія внутри буржуазнаго общества—нѣтъ. никакихъ серьезныхъ основаній. Исчезновеніе или только существенное „смягченіе“ типа „феодальнаго“ собственника въ „землевладѣльца буржуа, хотя бы и дворянина“ въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно произошло болѣе или менѣе „органическимъ“ путемъ, (безъ „бури“ или „скачка“) имѣло своей предпосылкой истинно „американскій“ темпъ развитія промышленности и индустриализаціи сельскаго хозяйства. Безъ гигантскаго и очень быстрого роста лодзинской и домбровской промышленности не могло бы совершиться превращеніе польскаго „пана“ въ землевладѣльца-предпринимателя (да и то роль „скачковъ“ въ видѣ совершенныхъ сверху абсолютизмомъ переворотовъ была достаточно велика). Въ сосѣдней Галиціи при замедленномъ темпѣ экономическаго развитія кабальное землевладѣніе и обусловленныя имъ черты господствующаго класса обнаружили большую живучесть. Пока Н. Р.—ковъ не попытался доказать, что перемѣны, внесенныя въ народную жизнь 1905 го-

домъ, достаточно глубоки, чтобы сдѣлать возможнымъ подобное „американское“ развитіе капитализма, останется непреложной истиной, что измѣненія, дѣйствительно имѣвшія мѣсто, лишь на болѣе широкой плоскости, въ большемъ количествѣ пунктовъ народно-хозяйственнаго организма враждебно сталкиваютъ существующіе въ немъ элементы сословно крѣпостническаго и капиталистически-буржуазнаго общества и порождаютъ тенденцію къ новому общему ихъ столкновенію по всей линіи, къ новому историческому кризису того же характера, что и пережитый, но на болѣе высокой ступени экономическаго развитія, съ другимъ взаимоотношеніемъ социальныхъ силъ, съ болѣе рѣзко выраженной гегемоніей „города“ надъ „деревней“, промышленности надъ землевладѣніемъ, російскаго капитала надъ иностраннымъ, „производительныхъ“ слоевъ буржуазіи надъ „интеллигенціей“.

Эта тенденція можетъ встрѣтить и уже встрѣчаетъ противодѣйствіе въ другой, заложенной въ международной обстановкѣ, въ которой развивается Россія, и которая обуславливаетъ тяготѣніе самого современнаго государства, его въ извѣстной мѣрѣ самостоятельныхъ органовъ власти, къ ускоренію процесса „обуржуазиванія“ страны и притупленія противорѣчій между крѣпостническимъ и буржуазнымъ обществомъ путемъ „революціи сверху“, методомъ принужденія старыхъ сословій къ „своевременному компромиссу“ съ буржуазіей, какъ классомъ, и къ примиренію съ экономической, финансовой и общей политикой, активно ускоряющей процессъ превращенія стараго собственника въ одну изъ разновидностей единаго капиталистическаго класса. Словомъ, методъ Бисмарка, который, какъ я неоднократно указывалъ, могъ имѣть успѣхъ лишь при наличности опредѣленной міровой конъюнктуры. Окажется ли онъ возможнымъ и дѣйствительнымъ въ Россіи, будетъ зависеть отъ условій, выходящихъ за предѣлы возможнаго историческаго предвидѣнья. Поэтому, для ближайшаго историческаго періода политикъ долженъ исходить какъ изъ возможности новаго „скачка“, такъ и изъ наличности сильной тенденціи къ „взаимоприспособленію“ между старыми и новыми общественными силами. Но это значитъ—для марксиста—отвергнуть построеніе тактики на томъ отрадномъ предположеніи, что близкій „компромиссъ между всѣми группами имущихъ неизбеженъ“, какъ говоритъ Р—ковъ, и что намъ остается лишь позаботиться, чтобы „отклонить содержаніе этого компромисса возможно влѣво“.

Практическое основаніе, на которомъ строить Р—ковъ, узко, а потому несостоятельно. Компромиссъ „всѣхъ имущихъ“ вовсе не близокъ и путь, который, въ концѣ концовъ, къ нему приведетъ, есть путь социальной борьбы и кризисовъ, вызванныхъ невозможностью „органическаго“ преобразованія социально-экономическихъ отношеній современности въ законченно-буржуазныя. На этомъ пути неизбежными становятся и совершаются попытки приспособленія государственно-правовыхъ формъ къ потребностямъ капиталистическаго развитія, дѣлающія весь режимъ дворянской контръ-революціи неустойчивымъ и противорѣчивымъ. Увѣренность въ этомъ характерѣ режима, въ исторической невозможности дѣйствительной реставраціи (возможны, конечно, попытки съ временнымъ успѣхомъ)—вотъ что даетъ право и обя-

зываетъ идеологовъ пролетаріата строить свою тактику и организацію на испытанныхъ методахъ международнаго движенія—отвоевыванія почвы для открытой классовой борьбы и систематическаго участія пролетаріата во всѣхъ проявленіяхъ общественно-политической жизни... Именно эта увѣренность, а вовсе не та или иная концепція о конкретномъ ходѣ и исходѣ того пути, который насъ отдѣляетъ отъ конечнаго пункта—когда нибудь имѣющаго наступить „компромисса всѣхъ имущихъ“, коимъ закончится процессъ буржуазнаго преобразованія Россіи. Здѣсь и только здѣсь можно искать обоснованія для „ликвидаторства“ въ кавычкахъ, т. е. для всѣхъ серьезныхъ стремленій къ „европеизаціи“ русскаго рабочаго движенія, для ликвидаціи всѣхъ реакціонныхъ пережитковъ утопизма и анти-пролетарскихъ тенденцій въ русскомъ социализмѣ.

Когда Ильинъ говоритъ Р—кову: „господами положенія являются Марковы и Пуришкевичи“, а Р—ковъ отвѣчаетъ: „нѣтъ, не они, а націоналисты съ октябристами“, то чутье дѣйствительности обнаруживаетъ не Р—ковъ, а Ильинъ. Послѣдній правъ именно потому, что не отдѣляетъ „Маркова и Пуришкевича“ отъ „націоналистовъ и октябристовъ“ и не противопоставляетъ ихъ взаимно, какъ это дѣлаетъ Р—ковъ, а беретъ ихъ, какъ символъ всей той сословной диктатуры, которую по своему (съ разной степенью уступчивости по отношенію къ буржуазнымъ классамъ) выражаютъ собой всѣ эти реакціонныя группы *). „Господами положенія“ является сейчасъ не та или иная думская партія, а земельное дворянство и связанная съ нимъ бюрократія, какъ сословіе. Декретируемое Р—ковымъ выдѣленіе изъ этого сословія класса „капиталистическихъ аграріевъ“ не имѣетъ мѣста въ дѣйствительности: дворянскій сельско-хозяйственный капитализмъ до такой степени еще поглощенъ сословнымъ землевладѣніемъ, что крупнѣйшій политическій представитель такъ тѣсно связаннаго съ индустріей юго-западнаго латифундіальнаго юнкерства—гр. А. А. Бобринскій—является лидеромъ крайней монархической партіи—партіи Пуришкевичей и Марковыхъ. А его однофамилецъ гр. В. Бобринскій, этотъ типичный представитель „оголтѣлаго“ дворянства, вскормленнаго продовольственной арендой и живущаго другого рода „арендами“—этотъ типичный дворянскій Митрофанъ съ аллюрами и политическимъ кругозоромъ земскаго начальника является официальнымъ тамбуръ-мажоромъ той партіи націоналистовъ, которая по Р—кову, должна выражать интересы безсословнаго по своей сущности капиталистическаго сельскаго хозяйства. Да и вообще: типичное, кабалой и „отрѣзками“ живущее дворянство средней Россіи представлено въ III Думѣ въ такой же мѣрѣ курскими соловьями—Марковымъ и К^о—какъ и пензенскими, воронежскими, казанскими, орловскими и иными октябристами и націоналистами. Упоминаемая Р—ковымъ попытка „сѣзда объединеннаго дворянства“ превратить свою организацію въ „союзъ сельскихъ хозяевъ“ пока есть только попытка, фатально

*) Причемъ, говоря объ октябристахъ, мы имѣемъ въ виду, конечно, основное, вполне опредѣлившееся въ качествѣ помѣщичьяго и чиновничьяго, ядро партіи, а не то меньшинство капиталистической буржуазіи, которое играетъ роль лакея при дворянскомъ диктаторѣ.

обреченная на фіаско въ ту эпоху, когда дворянству еще удастся отбить даже Столыпино-Щегловитовскія скромныя покушенія на устои сословного господства въ мѣстномъ судѣ и мѣстномъ самоуправленіи.

Всѣ другіе, приводимые Р—ковымъ въ защиту его теоріи факты (сближеніе правительства съ прогрессистами, к.-д. съ октябристами, неудачи образованія блока между октябристами и правыми) могли бы, конечно, разсматриваться, какъ симптомы того процесса развитія, который онъ проводитъ. Но для этого они должны были быть... „дѣйствительными происшествіями“. Ибо трудно придумать болѣе фантастическіе „факты“, чѣмъ тѣ, которые противъ В. Ильина и насъ привидитъ Р—ковъ. Какіе то слухи о будущемъ приближеніи правительства къ прогрессистамъ въ то время, какъ правительство движется по линіи — отъ октябристовъ къ націоналистамъ, а теперь къ союзу послѣднихъ съ крайними правыми! Какія то отдѣльныя сообщенія о несостоявшемся блокѣ октябристовъ съ правыми, когда ежедневно газеты сообщаютъ о рядѣ налаживающихся избирательныхъ предпріятій по объединенію всей реакціи—отъ Пуришкевича до Гучкова! Киваніе на появленіе „прогрессистовъ“, какъ на симптомъ приближенія оппозиціонной части имущихъ къ линіи компромисса съ „господами положенія“, тогда какъ во всѣхъ сообщеніяхъ объ этомъ „прогрессизмъ“ бьетъ въ глаза именно повсемѣстность отдѣленія экономически-прогрессивныхъ, далекихъ отъ демократіи, элементовъ, шедшихъ до сихъ поръ за „господами положенія“ и теперь вступающихъ съ ними въ избирательную борьбу, весь смыслъ которой: фактъ владѣнія противъ принципа сословности и привилегій! И т. д., и т. д.

Чтобы покончить съ этой стороной разсужденій нашего автора, надо замѣтить, что, будучи неправъ, когда онъ противъ Ильина защищаетъ свою концепцію соотношенія социальныхъ силъ, онъ вполнѣ правъ, когда обходитъ вѣжливымъ молчаніемъ концепцію самого В. Ильина—Ленина о „двухъ путяхъ“—„прусскомъ“ и „американскомъ“. Ибо марксисту нечего дѣлать съ этимъ продуктомъ играющаго научными терминами словоблудія, въ сравненіи съ которымъ социологическія построенія социалистовъ-революціонеровъ являются и болѣе оригинальными, и менѣе пропагандными утопизмомъ. Н. Михайловскій и В. Черновъ думали, что они отдають должное социальному матеріализму, который они хотѣли сочетать съ идеализмомъ, когда, констатировавъ, что въ объективной дѣйствительности развиваются и враждебно сталкиваются два процесса—капитализма и „народнаго производства“, вслѣдъ затѣмъ объявляли, что „намъ“ остается только опредѣлить, какой изъ двухъ процессовъ выгоднѣе для трудящихся и, опредѣливъ, начать „совлекать“ Россію съ одного пути на другой. Ильинъ—Ленинъ констатировалъ, что въ нынѣшней дѣйствительности имѣются взаимно-противорѣчивыя тенденціи къ разрѣшенію основной проблемы хозяйственнаго развитія „по прусски“ или „по американски“; принеся это жертвоприношеніе Мамонѣ матеріализма, онъ однимъ духомъ заключаетъ во славу бога идеализма: слѣдовательно, тѣ классы, которые заинтересованы въ „американскомъ“ рѣшеніи (по „случайному“ совпаденію, это тѣ самые классы, которые по Чернову, заинтересованы въ „рус-

скомъ“ рѣшеніи преодоленія капитализма), должны поставить себѣ задачу совлечь реальное развитіе съ „прусскаго“ на „американскій“ путь. О томъ, что прежде чѣмъ обусловить собою ходъ событій, воля того или иного класса сама должна быть въ своемъ содержаніи и въ своей интенсивности обусловлена развивающейся дѣйствительностью, — что задачи, которыя можетъ себѣ ставить классъ, опредѣляются не тѣмъ, что ему, вообще говоря, наиболѣе выгодно, а тѣмъ, что ему навязывается его положеніемъ въ развивающемся хозяйственномъ организмѣ; что поэтому, сдавленное между жерновами столыпинскаго землеустройства и развивающагося капитализма, крестьянство не можетъ противъ всей городской буржуазіи поставить себѣ и разрѣшить въ 20-мъ вѣкѣ завоеваніе диктатуры; что самое движеніе страны по „прусскому“ пути видоизмѣняетъ и взаимотношеніе отдѣльных социальныхъ силъ, и ихъ фізіономію, и содержаніе ихъ классовой воли, и, слѣдовательно, не позволяетъ ихъ разсматривать подъ угломъ того ихъ общественнаго поведенія, которое было характернымъ для нихъ въ 1905 году, — обо всемъ этомъ бывшій марксистъ В. Ильинъ какъ будто не подозреваетъ.

* * *

Поясняя свое предложеніе объ образованіи общества защиты интересовъ рабочаго класса, Н. Р—ковъ заявляетъ, что нисколько не посягаетъ на идейную преемственность по отношенію къ социалдемократіи, но, считаясь съ обстоятельствами, признаетъ необходимымъ „отказаться отъ прямого организаціоннаго преемства“. На нашемъ нынѣшнемъ жаргонѣ такая точка зрѣнія называется „ликвидаторствомъ“: люди, которые не идутъ такъ далеко, какъ Н. Р—ковъ, и лишь допускаютъ, что обновленное цѣлое составитъ изъ организованныхъ остатковъ стараго и нѣкоторыхъ новыхъ образованій, — эти люди были ославлены „ликвидаторами“ и объявлены „внѣ партіи“ — правда, объявлены субъектами, которые давнымъ давно сдѣлали себя невозможными для какой бы то ни было политической партіи, не только для социалистической.

Однако, высказавъ столь „ликвидаторскія“ мысли, Р—ковъ считаетъ необходимымъ отмежеваться отъ „ликвидаторства“. Изъ этого „сложнаго“ явленія онъ выдѣляетъ два момента. Во 1-хъ, тенденцію временнаго отказа отъ всякаго организаціонно-политическаго оформленія созрѣвающихъ въ рабочемъ движеніи активныхъ элементовъ, тенденцію къ сохраненію ихъ въ текущемъ состояніи, пригодномъ развѣ только для оторванныхъ политическихъ выступленій отъ случая къ случаю. Выраженіе этой тенденции Р—ковъ нашелъ въ одной статьѣ Б. Богданова. Нельзя отрицать, что такая тенденція въ меньшевистскомъ (сокращенномъ въ „ликвидаторскій“) лагерѣ была; не знаю, можно ли будетъ найти ея замѣтные слѣды теперь, послѣ опыта послѣдняго года и послѣднихъ мѣсяцевъ; въ нѣкоторомъ родѣ официально она была преодоленна въ извѣстныхъ рѣшеніяхъ совѣщаній дѣятелей открытаго движенія въ началѣ прошлаго года, признавшихъ необходимость немедленнаго приступа къ построенію органовъ постояннаго политическаго дѣйствія. Какъ бы то ни было, поскольку эта тенден-

ція встрѣчалась, какъ выраженіе крайней реакціи противъ эксцессовъ традиціоннаго организаціоннаго фетишизма и какъ пассивное приспособленіе къ „мизеріи“ худшихъ лѣтъ застоя, Н. Р—ковъ правъ въ своей критикѣ ея; поскольку слѣды, пережитки ея могутъ сказываться теперь въ нѣкоторой тягѣ къ „кустарничеству“ въ организаціонной работѣ и политической дѣятельности, отъ этихъ пережитковъ движеніе должно отдѣлаться. Не лишне, во избежаніе недоразумѣній, прибавить, что „кустарничество“ въ примѣненіи новыхъ методовъ работы не можетъ быть излечиваемо реставраціей стараго кустарничества кружковаго подполья...

Далѣе, Р—ковъ выдѣляетъ другой, доступный ему, моментъ въ ликвидаторствѣ: „ларинско аксельродовское теченіе, имѣющее въ виду созданіе широкой рабочей партіи или рабочаго союза изъ существующихъ рабочихъ легальныхъ организацій—профессіональныхъ союзовъ, кооперативовъ, клубовъ и т. д.“.

Здѣсь уже Р—ковъ проявляетъ плохое знаніе дѣла и способенъ только запутать читателя. Ларинъ дѣйствительно пропагандировалъ въ 1907 г. „широкую рабочую партію“; ее отстаивали и нѣкоторые изъ писавшихъ по вопросу о „рабочемъ съѣздѣ“. Но, во 1-хъ, тотъ же Ларинъ мыслилъ себѣ эту „широкую партію“ составленной не только изъ профессиональныхъ и кооперативныхъ обществъ, но и изъ тѣхъ—тогда насчитывавшихся десятками тысячъ—рабочихъ, которые входили въ ячейки демократизированной подпольной партійной организаціи — с. д. и с. р. Во вторыхъ, Аксельродъ, упоминаемый Р—ковымъ, не только не предлагалъ строить партію изъ кооперативныхъ и профессиональныхъ союзовъ, но выступалъ противъ соответствующихъ тенденцій части „рабочесъѣздовцевъ“ къ образованію партіи типа Labour Party. Всѣ организаціонно-реформатскія предложенія П. Б. Аксельрода, наложившія замѣтную печать на плодотворную, въ общемъ и цѣломъ, работу мысли нашихъ „ликвидаторовъ“, исходили изъ стремленія отобрать (не отрывая отъ массъ) и сплотить въ политическую организацію передовые, наиболѣе проникнутые классовой сознательностью, элементы открытых рабочихъ организацій и временныхъ ихъ соединеній. И лишь слѣпой не видѣлъ, что такое объединеніе представляло бы гораздо болѣе однородный по степени социалистической зрѣлости и по глубинѣ марксистскаго воспитанія слой пролетаріата, чѣмъ тотъ разношерстный конгломератъ рабочихъ и учащейся и буржуазной молодежи на разныхъ ступеняхъ политическаго развитія и социалистической неразвитости, который представляла собою по необходимости партійная организація съ того момента, какъ вынужденная „демократизироваться“ и расширяться за предѣлы, поставленные всякой подпольной организаціи самой ея природой, она наполнилась текучими элементами, совершенно случайно и безразборчиво выкачиваемыми изъ массы вербующимъ аппаратомъ ея строго оформленныхъ ячеекъ. На Аксельрода, слѣдовательно, Р—ковъ киваетъ совершенно напрасно, когда говоритъ объ „объединеніи рабочихъ, обладающихъ въ неодинаковой степени сознаніемъ классовыхъ интересовъ“.

Внѣ этихъ двухъ тенденцій Р—ковъ видитъ лишь „неуловимое“, „загадочное“ въ взглядахъ „Мартова, Дана и основнаго ядра“ такъ наз. „ликвидаторства“.

Что наше стремленіе ликвидировать социалдемократію „неуловимо“ — Р—ковъ совершенно правъ. Въ неуловимости уже давно убѣдились Ленинъ, Плехановъ и иные „ловцы“, которымъ до зарѣзу нужно было доказать нашу вредоносность, нашу близость къ ревизионизму и къ реформизму и которые доказать этого не смогли — и не по недостатку усердія. Но мы собственно никому и не давали обязательства облегчить „уловленіе“ насъ въ дѣяніяхъ и мысляхъ, могущихъ послужить прямыми или косвенными уликами для обвиненія насъ въ стремленіи ликвидировать социалдемократію. Поэтому, досада Н. Р—кова на нашу „неуловимость“ и „неясность“, которая вызываютъ въ немъ впечатлѣніе „что люди въ нерѣшимости безпомощно топчутся на одномъ мѣстѣ“, насъ только забавляетъ. „Я не знаю, положенія, худшаго для политическихъ дѣятелей“, пишетъ Н. Р—ковъ. Я знаю, по меньшей мѣрѣ, одно худшее: положеніе, въ которое попалъ Р—ковъ, когда, воюя съ „ликвидаторствомъ“, предложилъ такой „планъ“, который мы, „ликвидаторы“ должны были устами редакціи „Н. Зари“ назвать попыткой запрятать партію подъ псевдонимъ и который „антиликвидаторами“ былъ объявленъ послѣднимъ словомъ ликвидаторства.

На справедливое замѣчаніе редакціи „Н. З.“ о томъ, что предлагаемое имъ „общество защиты интересовъ рабочаго класса“ — еще не партія, Р—ковъ отвѣчаетъ упрекомъ въ тяготѣніи къ организаціонной „расплывчатости“. Такъ ли это, однако?

Безъ основательной ломки правовыхъ условій, созданныхъ контръ-революціей, реализація въ сколько-нибудь удовлетвори-тельной мѣрѣ лозунга борьбы за открытую партію невозможна. И когда Р—ковъ, въ числѣ средствъ борьбы за открытую политическую организацію, указываетъ: „фактическое осуществленіе послѣдней даже при отказѣ отъ регистраціи“, онъ самъ между моментомъ начала агитаціи и моментомъ ея увѣнчанія ставитъ нѣчто, по терминологіи, крайне „расплывчатое“: ибо согласитесь что „фактически осуществляемая“ при условіяхъ сегодняшняго и завтрашняго момента организація лишь очень несовершенно можетъ отвѣчать представленію Р—кова о дѣйствительно-открытой, и дѣйствительно-социалдемократической, и дѣйствительно-пролетарской массовой организаціи. Очевидно, что если подъ „обществомъ“ Р—кова понимать сколько нибудь организованную и централизованную классовую партію, ее надо завоевать процессомъ долгой и сложной борьбы, субъектомъ которой должно быть нѣчто, далекое отъ этой нормальной организаціи. Что-же можетъ быть субъектомъ этой борьбы? Этимъ субъектомъ можетъ быть лишь, по выраженію редакціи „Н. З.“, „партія, какъ слагающееся цѣлое“, въ видѣ отдѣльныхъ органовъ политическаго дѣйствія, тѣсно между собой связанныхъ идейно, возможно болѣе при данныхъ условіяхъ тѣсно связанныхъ и взаимно координированныхъ организаціонно, причемъ эта послѣдняя связь будетъ по необходимости болѣе свободной, болѣе loose, менѣе формально централизующей. чѣмъ это было бы нужно съ точки зрѣнія нормальнаго партійнаго организма.

И въ числѣ такихъ постоянныхъ органовъ политическаго дѣйствія могли бы сыграть свою роль и „общества“ намѣченнаго Р—ковымъ типа, не въ видѣ общества, воплощающаго рабочую партію, которая рисковала бы быть партией „укороченной“ классовой борьбы, а въ видѣ новыхъ аванпостовъ рабочей партіи на сценѣ открытой политической дѣятельности.

Резюмируемъ:

Если Р—ковъ предлагаетъ намъ давнишній лозунгъ борьбы за открытую рабочую партію реализовать въ борьбѣ за легализацію социалдемократическаго по существу политическаго рабочаго общества,—мы, „ликвидаторы“, не идемъ съ нимъ: ибо на данной стадіи разложенія контръ-революціоннаго режима не имѣется еще предпосылокъ для функціонированія такого общества-партіи въ рамкахъ этого режима и его осуществленіе могло бы быть въ лучшемъ случаѣ достигнуто лишь цѣной не формальнаго лишь, а дѣйствительнаго сѣуженія задачъ и искаженія методовъ борьбы „укрывшейся за псевдонимъ“ партіи.

Если Р—ковъ, не задаваясь утопической или оппортунистической задачей вмѣстить въсю социалдемократію и все въ дѣятельности социалдемократіи въ рамки мыслимаго въ ближайшій періодъ легализованнаго общества, предлагаетъ развернуть борьбу, ведущуюся рабочими за открытое проявленіе классоваго движенія, въ борьбу за легализацію или за допущеніе опредѣленно-политическихъ обществъ,—мы всецѣло съ нимъ и считаемъ эту борьбу не только полезной для дѣла политическаго воспитанія рабочаго класса, не только могущей сопровождаться извѣстнымъ непосредственнымъ успѣхомъ, но и ведущей наиболѣе вѣрнымъ путемъ къ конечному завоеванію права и возможности открытаго функціонированія партіи, какъ нормально функціонирующаго и единаго организма политическаго дѣйствія.

То есть: борьба за частичную легализацію политической самодѣятельности рабочаго класса есть важнѣйшая составная часть борьбы за ея легализацію въ полномъ объемѣ, неразрывно связанную съ значительной демократизаціей общественнаго строя.

Л. Мартовъ.

Новѣйшія выступленія германскаго ревизионизма.

(По поводу брошюръ Эд. Бернштейна и Гергарда Гильдебрандта).

Появившаяся осенью 1911 года брошюра Бернштейна „Отъ секты къ партіи“ представляетъ собой попытку обрисовать эволюцію, которую прѣдѣлала германская соц.-дем. партія въ области основныхъ принциповъ своей дѣятельности. Сектой была, по его мнѣнію, социалдемократія въ то время, когда, въ лицѣ Либкнехта, тогда еще депутата рейхстага Сѣверо-германскаго Союза, заявляла, что, „борьба въ парламентѣ есть призрачная борьба, комедія... Социаль-демократія ни при какихъ обстоятельствахъ и ни на какой почвѣ не должна вступать въ

сношенія и переговоры съ противникомъ... столкноваться съ принципиальными противниками—это значитъ приносить въ жертву свои принципы“—и соотвѣтственно этому ограничивалась политикой демократически-революціоннаго протеста; партіей она стала тогда, когда болѣе тѣсная связь ея съ рабочимъ классомъ заставила ее обратить преимущественное вниманіе на такъ называемую „реальную политику“—на активную парламентскую, коммунальную, экономическую работу. Съ гордостью приводитъ Бернштейнъ цифры, рисующія колоссальный ростъ численности и матеріальной устойчивости партіи; число социаль-демократовъ—членовъ рейхстага, ландтаговъ, городскихъ и земскихъ гласныхъ, членовъ промысловыхъ судовъ, страховыхъ учреждений и т. д.; но особенно гордо звучитъ его утверждение, что социаль-демократія и есть настоящая „имперская“ партія, преслѣдующая не какіе либо частные интересы, а интересы германскаго государства и народа. „Въ настоящее время“, говоритъ онъ, „и въ законодательствѣ, и въ управленіи фактически необходима партія, которая не была бы связана въ своихъ рѣшеніяхъ и шагахъ интересами собственности или какихъ-либо отжившихъ учреждений“ *) и такой партіей является, по его мнѣнію, именно социаль-демократія. Желая стать рабочей партіей, социаль-демократія стала партіей народной. Когда она была еще сектой, она ставила себѣ задачей завоеваніе государственной власти для совершенія социальнаго переворота; теперь, благодаря демократизаціи государства, она борется за усиленіе государственной власти, какъ политической, такъ и экономической, являясь сторонницей государственнаго страхованія и перехода въ руки государства крупныхъ общепользныхъ предпріятій. Пропитываніе государства социализмомъ—вотъ чѣмъ представляется Бернштейну совершающійся передъ нами процессъ социальнаго развитія. Въ доказательство онъ приводитъ то мѣсто „Коммунистическаго Манифеста“, гдѣ перечисляются мѣры, подлежащія осуществленію въ переходный моментъ диктатуры пролетаріата, указывая, что нѣкоторыя изъ нихъ осуществлены кое-гдѣ уже въ настоящее время...

Вся брошюра Бернштейна—сплошной гимнъ этой эволюціи современнаго государства. Въ его изложеніи послѣднее рисуется въ видѣ какой-то внѣшней формы,—въ которую можно вложить какое угодно содержаніе, вплоть до социалистическаго. Это абстрагированіе государственно-правовыхъ формъ, заслоняющихъ буржуазное общество съ его классовой структурой, доходитъ у Бернштейна до того, что и конечной цѣли социаль-демократіи онъ даетъ чисто-юридическую формулировку, совершенно отвлекаясь отъ экономическаго содержанія социальнаго переворота: „устраненіе всѣхъ классовыхъ привилегій и привилегій въ силу рожденія, включая сюда династическія права надъ народомъ, и уничтоженіе всѣхъ пріобрѣтенныхъ правъ, поскольку они противорѣчатъ самосознанію народа“ **).

Переопѣнкъ тѣхъ возможностей, которыя открываютъ социаль-демократіи современныя государственныя формы, соотвѣтствуетъ и нежеланіе констатировать обостреніе классовыхъ противорѣчій и классовой борьбы. Приведа на стр. 41—42 данныя, указывающія на поразительно быструю пролетаризацію населенія, ростъ крупныхъ город-

*) „Отъ секты къ партіи“, стр. 43. Von der Sekte zur Partei.

**) Тамъ же, стр. 39.

скихъ центровъ и паденіе народно-хозяйственнаго значенія земледѣлія, Бернштейнъ въ особомъ приложеніи повторяетъ свои прежнія возраженія противъ изображенія развитія капиталистическаго общества, какое дано въ „Эрфутской программѣ“. Въ его схемы не укладываются ни феодализация промышленности ни тѣ острые конфликты труда и капитала, свидѣтелями которыхъ мы были въ послѣдніе годы, ни тѣ изысканно-жестокія мѣры, которыя принимаются предпринимателями для подавленія рабочаго движенія и уничтоженія рабочихъ организацій. А борьба государства-предпринимателя со своими служащими, или вмѣшательство его въ экономическіе конфликты, готовящійся въ Германіи походъ противъ права коалицій—какія это все прекрасныя иллюстраціи къ теоріи о пропитываніи государства социализмомъ...

Соотвѣтственно своей общей точкѣ зрѣнія, Бернштейнъ видитъ корень разногласій между радикалами и ревизионистами (или реформистами, какъ онъ предпочитаетъ называть ихъ) не въ общихъ теоретическихъ предпосылкахъ. Онъ заключается, по его мнѣнію, въ непримиримомъ отношеніи радикализма къ государству. Согласно установившимся традиціямъ ревизионизма, Бернштейнъ излагаетъ точку зрѣнія „ортодоксовъ“ такъ, что положенія, въ которыхъ послѣдніе видятъ диктуемую вѣтмъ ходомъ развитія историческую необходимость (обостреніе классовыхъ противорѣчій, вырываніе реформъ, диктатура пролетаріата и т. п.) представляетъ какъ цѣль, которую они себѣ сознательно ставятъ. Онъ обвиняетъ ихъ въ томъ, что они стоятъ какъ бы внѣ государства, желая побороть его извнѣ, и тѣмъ самымъ впадая въ непримиримое противорѣчіе съ дѣйствительной партійной дѣятельностью. Ни на шагъ не отступая отъ своей принципиальной позиціи, с.д. партія боролась и борется противъ капиталистическаго государства, но борется извнутри, внутри его собственныхъ учреждений, обращая противъ него созданное имъ же самимъ оружіе. Та борьба за непосредственныя улучшенія, которую Бернштейнъ считаетъ альфой и омегой социаль-демократической работы, всегда служила для германской соц.-демократіи исходнымъ пунктомъ ея дѣятельности. Она умѣетъ пѣнить конкретныя завоеванія въ сторону демократизаціи государственнаго строя и улучшенія социальнаго законодательства, подчиняя свою борьбу за нихъ высшей принципиальной точкѣ зрѣнія. Эта точка зрѣнія продиктовала ей и ея голосованіе противъ новѣйшаго имперскаго закона о страхованіи („Reichsversicherungsordnung“ 1911 г.), и ея позицію въ вопросѣ объ эльзасъ-лотарингской конституціи, которыя кажутся Бернштейну несомнѣстными. Эта точка зрѣнія помогла германской соц.-демократіи теперь, послѣ выборовъ 12-го января, одной изъ всѣхъ политическихъ партій не опуститься до политическаго шахермахерства, до торго мандатами и въ ущербъ численному росту своей фракціи выдержать до конца основной тонъ избирательной кампаніи—„фронтъ противъ правыхъ“¹. Она знаетъ, что потерянные мандаты окупятся сторицей, ростомъ морально-политическаго вліянія партіи. Она знаетъ, говоря словами Бернштейна, что „въ современномъ механизмѣ политическихъ партій необходимы силы, упорно работающія въ духѣ абсолютныхъ принциповъ“^{*)} и что такой силой можетъ и должна быть партія пролетаріата.

Но высказавъ только что приведенное положеніе, Бернштейнъ

^{*)} Тамъ же, стр. 67.

отводить этимъ абсолютнымъ принципамъ очень ограниченную область дѣйствія. Считая большинство политическихъ вопросовъ, напр. бюджетный, исключительно вопросами цѣлесообразности, подлежащими разрѣшенію независимо отъ какихъ-либо принципиальныхъ предпосылокъ, онъ для одного пункта дѣлаетъ исключеніе. Это — международная политика. Его аргументація настолько интересна, что мы приведемъ ее почти цѣликомъ:

„Въ рядахъ соц.-демократовъ реформистовъ есть крыло... исходящее изъ того мнѣнія, что мы еще недостаточно далеко ушли въ сторону интернаціонализма, что въ большей части государствъ господами положенія еще являются націоналистическіе элементы, и что поэтому германская соц.-демократія должна если не прямо поддерживать военныя и морскія вооруженія, то все же относиться къ нимъ благожелательнѣй, чѣмъ сейчасъ. Представители этого воззрѣнія не относятся также рѣзко отрицательно къ покровительственной таможенной политикѣ Германіи. Другое же крыло реформистовъ въ этихъ вопросахъ „ортодоксально“. Не надо думать, что они совершенно иначе оцѣниваютъ фактическое положеніе дѣлъ. Они не были бы реформистами, если бы не понимали, что все въ мірѣ относительно, что разоруженіе требуетъ времени, а свобода торговли не панацея. Но что удерживаетъ ее отъ того, чтобы руководствоваться въ этихъ вопросахъ такими соображеніями, это мысль, что здѣсь дѣло идетъ о *спеціальной миссіи современнаго рабочаго класса* *). Всей совокупностью жизненныхъ условій рабочій классъ толкается на то, чтобы быть партіей свободнаго обмѣна и сношеній, партіей международнаго мира. И если бы партія поддалась противоположнымъ теченіямъ, она потеряла бы свой компасъ и перестала бы быть могущественнымъ факторомъ въ сложныхъ вопросахъ международныхъ отношеній“... **).

Все это прекрасно сказано. Но дѣйствительно ли спеціальная миссія пролетаріата ограничивается тѣмъ, чтобы быть носителемъ международнаго мира? И не признаетъ ли самъ Бернштейнъ въ заключительныхъ словахъ своей книги, что историческая миссія рабочаго класса значительно шире, что пролетаріатъ, и только онъ одинъ, является носителемъ великаго идеала социальнаго и духовнаго раскрѣпощенія, социальной и духовной свободы? А если это такъ, то и по отношенію къ такъ называемой внутренней политикѣ придется сдѣлать то, что сдѣлалъ Бернштейнъ по отношенію къ внѣшней: отказаться руководствоваться той точкой зрѣнія, что „все въ мірѣ относительно“ и признать, что партія пролетаріата, въ полномъ сознаніи исторической миссіи рабочаго класса, всегда и всюду должна „упорно работать въ духѣ абсолютныхъ принциповъ“. Не какія либо отвлеченныя истины имѣемъ мы тутъ въ виду; абсолютность должна пониматься здѣсь въ томъ смыслѣ, что вся дѣятельность партіи должна быть подчинена высшей цѣлесообразности и исходить изъ историческихъ задачъ рабочаго класса.

И обратно: если, несмотря на освободительную миссію пролетаріата, возможно оппортунистическое разрѣшеніе имъ вопросовъ внутригосударственныхъ, то почему же дѣлать исключеніе въ вопросахъ международной политики? Дѣйствительно, нѣкоторые германскіе ревизионисты нашли въ себѣ смѣлость и послѣдовательность сдать и эту послѣднюю позицію, на которой укрѣпились Бернштейнъ. Такимъ смѣльчакомъ оказался Гергардъ Гильдебрантъ, авторъ брошюры: „Соціалистическая международная политика“ ***).

*) Курсивъ Бернштейна.

**) Тамъ же, стр. 66—67.

***) Прим. ред.: Въ настоящее время поднять вопросъ объ исключеніи Гильдебранда изъ партіи за эту брошюру, противорѣчащую основамъ партійной программы и тактики.

Гильдебрандъ исходитъ изъ того положенія, что стремленіе великихъ державъ къ расширенію своихъ колоніальныхъ владѣній является для нихъ экономической необходимостью. Послѣдняя создается тѣмъ, что въ индустриализованныхъ странахъ все болѣе растетъ спросъ на сырые матеріалы, поставляемые сельскимъ хозяйствомъ отставшихъ въ своемъ капиталистическомъ развитіи странъ и на продукты тропического и подтропического пояса, а удовлетвореніе этого спроса становится все затрунительнѣе. Индустриализація поставщиковъ Европы — Сѣв.-Ам. Соединенныхъ Штатовъ, Канады, Россіи, Аргентины, Японіи — создаетъ въ этихъ странахъ внутренній рынокъ для ихъ собственныхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и въ то же время ставитъ ихъ въ ряды потребителей тропическихъ и подтропическихъ продуктовъ. При этомъ происходитъ нѣчто вродѣ географическаго размежеванія: вывозъ, напр., Кубы, Вестъ-Индіи и южно-американскихъ государствъ все болѣе поглощается Соединенными Штатами, а вывозъ Индокитая, Филиппинъ и даже Индостана — восточно-азиатскими государствами (Японіей) и Австраліей. Такъ, съ начала нынѣшняго столѣтія въ Европу направляется не болѣе половины всего вывоза Британской Индіи; 19⁰⁹/₁₀ г., по сравненію съ 190⁸/₉, вывозъ ея въ Японію увеличился болѣе чѣмъ на 40%, въ Китай почти на 25%, въ Англію же менѣе, чѣмъ на 10%, а въ Германію даже абсолютно упалъ. Такая локализація вывоза естественно ведетъ къ такой же локализаціи ввоза, и западно-европейскому производству становится все труднѣе удержать за собой свои заокеанскіе рынки. Отсюда современный „Drang nach Afrika“ (стремленіе въ Африку) и стремленіе путемъ политическаго преобладанія закрѣпить за собой экономическую монополію, обезпечить какъ снабженіе своего производства сырьемъ, такъ и сбытъ своихъ фабрикатовъ и полуфабрикатовъ.

Гильдебрандъ полагаетъ, что особенно нуждается въ такомъ обезпеченіи Германія. Въ сравненіи съ колоніальными владѣніями Бельгіи и Голландіи, Англіи и Франціи, ея колоніи непомѣрно малы. Такая экономически отсталая страна, какъ Португалія, обладаетъ колоніями, равняющимися 22,58% ея европейской территоріи. Для Голландіи то же отношеніе выражается въ 61,84%, Бельгіи — 80,90%, Франціи 12,86%, Германіи же всего 4,91%. Въ то же время импортъ въ Германію изъ тѣхъ странъ, которыя являются для нея поставщиками сырья, главнымъ образомъ изъ С.-А. Соедин. Штатовъ, за послѣднее десятилѣтіе почти не возросъ. Сейчасъ главнымъ поставщикомъ Германіи является Россія, но врядъ ли она долго имъ останется. Еще хуже то, что какъ разъ главные поставщики Германіи являются плохими потребителями произведеній ея промышленности, а въ будущемъ эта дисгармонія грозитъ стать еще рѣзче: Германіи придется обращаться за сырьемъ въ Южную Америку, Африку, Азію, а эти рынки уже захвачены Англіей, Франціей, Бельгіей. „Что будетъ съ нашимъ вывозомъ, нашей промышленностью“, восклицаетъ Гильдебрандъ, „если въ Абиссиніи и въ Марокко, въ португальской Африкѣ и въ Турціи, въ Персіи и въ Сіамѣ и, наконецъ, въ Австраліи, Англія, Франція и Россія пользуются своимъ политическимъ вліяніемъ, не дадутъ намъ возможности, на основѣ равнаго благопріятствованія, завоевывать для нашего вывоза новые рынки!“ *).

*) „Сод. международная политика“, стр. 37. („Sozialistische Auslandspolitik“).

Поэтому Гильдебрандъ признаетъ политику Германіи, направленную на завоеваніе африканскихъ рынковъ, правильной, а желаніе Англіи и Франціи оттъснить ее отъ нихъ — вопіющей несправедливостью. Онъ призываетъ социалистическія партіи отказаться отъ своего прежняго принципиально-отрицательнаго отношенія ко всякой колониальной политикѣ, понять, что это есть вопросъ экономическаго прогресса, а въ частности для Германіи вопросъ жизни и смерти. Германскіе рабочіе, по его мнѣнію, такъ же заинтересованы въ успѣхѣхъ колониальныхъ притязаній Германіи, какъ и капиталисты:

„Поскольку въ настоящее время наше существованіе поκειται на частно-хозяйственномъ приобрѣтеніи и использованіи средствъ производства и производительныхъ силъ, интересы рабочихъ требуютъ расширенія области приложенія капитала... Внутри государства это дѣлается само собой, внѣ его необходимо нѣкоторое содѣйствіе государственной власти. Лишь поскольку послѣдней удастся отстоять равноправіе нашего капитала, возможно уничтоженіе задерживающихъ нашъ вывозъ преградъ. Рабочіе заинтересованы въ томъ, чтобы это было сдѣлано, лишь бы примѣнялись умѣстные средства“ *).

Вопросъ именно въ средствахъ, а не въ дѣлѣ. Социалистическая международная политика, также, какъ и политика господствующихъ классовъ, должна стремиться къ подчиненію европейскому капитализму тѣхъ областей, которыя неспособны къ самостоятельному развитію. Но мѣсто свободнаго соперничества державъ, источника постоянныхъ недоразумѣній, столкновеній и опасныхъ конфликтовъ, должно занять соглашеніе, въ основу котораго легъ бы принципъ равномернаго распредѣленія колониальныхъ владѣній и сферъ вліянія, соответственно экономическимъ потребностямъ каждой изъ договаривающихся сторонъ. Гильдебрандъ тутъ же излагаетъ проектъ такого соглашения, причемъ оказывается, что тѣ африканскія области, вокругъ которыхъ идетъ сейчасъ споръ, по справедливости должны достаться Германіи и Италіи, а Франція и Англія могутъ вознаградить себя за счетъ... португальскихъ колоній.

Какъ видите, справедливость Гильдебранда нѣсколько своеобразна. Но не въ этомъ слабая сторона его разсужденій. Попытка построить „социалистическую международную политику“ вполне понятна и законна. Законно желаніе не ограничиваться болѣе афоризмомъ о неизбежной связи колониальныхъ авантюръ съ капиталистическимъ строемъ, а использовать политическій вѣсъ и мощь пролетаріата для достиженія и въ этой, заповѣдной до сихъ поръ области, реального успѣха, реальныхъ улучшеній. Подавляющее большинство нашихъ социальныхъ язвъ создано капиталистическимъ строемъ и исчезнетъ лишь съ его гибелью, но социаль-демократія давно покинула по отношенію къ нимъ политику голаго протеста; не пора ли сдѣлать это и здѣсь? Однако, какъ разъ съ этой точки зрѣнія Гильдебрандовская „социалистическая международная политика“ безусловно не выдерживаетъ критики. Это утопія, въ корнѣхъ противорѣчащая самымъ основнымъ тенденціямъ развитія капиталистическаго общества, и какъ-то странно даже видѣть, что она вышла изъ-подъ пера одного изъ наиболѣе „трезвыхъ“ ревизионистовъ. Гильдебрандъ самъ признаетъ, что „Drang nach Afrika“ вытекаетъ изъ присущаго капиталистическому производству стремленія къ безграничному расширенію, не считаясь ни со своимъ базисомъ, ни съ размѣрами потребленія. Всякое договорное распредѣленіе колоній является попыткой положить предѣлъ такому расширенію и поэтому

*) Тамъ же, стр. 38.

обречено на неудачу. Правда, Гильдебрандъ и самъ не допускаетъ мысли, чтобы промышленный и финансовый капиталъ добровольно пошелъ на такое самоограниченіе: добиться этого долженъ пролетаріатъ путемъ организованнаго давленія. И развѣ мы не видѣли, какъ такое давленіе неоднократно давало желательные результаты? развѣ мы не были, лѣтомъ 1911 г., свидѣтелями того, какъ наиболѣе энергичнымъ факторомъ, приведшимъ къ мирному разрѣшенію марокккаго конфликта, оказалось Международное Соціалистическое Бюро? Но въ томъ то и дѣло, что то организованное давленіе, которое имѣетъ въ виду Гильдебрандъ, рѣзко отличается отъ „голаго протеста противъ воинствующаго шовинизма и декламаций о мирѣ во что бы то ни стало“ (такими словами онъ характеризуетъ настоящую тактику международнаго пролетаріата). Онъ предлагаетъ германскому пролетаріату не стоять надъ борющимися сторонами, какъ было до сихъ поръ, а примкнуть къ одной изъ нихъ и энергично протестовать противъ германофобской политики Англіи, заявляя:

„Мы за миръ, но только за миръ, признающій равноправіе колоніальныхъ притязаній всѣхъ странъ. Во имя будущности нашего народа, нашихъ дѣтей мы обязаны настаивать на обезпеченіи колоніями обдѣленныхъ народно-хозяйственныхъ организмовъ, и мы добьемся этого, какъ велики бы ни были препятствія и кѣмъ бы они намъ ни ставились“. *)

Гильдебрандъ, повидимому, полагаетъ, что такое заявленіе произвело бы магическое дѣйствіе на недруговъ Германіи. Мы думаемъ, что стоитъ только германской социаль-демократіи взять такой тонъ—и международное рабочее движеніе перестанетъ быть факторомъ мира, и осуществленіе „соціалистической международной политики“ больше, чѣмъ когда-либо окажется несбыточной утопіей. Секретъ огромнаго вліянія пролетаріата, въ качествѣ сдерживающей и охлаждающей воинственный пылъ силы, заключается именно въ томъ, что онъ, стоитъ надъ борющимися сторонами, что ни одна изъ отстаиваемыхъ послѣдними комбинацій не соответствуетъ его интересамъ и поэтому ни одна изъ нихъ не можетъ рассчитывать на его поддержку. Онъ является умиротворяющей силой лишь постольку, поскольку противопоставляетъ себя, всѣмъ соперникамъ, какъ крѣпко спаянное цѣлое, каждый членъ котораго дорожитъ единствомъ этого цѣлага больше, чѣмъ тѣмъ клокомъ добычи, который могъ бы достаться ему въ международной грызнѣ. Какъ бы ни иронизировали надъ интернаціонализмомъ социаль-демократіи, надъ пролетарской солидарностью, но она—именно является умиротворяющей силой, она заставляетъ господствующіе классы избѣгать европейской войны и волей неволей вырабатывать тотъ или иной *modus vivendi*. Заявленіе, подобное тому, которое Гильдебрандъ влагаетъ въ уста германскому пролетаріату, развиваетъ имъ руки. Правда, германское правительство, имѣя на своей сторонѣ германскій пролетаріатъ, готовый отстаивать колоніальное равноправіе Германіи „какъ велики бы ни были препятствія и кѣмъ бы они ни ставились“, становится вдвое и втрое сильнѣе; но отчего бы англійскому и французскому пролетаріату не проникнутся тогда тѣми же взглядами? Вѣдь не станеть же Гильдебрандъ отрицать, что соперничество Англіи съ Германіей является для первой такимъ же неизбѣжнымъ слѣдствіемъ ея экономическаго развитія, какъ и для послѣдней, что опасность „задохнуться въ собственномъ жиру“ въ гораздо большей степени грозитъ хозяйственному организму Англіи, чѣмъ Германіи.

*) Тамъ же, стр. 62—63.

Но намъ думается, что Гильдебрандъ не такой ужъ большой утопистъ, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Онъ прекрасно понимаетъ, что и международное распредѣленіе колоній и общеевропейскій таможенный союзъ, о которомъ онъ мечтаетъ, такое же далекое и призрачное будущее, какъ всеобщее разоруженіе и вѣчный миръ. Все это для него лишь прекрасныя декораціи, а квинтъ-эссенція его „соціалистической международной политики“ заключается въ приведенномъ выше „заявленіи“, въ предложеніи признать тожество интересовъ германскаго капитала и германскаго народа.

„Тогда“ говоритъ онъ (т. е. въ случаѣ заявленія германской соціально-демократіи о своей готовности отстаивать колоніальныя притязанія Германіи), „и широкіе слои германскаго народа, враждебно относящіеся къ рабочему движению, но все же желающіе культурнаго подъема рабочихъ, рѣшатся на болѣе тѣсное и продолжительное политическое сближеніе съ рабочимъ движениемъ. Если же германскіе рабочіе-соціалисты не сдѣлаютъ необходимаго шага, то сами будутъ виноваты въ томъ, что не приобретутъ довѣрія въ тѣхъ слояхъ народа, въ союзъ съ которыми только и можетъ создаться демократическое большинство и надолго должны будутъ довольствоваться ролью партіи меньшинства“. ¹⁾

Въ этихъ словахъ мы узнаемъ Гильдебранда—ревизиониста, узнаемъ послѣдователя Бернштейна. Цѣной отказа отъ международной солидарности пролетаріата, цѣной поддержки империалистическихъ тенденцій германской государственной власти онъ желаетъ привлечь на сторону соціально-демократіи націоналистически настроенные элементы народа, поставить ее во главѣ образовавшагося такимъ путемъ демократическаго (?) большинства. Это—характерная для ревизионизма тоска по большинству, желаніе приобрести это большинство сейчасъ же, еще въ рамкахъ капиталистическаго государства осуществить своего рода гегемонію пролетаріата. Какъ мы видѣли, Бернштейнъ признаетъ отказъ отъ принципа международной солидарности, отъ миротворческой миссіи пролетаріата слишкомъ дорогой цѣной. Гильдебрандъ готовъ заплатить ее. Онъ „plus royaliste que le roi même“ и не на словахъ только, а на дѣлѣ, по цѣлому ряду вопросовъ, показываетъ, что не считаетъ необходимымъ руководствоваться въ области международной политики тѣмъ, что „Бернштейнъ называетъ абсолютными принципами“. Мы уже видѣли, что онъ предлагаетъ Англіи и Франціи справедливое вознагражденіе за счетъ португальскихъ колоній. Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ поведеніе Германіи, не воспользовавшейся въ 1901 г. китайскими смутами для укрѣпленія своихъ позицій на Тихомъ Океанѣ, „непростительной ошибкой, вызванной богъ-вѣсть какими личными свойствами и неумѣстной нерѣшительностью германскаго правительства“. ¹⁾ И, наконецъ, персидскія дѣла вызываютъ у него такую тираду:

„Если соглашеніе зап. европейскихъ державъ на соціалистической основѣ не состоится, то Германія сама по себѣ или въ рамкахъ тройственнаго союза не имѣетъ никакихъ основаній изъ-за Персіи впутываться въ непріятности съ Россіей. Если только Россія оставитъ въ покоѣ Турцію и представитъ германской торговлѣ, особенно по окончаніи сооруженія проектируемыхъ желѣзнодорожныхъ линій, полную свободу, то пусть дѣлаетъ въ Персіи, что ей заблагоразсудится. Своя рубашка ближе къ тѣлу, и если Англія по-прежнему будетъ противодействовать всякому расширенію германской сферы вліянія, то пусть справляется одна... Россія намъ тогда ближе Англіи“. ¹⁾

Мы привели эти разсужденія для того, чтобы показать, какъ далеко можетъ зайти социалистъ, разъ отказавшійся отъ основного прин-

¹⁾ Тамъ же, стр. 63.

¹⁾ Тамъ же, стр. 50.

¹⁾ Тамъ же, стр. 54.

цина социалистической тактики—всякій свой шагъ, всякую ближайшую цѣль подчинять интересамъ конечной цѣли движенія. Напрасно Бернштейнъ старается возвести искусственную перегородку, по одну сторону которой можно отказаться отъ „абсолютныхъ принциповъ“, можно ходить ко двору, вотировать милитаристическій бюджетъ, по другую же нужно свято соблюдать строгую ортодоксальность; его соратниковъ эта перегородка не остановитъ. Если реальная политика (въ Бернштейновскомъ смыслѣ) дѣйствительно такъ важна, если въ результатѣ ея современное государство можетъ безъ помощи социальной революціи пропитаться социализмомъ, то отчего же отказываться отъ шага, который дастъ социаль-демократіи положеніе гегемона новаго демократическаго большинства?

Брошюра Гильдебранда появилась до январскихъ выборовъ. Социал-демократическая партія не послѣдовала его совѣту, не взяла колоніальныхъ притязаній Германіи подъ свое крылышко—и врядъ ли ей приходится въ этомъ раскаиваться. Ея платформа—безусловный миръ во внѣ, социальный прогрессъ внутри, непримиримая война со всѣми врагами труда и культуры—оказалась достаточной, чтобы привлечь къ ней прочное довѣріе огромной части германскаго народа. Исходъ выборовъ показалъ, что германская социаль-демократія, не переставая быть классовой партіей пролетаріата, дѣйствительно стала истинно народной партіей, что будучи въ меньшинствѣ, она все же держитъ въ своихъ рукахъ нити политическаго и социального прогресса Германіи—во славу своихъ „абсолютныхъ принциповъ“.

А. Семенова.

Иностранное обозрѣніе.

Избирательныя недоразумѣнія.

(Письмо изъ Германіи).

Избирательная тактика всегда была однимъ изъ самыхъ запутанныхъ и трудныхъ партійныхъ вопросовъ. Даже у германской с.-демократіи, которая всегда умѣетъ стоять на принципиальной позиціи, она вызывала сильныя разногласія. Послѣдняя выборная кампанія также повела за собою ожесточенные споры, окончаніе которыхъ нужно ожидать только осенью, на ближайшемъ партійномъ сѣздѣ въ Хемницѣ. На этотъ разъ стороной, на которую обрушилась критика, является... правленіе партіи. Разыгравшійся инцидентъ интересенъ не только для нѣмецкой публики, такъ какъ затрагиваетъ рядъ общихъ вопросовъ: поведеніе на перебаллотировкахъ, объ обостреніи классовыхъ противорѣчій, о подталкиваніи части буржуазіи влѣво и т. п. Суть этого инцидента такова.

12 января происходили выборы въ рейхстагъ. С.-д. получили $4\frac{1}{4}$ мил. голосовъ, но смогли пріобрѣсти только 63 мандата; прогрессисты не смотря на свои $1\frac{1}{2}$ мил. голосовъ, не провели ни одного депутата; въ половинѣ избирательныхъ округовъ предстояли перебаллотировки. Ясно, что составъ, будущаго парламента долженъ былъ опредѣлиться только на перебалло-

тировкахъ. Уже на слѣдующій день, 13 января, правленіе партіи прогрессистовъ обратилось къ с.-д. съ предложеніемъ вступить въ соглашеніе. Переговоры затянулись на 4 дня, за это время правленіе с.-д. партіи было наводнено запросами изъ округовъ, какой тактики держаться. Наконецъ на пятый день отвѣты были разосланы, причѣмъ въ 16 округахъ, гдѣ с.-д. кандидатъ шелъ въ перебаллотировку съ прогрессистомъ, телеграмма правленія гласила: прекратить всякую агитацию, не устраивать больше предвыборныхъ собраній, не распространять листовъ, разрѣшалось только въ день выборовъ, около избирательныхъ помѣщеній раздавать записки съ фамиліей с.-д. кандидата. Какъ не показалась необычайной и странной эта телеграмма, но желѣзная дисциплина одержала верхъ, только въ одномъ округѣ изъ получившихъ такой приказъ, мѣстная организація вмѣстѣ съ прекращеніемъ агитации сняла и партійную кандидатуру, такъ что с.-д. здѣсь въ перебаллотировкѣ не участвовали. Во всѣхъ остальныхъ округахъ, гдѣ шла борьба между правительственнымъ блокомъ и либералами, правленіе, согласно резолюціи, принятой на партійномъ съѣздѣ въ Іенѣ, предлагало поддержать прогрессистовъ безусловно, остальныхъ либераловъ—если они примутъ минимальныя требованія; черно-голубому блоку рекомендовалось не давать ни одного голоса.

Въ особомъ циркулярѣ правленіе сообщало, что состоялось предвыборное соглашеніе съ прогрессистами, о чемъ оно проситъ пока не разглашать, и что подробное объясненіе будетъ дано послѣ выборовъ. Перебаллотировки давно окончились, принесъ с.-д. крупный успѣхъ: еще 47 депутатскихъ мѣстъ, но правленіе молчало и не давало обѣщанныхъ разъясненій. Тогда изъ рядовъ партіи начались раздаваться голоса протеста. Сперва въ печати (особенно Роза Люксембургъ) потомъ на партійныхъ собраніяхъ въ Бременѣ, Гамбургѣ и подъ Берлиномъ была высказана рѣзкая критика по поводу невиданнаго еще въ германской социаль-демократіи соглашенія. Наоборотъ, въ „Vorwärts“ Каутскій взялъ на себя трудную задачу защищать проведенную тактику. Наконецъ выступило со своими разъясненіями и правленіе. Оно воспользовалось собраніемъ берлинской организаціи, на которомъ должна была обсуждаться резолюція, выражающая сожалѣніе по поводу соглашения, и послало туда одного изъ представителей—Гаазе, стараго, всѣми уважаемаго секретаря Молькенбура и молодого секретаря Брауна. Противъ правленія выступили здѣсь Р. Люксембургъ, Ледебуръ, Штадгагенъ и друг. Позиція Каутскаго въ „Vorwärts“ была такова. Во время выборовъ мы ведемъ пропаганду за наши цѣли противъ всѣхъ буржуазныхъ партій безъ исключенія, даже въ тѣхъ округахъ, гдѣ у насъ нѣтъ никакой надежды выиграть депутатское мѣсто; на перебаллотировкахъ идетъ борьба изъ-за мандатовъ, и наша задача при этомъ заключается въ томъ, чтобы изъ всѣхъ враговъ, противъ которыхъ мы только что воевали, выбрать одного, который является для насъ наименьшимъ зломъ или который согласится на взаимную поддержку. Мы должны участвовать въ перебаллотировкахъ, съ одной стороны потому, что для общаго политическаго положенія и для нашей классовой борьбы въ особенности очень важно, побѣдитъ-ли правительство или оппозиція, реакція, стремящаяся силою задавить развитіе пролетаріата, или партіи, не ставящія себѣ такой цѣли. Съ другой стороны далеко не безразлично, сколько мѣстъ въ парламентѣ мы сами завоюемъ. Пусть наша законодательная работа не играетъ круп-

ной роли, но даже ея чисто агитаціонное значеніе будетъ больше при большемъ количествѣ депутатовъ. Далѣе мы импонируемъ массѣ, далеко стоящей отъ с.-д., не нашими конечными цѣлями, а нашей силой, а эту силу индифферентная масса, не знающая статистики, видитъ не въ числѣ поданныхъ голосовъ, а въ числѣ одержанныхъ побѣдъ, т. е. завоеванныхъ мандатовъ. Такимъ образомъ, принципиально вопросъ о необходимости участвовать въ перебаллотировкахъ не подлежитъ сомнѣнію и не вызываетъ критики, нападки вызвало данное конкретное соглашеніе. Для того чтобы оцѣнить, поскольку эти нападки правильны, надо разсмотрѣть общее политическое положеніе, создавшееся передъ выборами.

Изучая данныя о выборахъ за послѣднія 25 лѣтъ, мы видимъ, что результаты перебаллотировокъ для с.-д. прогрессивно ухудшались, и въ 1907 г. с.-д. одержали побѣду только въ 15% округовъ, въ которыхъ они участвовали въ перебаллотировкахъ. Отдѣльные теченія буржуазіи, повидимому, по мѣрѣ роста социаль-демократіи, все больше объединялись противъ общаго врага. Поэтому велико было наше изумленіе, когда немедленно же послѣ нашей блестящей побѣды 12 января прогрессисты сами обратились къ намъ съ предложеніемъ о взаимной поддержкѣ. Въмѣсто испуга и перехода на сторону реакціи они выразили желаніе перейти на нашу сторону. Былъ ли это простой избирательный маневръ, надежда добиться такимъ способомъ возможно большаго количества мандатовъ?—Никоимъ образомъ. Прогрессисты свободно могли рассчитывать, что реакціонныя партіи будутъ голосовать за нихъ противъ с.-д., какъ за меньшее зло, а въ поддержкѣ с. д. они были увѣрены послѣ Іенскаго партійнаго сѣзда. Наоборотъ этимъ своимъ шагомъ они отталкивали реакціонеровъ, давали тѣмъ оружіе противъ себя. Такимъ образомъ, объясненіе поведенія прогрессистовъ надо искать совсѣмъ въ другомъ. Каутскій думаетъ, что причина лежитъ въ новомъ либерализмѣ, новомъ среднемъ сословіи *).

Новый либерализмъ интеллигенціи и служащихъ въ предпріятіяхъ воодушевляется успѣхами социаль-демократіи, дѣлается благодарна этимъ успѣхамъ, радикальнѣе въ противоположность старому. Вполнѣ опредѣленно поэтому можно сказать, что прогрессисты, заключая соглашеніе, гораздо больше ставили себѣ цѣлью пораженіе реакціоннаго блока, чѣмъ погоню за мандатами.

Что могло сулить соглашеніе с.-демократамъ? Мы тоже ставили себѣ цѣлью разрушить реакціонный блокъ, создать рѣшительно либеральное большинство и поставить правительство въ невозможность править вопреки волѣ оппозиціи. Мы могли бы приобрести болѣе 20 мандатовъ, и либерализмъ былъ бы безсилень безъ нашей поддержки; благодаря соглашенію, остальные буржуазныя партіи стали бы во враждебное отношеніе къ прогрессистамъ и сдѣлалась бы безнадежной всякая попытка создать блокъ всей буржуазіи противъ с.-д., о чемъ мечтаютъ и чего хотятъ реакціонеры. Такова была возможная ситуація, съ которой приходилось считаться.

Правда, намъ могутъ указать на примѣръ Франціи и Англіи, гдѣ рабочіе и либералы выступили совмѣстно противъ реакціи, а результаты получились печальные: не смотря на сильно развитую политическую жизнь, не смотря на то, что социалисты дѣлались даже мини-

*) См. статью его, переведенную нами въ № 3 „Нашей Зари“ за 1912 г.

страми, рабочее движеніе развивалось тамъ очень слабо, и социалисты отъ соглашенія не выиграли, а пожалуй только проиграли. Но почему это такъ?—Потому что и въ Англіи и во Франціи сильная либеральная организація противостояла мало сплоченной рабочей партіи, и послѣдняя превратилась въ либеральный придатокъ. Въ Германіи, наоборотъ, въ первый разъ въ міровой исторіи явилась бы возможность либерально-социалистическаго большинства, въ которомъ преобладали бы с.-д., и это преобладаніе обуславливалось бы не только благодаря численному превосходству с.-д. депутатовъ, но гораздо больше благодаря сплоченности, единству и рѣшительности с.-д. партіи.

Коренной ошибкой социалистовъ во Франціи и въ Англіи была политика блоковъ, соглашеній съ либералами. Этой политикой социалисты связывали себя, принимая на себя всѣ либеральные грѣхи и не будучи въ состояніи рѣшительно выступить противъ своихъ буржуазныхъ союзниковъ. Въ рейхстагѣ, при германскихъ условіяхъ нечего было опасаться созданія такого блока. Съ другой стороны, получи лѣвое большинство, значеніе социаль-демократія, какъ самой сильной лѣвой группы, возросло бы еще больше. Она стала бы центральнымъ пунктомъ всей германской политики, она сдѣлалась бы носительницей всѣхъ чаяній и ожиданій широкихъ массъ народа, и сила с.-д. агитаціи и пропаганды должна была бы неизмѣримо увеличиться.

Съ такими возможностями приходилось считаться при заключеніи соглашенія. Онѣ не осуществились. Но для политика, особенно для революціонера очень опасно сообразовать свою тактику съ результатами, которыхъ добился, а не съ возможностями, которыя заключались въ данной ситуаціи. Въ политикѣ, какъ на войнѣ, можно и должно считаться съ вѣроятностями, и кто хочетъ бить только безъ промаха, тотъ рискуетъ никогда не двинуться съ мѣста.

Въ данномъ случаѣ результаты не вполне оправдали ожиданія, и лѣвая не получила рѣшительнаго большинства, но все-таки многое достигнуто. Прежде всего правая потеряла столько мандатовъ, что тоже не имѣетъ теперь прочнаго большинства: далѣе исходъ перебаллотировокъ былъ очень благопріятенъ для с.-д., и с.-д. стали самой сильной фракціей въ рейхстагѣ. Наконецъ, с.-д. оторвали прогрессивовъ отъ реакціи и, благодаря соглашенію, отрѣзали имъ путь, по крайней мѣрѣ на первое время, къ переходу направо. Однимъ словомъ, безъ соглашенія с.-д. выиграли бы гораздо меньше, чѣмъ при соглашеніи.

Читатель видитъ, какъ широко и глубоко захваченъ Каутскимъ вопросъ съ теоретической стороны. Съ практической стороны объясненія членовъ партійнаго правленія сводились къ слѣдующему. Мы всегда поддерживали прогрессивовъ на перебаллотировкахъ, не требуя отъ нихъ никакихъ взаимныхъ обязательствъ. Благодаря этому, они въ однихъ округахъ получали помощь отъ с.-д. противъ реакціонеровъ, въ другихъ—отъ послѣднихъ противъ с.-д. Вступая въ соглашеніе, мы обязывали ихъ отказаться отъ помощи реакціи. По уставу ихъ партіи центральный комитетъ не имѣетъ формальнаго права устанавливать тактику на перебаллотировкахъ, такое право принадлежитъ мѣстнымъ организаціямъ. Все, что они могли сдѣлать, это разослать на мѣста призывъ голосовать за с.-д. Конечно, с.-д. правленіе знало, что въ дѣломъ рядѣ округовъ прогрессисты не послушаются своего центра и отдадутъ голоса реакціи, за то въ цѣломъ рядѣ другихъ округовъ они приняли общій лозунгъ, и с.-д. выиграли на перебаллотировкахъ столько мѣстъ, какъ никогда раньше.

Такъ какъ прогрессисты понимали, что благодаря своему лозунгу, они потеряютъ въ рядѣ округовъ голоса реакціонеровъ, то они потребовали, чтобы въ тѣхъ округахъ, гдѣ они имѣютъ шансы пройти и гдѣ они стоятъ въ перебаллотировкахъ съ с.-д., послѣдніе не развивали бы слишкомъ сильной агитаціи.

С.-д. правленіе заранѣе установило, что ни одного округа, въ которомъ есть малѣйшіе шансы на побѣду, уступлено не будетъ. Послѣ тщательнаго обсужденія оказалось, что въ 16 округахъ можно прекратить агитацію, такъ какъ вѣроятность побѣды здѣсь незначительна. И дѣйствительно только въ одномъ изъ этихъ 16 округовъ прошелъ с.-д. по совершенно непредвидѣннымъ обстоятельствамъ: антисемиты отдали свои голоса с.-д. кандидату, къ тому же еврею. Въ остальныхъ 15 округахъ, какъ и слѣдовало ожидать, с.-д. остались въ меньшинствѣ, причемъ число поданныхъ за с.-д. голосовъ на перебаллотировкахъ во многихъ случаяхъ было больше, чѣмъ на главныхъ выборахъ, т. е. притупленіе агитаціи не отразилось на результатахъ.

Тѣмъ не менѣе соглашеніе вызвало очень сильное раздраженіе и неудовольствіе въ рядахъ партіи, особенно пунктъ о „притупленіи“ агитаціи. На берлинскомъ собраніи очень выпукло причины этого неудовольствія выразилъ М. Грунвальдъ: „Вы думаете что наши партійные товарищи и члены профессиональныхъ союзовъ поймутъ этотъ пунктъ?—Жестоко ошибаетесь. Къ чему намъ работать, когда противники не почувствуютъ этого? Къ чему стараться, когда результаты нашихъ стараній достанутся партіи, съ которой мы на ножахъ, какъ со всѣми другими партіями? Боевая классовая логика пролетаріата сильнѣе всѣхъ желаній партійнаго правленія. Правда, первый шагъ пока не опасенъ, но если мы и дальше будемъ такъ дѣйствовать, то результаты будутъ очень печальные, худшіе даже, чѣмъ отъ примѣненія реформистской тактики“.

Въ словахъ Грунвальда характерно намѣчена точка зрѣнія мѣстнаго работника. Для правленія и Каутскаго важнѣйшимъ является общая постановка дѣла, общая политическая ситуація, и съ этой точки зрѣнія они видѣли себя вынужденными принять соглашеніе и отдѣльные его пункты. Грунвальдъ и многіе изъ возражавшихъ выражали взгляды мѣстныхъ работниковъ, непосредственно соприкасающихся съ массами и цѣликомъ отражающихъ ихъ психологію. Несмотря на уступленія Гаазе, Молькенбура и Брауна, несмотря на защиту Каутскаго, подавляющее большинство берлинскаго собранія приняло резолюцію, осуждающую соглашеніе за притупленіе агитаціи въ 16 округахъ. Не нужно быть пророкомъ, чтобы сказать, что такой же пріемъ оно встрѣтитъ и на общепартійномъ съѣздѣ. Тонкіе и сложные расчеты верховъ партіи разбились о непоколебимое настроеніе массъ, къ которымъ эти верхи предъявили непомѣрно большія требованія. Дѣйствительно, въ тотъ моментъ, когда уже большая часть трудной и тяжелой работы продѣлана, когда осталось всего нѣсколько дней до конца борьбы, правленіе предписываетъ бросить дѣло незаконченныъ, сдать позиціи. Пусть вопросъ шелъ только о тѣхъ округахъ, гдѣ по мнѣнію правленія, почти съувѣренностью можно было сказать, что все равно с.-д. не прошелъ бы въ депутаты; но время выборовъ есть наилучшій моментъ для агитаціи и, теряя хотя бы часть его добровольно, с.-д. вредятъ сами себѣ. Съ этой понятной психологіей мѣстныхъ работниковъ правленіе въ данномъ случаѣ мало считалось, за что и получило серьезное напоминаніе отъ самыхъ вліятельныхъ организацій.

Женское избирательное право въ шведскомъ парламентѣ.

Вопросъ о женскомъ избирательномъ правѣ давно уже пересталъ поглощать вниманіе исключительно женщинъ. По мѣрѣ пріобщенія женщинъ ко всѣмъ сферамъ и отраслямъ труда; по мѣрѣ того, какъ женщины, гонимыя не столько „жаждой эмансипаціи“, сколько призракомъ матеріальной необезпеченности, занимаютъ мѣста на всѣхъ ступеняхъ іерархической трудовой лѣстницы, боевой кличъ передовыхъ женщинъ различныхъ слоевъ населенія, превращается въ одинъ изъ будничныхъ моментовъ борьбы между старо-феодальнымъ режимомъ, въ той или иной мѣрѣ удерживающимся во всѣхъ почти европейскихъ странахъ, и демократическими тенденціями враждебныхъ ему классовъ. Этотъ постоянно повторяющійся конфликтъ между интересами старофеодальнаго міра, съ его враждебностью къ каждому новому завоеванію демократіи, и стараніями „оппозиціи“, либеральной и рабочей, пробить толстую стѣну феодальнаго господства, снова наглядно сказался въ Швеціи при обсужденіи и рѣшеніи вопроса о предоставленіи женщинамъ избирательныхъ правъ въ Парламентъ. Съ прошлаго 1911 года шведскія гражданки пользуются, „на равныхъ основаніяхъ съ мужчинами избирательнымъ правомъ въ коммунальныхъ, городскихъ и сельскихъ самоуправленіяхъ“ *). Это „равное съ мужчинами“ право, однако, устраняетъ въ коммунахъ наименѣе обезпеченную часть женскаго населенія отъ избирательныхъ урнъ и, хотя это устраненіе происходитъ „на равныхъ съ мужчинами основаніяхъ“, для женщины, годовой доходъ которой въ сельской общинѣ ниже 500 кр. (250 р.), а въ городѣ даже 800 кр. (400 р.)—такого рода „равноправіе“ едва ли утѣшительно.

Девятнадцатаго мая въ обѣихъ палатахъ шведскаго парламента состоялись заключительные дебаты по вопросу о новомъ, правительственномъ законопроектѣ, распространяющемъ избирательное право на женщинъ, опять таки „на равныхъ съ мужчинами основаніяхъ“, въ центральный, законодательный органъ (обѣ палаты) страны. Законопроектъ внесенъ былъ въ январѣ текущаго года либеральнымъ министерствомъ, находящимся въ настоящее время у власти. Это была одна изъ тѣхъ немногихъ реформъ, съ помощью которой либеральное министерство „отмежевывало“ себя отъ феодальной Швеціи, „дипломатическій ходъ“, долженствовавшій доказать населенію его демократическія симпатіи. Консервативная Швеція, чувствуя, что почва еще не ушла изъ подъ ея ногъ, не особенно злобствовала и не волновалась. Она рассчитывала „на благоразуміе“ своихъ согражданъ, которые не пожелаютъ-де послѣдовать высоко-поучительному примѣру Финляндіи и, предоставленіемъ избирательныхъ правъ женщинамъ, не усилить число „красныхъ голосовъ“. Но, если „правые“ оставались сравнительно спокойными, то, наоборотъ, въ рядахъ „лѣвыхъ“, среди социалдемократіи, правительственное предложеніе породило бурные споры и разногласія.

*) При первыхъ выборахъ избрано было 40 женщинъ членами коммунальных самоуправленій.

Правительственный законопроект составленъ былъ въ полномъ созвучіи, съ требованіемъ буржуазныхъ равноправовъ, этихъ друзей и единомышленницъ либеральной партіи въ Швеціи. — Излюбленный принципъ феминистокъ: „политическія права на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ покоится избирательное право мужчинъ“ — соблюденъ былъ въ законопроектѣ въ полной мѣрѣ. Правда, въ отличіе отъ коммунальныхъ избирательныхъ правъ, парламентскій избиратель въ Швеціи, а слѣдовательно, и избирательница, не обязанъ отвѣчать какому-либо минимуму имущественнаго ценза; въ основу, дѣйствующаго въ 1911 г. избирательнаго закона, давашаго возможность послать въ парламентъ свыше 60 социалистическихъ депутатовъ, положенъ „принципъ“ всеобщаго избирательнаго права. Каждый гражданинъ (а по правительственному законопроекту и каждая гражданка), которому исполнилось 24 года пользуется активнымъ и пассивнымъ правомъ избранія во вторую Палату (для первой Палаты существуетъ имущественный и весьма высокій цензъ *). Это, такъ сказать, „въ принципѣ“. Фактически же, какъ дѣйствующій законъ, такъ и внесенныя правительствомъ дополненія и измѣненія къ нему, устанавливають въ § 16 цѣлый рядъ ограниченій, значительно сокращающихъ число полноправныхъ гражданъ и гражданокъ Швеціи.

Не касаясь вопроса о высокой возрастной границѣ—24 года—для включенія въ число полноправныхъ гражданъ, остается еще цѣлый рядъ ограничительныхъ пунктовъ, устранивающихъ отъ избирательныхъ урнъ, преимущественно рабочее и вообще неимущее населеніе. Въ пунктѣ е § 16 указывается, что только лицо, уплатившее за послѣдніе 3 года всѣ лежавшіе на немъ государственныя и коммунальныя повинности, пользуется избирательнымъ правомъ; въ пунктѣ f добавлено, что замужняя женщина (если по брачному контракту не существуетъ раздѣльности имущества) также лишается свихъ правъ, если мужъ ея не заплатилъ полагающихся съ него налоговъ, Избирательнаго права лишаются, кромѣ того, всѣ лица, которые либо сами для себя, либо для членовъ своей семьи, пользовались въ какой бы то ни было формѣ пособіемъ или поддержкой со стороны мѣстныхъ органовъ „попеченія о бѣдныхъ“ **). Кромѣ того, права голоса лишаются лица, находящіеся подъ опекой, отбывающія воинскую повинность, вообще военные, и т. д.

Всѣ эти ограничительные пункты, тщательно сохраняемые въ новомъ законопроектѣ, навели шведскихъ социалдемократокъ на тяжелое раздумье. Со времени Копенгагенской международной социалистической женской конференціи, выработавшей основы социалдемократической тактики въ борьбѣ за женскія политическія права, борьба шведскихъ социалистокъ велась подъ знаменемъ общедемократическаго лозунга: устраненіе изъ существующаго закона всѣхъ ограничительныхъ пунктовъ и распространеніе избирательнаго права на всѣхъ совершеннолѣтнихъ гражданъ и женщинъ. Противъ боевого клича феминистокъ, — о предоставленіи женщинамъ права голоса на тѣхъ же основахъ, какъ у мужчинъ, организованныя въ партію женщины, — энергично возставали.

*) Требуется наличность имущества, равнаго 50,000 кронъ или годовой доходъ минимумъ въ 3,000 кр.

**) При послѣднихъ выборахъ были случаи, когда рабочихъ устранили отъ выборовъ на томъ основаніи, что при родахъ женъ они пользовались бесплатной акушеркой и медицинской помощью для жены со стороны „попечительства“.

Однако, предложенный правительствомъ законопроектъ, переносилъ вопросъ въ совершенно иную плоскость: стадія борьбы за реформу оказывалась законченной, пройденной; законопроектъ находился въ стѣнахъ парламента и отъ исхода голосованія депутатовъ зависѣла теперь судьба взрослыхъ гражданокъ Швеціи: стать или не стать полноправными? Мнѣнія по вопросу о томъ, какую позицію должна занять социалдемократія въ эту критическую минуту, раздѣлились. Одна часть социалистокъ настаивала на томъ, что существующіе въ законѣ ограничительные параграфы урѣжутъ главнымъ образомъ права женщинъ изъ рабочаго класса и на этомъ основаніи предлагали социалистическимъ депутатамъ голосовать противъ правительственнаго законопроекта. На многочисленномъ женскомъ митингѣ въ апрѣлѣ въ Стокгольмѣ мнѣніе это нашло свое выраженіе въ резолюціи, предложенной „лѣвымъ крыломъ“ социалистокъ. Въ резолюціи требовалось: 1) добиваться уничтоженія всѣхъ ограниченій существующаго закона, стоящихъ на пути къ осуществленію дѣйствительно всеобщаго избирательнаго права, 2) предлагалось депутатамъ энергично противиться введенію избирательныхъ правъ для женщинъ на тѣхъ основаніяхъ, какими ими пользуются мужчины. Точка зрѣнія эта диктовалась отчасти и тѣмъ соображеніемъ, что проведеніе женскаго избирательнаго права, при сохраненіи ограничительныхъ параграфовъ, надолго отодвинетъ коренную реформу избирательной системы.

Другая часть социалистокъ и среди нихъ такой испытанный, старый боецъ, какъ Ката Дальстремъ, популярнѣйшая социалистическая агитаторша въ Швеціи, защищали иную точку зрѣнія. Онѣ настаивали на томъ, чтобы социалистическіе депутаты подали въ парламентъ голосъ за правительственный законопроектъ. Первая стадія борьбы за данную реформу закончена, борьба велась неуклонно подъ истинно-демократическимъ лозунгомъ; теперь стадія вторая, когда парламентскимъ представителямъ рабочаго класса предстоитъ дѣлать выборъ между меньшимъ и большимъ „зломъ“—отклонить законопроектъ, вмѣстѣ съ голосами реакціонеровъ, или принять реформу, хотя бы въ неполномъ, урѣзанномъ видѣ? Разногласія въ женскомъ социалистическомъ лагерѣ разгорались. Защитницамъ голосованія за законопроектъ много вредила позиція, занятая центральнымъ женскимъ органомъ партіи („Mongonbris“), не сумѣвшимъ со всей отчетливостію отмежеваться отъ той тактической линіи, какую вели по данному вопросу феминистки и запутывавшій положеніе „примирительными“ нотами по отношенію къ буржуазнымъ равноправкамъ. „Правымъ“ отвѣчали горячіе голоса работницъ, объявлявшія готовность во имя обще-классовыхъ интересовъ отказаться отъ завоеваній „женскихъ правъ“...

Однако, въ самомъ дѣлѣ, требоваль-ли интересъ рабочаго класса въ цѣломъ отклоненія правительственнаго законопроекта? На этотъ вопросъ отвѣтить было не такъ легко и просто. Поскольку статистическія выкладки,—а подсчеты въ такихъ случаяхъ всегда носятъ весьма приблизительный характеръ—позволяли судить, реформа, предлагаемая правительствомъ, все же являлась шагомъ впередъ по пути демократизаціи избирательной системы. Даже при сохраненіи ограничительныхъ параграфовъ новый законъ распространялъ бы избирательное право на миллионъ съ небольшимъ женщинъ. По подсчету статистика Виделля, на каждые 1.000 мужчинъ-избирателей при проведеніи реформы приходилось бы 1.107 избирательницъ. По народной переписи 1910 г. въ Швеціи насчитывалось 1,520.661 женщинъ и 1,349.201 муж-

тивъ всего 66, первая палата стоящая на стражѣ интересовъ старой Швеціи, наложила свое veto на реформу „либеральнаго“ министерства и этимъ подчеркнула еще разъ, что пока „соціальный сдвигъ“ не совершился въ сторону либеральной буржуазіи, пока крѣпки еще устои феодально монархической Швеціи, пока живы еще старыя традиціи, либеральной власти придется волей-неволей гнуть спину передъ „старыми господами“, истинными властителями Швеціи...

Участь законопроекта о женскомъ избирательномъ правѣ рѣшена, законопроектъ, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ своемъ видѣ, похороненъ. Однако самый вопросъ объ избирательномъ правѣ женщинъ далеко не снятъ съ очереди. Онъ лишь вернулся въ свою первичную стадію: приходится начинать сначала борьбу за демократизацію избирательной системы и вести ее подъ знакомъ пятичленной избирательной формулы, работать снова по линіи намѣченной Копенгагенской резолюціей. Шведскимъ социалистамъ не приходится напоминать, что борьба за неограниченное избирательное право для обоихъ половъ отвѣчаетъ одинаково и ихъ женскимъ, и обще-классовымъ интересамъ. Та работа, какую въ подготовительной стадіи вели до сихъ поръ шведскія социалистки дышитъ достаточной принципиальностью. Но въ виду того, что уже разъ бывшая ситуація можетъ повториться, что правительство или другія партіи могутъ снова, хотя и въ иной формулировкѣ, преподнести парламенту реформу въ пользу женскихъ политическихъ правъ, важно выяснитъ теперь же позицію, какую должна въ такомъ случаѣ занять социалдемократія. Этотъ вопросъ имѣетъ актуальное значеніе не для одной Швеціи, но и для цѣлаго ряда странъ, гдѣ реформа избирательной системы въ пользу женщинъ стоитъ въ порядкѣ дня. Не одна страна переживаетъ „конфликтъ“ подобный только что бывшему въ Швеціи.

Позиція парламентскихъ рабочихъ представителей въ вопросѣ о реформѣ избирательной системы въ пользу женщинъ носитъ все еще колеблющійся характеръ, въ виду тѣхъ „сложныхъ“ и, все же постоянно повторяющихся комбинацій, при проведеніи реформы. Въ свое время вопросъ о тактикѣ парламентскихъ представителей рабочаго класса при разсмотрѣніи законопроекта о распространеніи коммунальныхъ правъ на женщинъ вставалъ въ Швеціи, въ Англіи, въ Дани, въ Норвегіи; въ Норвегіи тотъ же вопросъ возникалъ по поводу введенія политическихъ избирательныхъ правъ для женщинъ, при сохраненіи принципа имущественнаго ценза. Въ настоящее время тотъ же вопросъ волнуетъ умы англійскихъ парламентскихъ представителей рабочихъ.

Копенгагенская резолюція, принятая на женской конференціи, даетъ, правда, указанія подъ какимъ знаменемъ и какими путями добиваться политическаго равноправія женщинъ, но она совершенно не затрагиваетъ вопроса о заключительномъ разсмотрѣніи реформы въ стѣнахъ парламента. Включеніе этого пункта въ порядокъ дня предстоящей въ 1913 году третьей конференціи социалистокъ имѣло бы несомнѣнно большое значеніе. За эти годы вопросъ о женскихъ политическихъ правахъ сильно подвинулся впередъ; изъ области принципиальныхъ пожеланій, онъ переносится все чаще и чаще на практическую почву осуществимой соціальной реформы. Какъ ни разнообразны условія, при которыхъ въ различныхъ странахъ намѣчается проведеніе избирательной реформы въ пользу женщинъ, основныя положенія постоянно повторяются: проведеніе реформы при сохраненіи тѣхъ или

иныхъ ограничительныхъ установленій, отзывающихся въ той или иной мѣрѣ на интересахъ избирателей обоого пола.

Само собою разумѣется, что намѣчая „линію поведенія“ и тактики, социалистамъ приходится не упускать изъ вида одного весьма существеннаго момента: вліяніе данной реформы на дальнѣйшіе успѣхи социалистическаго движенія. Если съ одной стороны, защита принципиальной позиціи въ вопросѣ реформы избирательнаго права—облегчаетъ агитаціонную работу, „упрощая“ задачи агитаторовъ, то, съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать, что пріобщеніе женщинъ къ числу избирателей, даже при сохраненіи нѣкоторыхъ ограниченій и „урѣзывающихъ“ права демократіи параграфовъ, имѣетъ для общаго рабочаго движенія еще гораздо болѣе важное значеніе. Соціалисты не могутъ разсматривать вопросъ о политическихъ правахъ женщинъ, какъ самодовлѣющую цѣль.

Женское избирательное право для социалдемократовъ не является также способомъ увеличить число мандатовъ; для нихъ, съ точки зрѣнія задачъ, стоящихъ на очереди передъ рабочимъ классомъ, женское политическое равноправіе (разумѣется если оно, какъ въ Швеціи, дѣйствительно распространяется на широкія массы, а не ограничивается кругомъ „высоко-имущественныхъ“ гражданокъ)—это нѣчто несравненно болѣе важное. И прежде всего это одинъ изъ могущественныхъ способовъ вывести работницъ изъ ихъ современнаго политическаго индифферентизма, нарушить то покорно-дремотное состояніе, въ которомъ пребываютъ миллионы экономическо и социально закабаченныхъ рабынь, средство заставить женщину активно пріобщиться къ общественной жизни и занять свое мѣсто въ политической борьбѣ. Только политически-правоспособная гражданка явится тѣмъ сознательнымъ товарищемъ-борцомъ съ существующимъ социальнымъ неустройствомъ, какой желаютъ ее видѣть социалисты...

Этого существеннаго момента не слѣдуетъ упускать изъ вида, намѣчая тактику социалистовъ при разсмотрѣннй реформы въ пользу женскихъ избирательныхъ правъ въ ея заключительной парламентской стадіи.

Александра Коллонтай.

Политическое обозрѣніе.

Послѣ «Лены»...

Грандіозныя политическія забастовки въ связи съ ленской трагедіей и днемъ 1-го мая, несомнѣнно, отмѣчаютъ собою поворотный пунктъ не только въ рабочемъ движеніи Россіи, но и въ политическихъ судьбахъ страны.

Впервые послѣ 1905 года такое громадное количество рабочихъ—не менѣе полумилліона—демонстрировало одновременно и открыто свое глубокое недовольство существующимъ положеніемъ и свою рѣшимость бороться съ нимъ. Летаргія, сковавшей рабочій классъ подъ двойнымъ

гнетомъ политическаго пораженія и экономическаго кризиса, очевидно, пришелъ конецъ, и на исторической сценѣ снова появляется масса.

Конечно, историческая драма, характеризуемая этимъ появленіемъ, не должна и не можетъ протекать безъ антрактовъ. Быть можетъ, перерывы между отдѣльными актами ея будутъ довольно продолжительными. Быть можетъ, и даже—навѣрное, огромный запасъ энергіи, обнаруженный рабочимъ классомъ въ апрѣльскіе и майскіе дни, будетъ временами находить себѣ исходъ въ непрерывной дѣйствительности экономическихъ забастовокъ: недаромъ, вѣдь, на столбцахъ газетъ снова замелькала забытая было рубрика подъ заголовкомъ „Забастовки“. Но всеѣмъ этимъ не устраняется и не ослабляется тотъ фактъ, что массовая борьба снова становится могучимъ факторомъ русской политической жизни.

Общественныя силы, для которыхъ возрожденіе этого фактора истиннѣе—„ножъ вострый“, пытались было отрицать очевидность и свести все дѣло къ тѣмъ же злосчастнымъ „зачинщикамъ“ и „подстрекателемъ“. Еще послѣ ленской забастовки онѣ старались утѣшать себя иллюзіей, будто реакція массъ на бойню есть просто случайное и проходящее явленіе, объясняемое исключительно изъ ряда вонъ выходящею чудовищностью совершеннаго надъ ленинскими рабочими преступленія. „Россія“ иронизировала надъ учащеюся молодежью, будто бы тщето старавшеюся втянуть въ демонстрацію рабочихъ. Меньшиковъ въ „Новомъ Времени“ думалъ, что для тушенія пожара достаточно воднистыхъ разсужденій въ извѣстномъ жандармско-либеральномъ стилѣ о неизбѣжности такихъ явленій, какъ демонстраціи, въ „конституціонномъ“ строѣ. Словомъ, работа сводилась къ тому, что дѣло, въ сущности, вовсе не такъ серьезно...

День 1-го Мая оборвалъ эту пастораль. Слишкомъ очевидно стало, какая сила снова вступаетъ въ политическую борьбу. „Россія“ внезапно прозрѣла и признала огромное „вліяніе“ социаль-демократіи на рабочія массы и—конечно, провозгласила необходимость безпощадной борьбы съ ней. Меньшиковъ изыалъ немедленно изъ сферы вліянія своего охраннаго „либерализма“ демонстраціи, устраиваемыя элементами „анти-государственными“, и довольно недвусмысленно намекнулъ на необходимость подрѣзать дѣятельность социаль-демократіи въ корнѣ, закрывъ ей доступъ въ Государственную Думу.

Но не только въ газетной публицистикѣ контръ-революціи,—и въ практикѣ ея первые же шаги массоваго политическаго движенія успѣли уже дать себя знать. Трудно не замѣтить связи между этими шагами и неожиданно-быстрымъ прохожденіемъ въ Государственномъ Совѣтѣ закона о страхованіи рабочихъ съ тѣмъ параграфомъ о возложеніи на предпринимателей леченія рабочихъ, который вчера еще казался неустранимымъ камнемъ преткновенія для всѣхъ „непримиримыхъ“ членовъ Совѣта и, особенно, представителей промышленности. Трудно также не замѣтить связи между этими шагами и внезапнымъ подъемомъ интереса къ „социальному законодательству“ въ правительственныхъ сферахъ, съ одной стороны, а съ другой—столь же внезапнымъ возобновленіемъ старыхъ взаимныхъ перекоровъ между бюрократіей и промышленниками на тему о томъ, въ чемъ причина броженія среди рабочихъ: въ ихъ политическомъ безправіи или экономическомъ пораженіи?

Конечно, господствующія силы третье-іюньскаго режима были бы не прочь и дальше снимать съ очереди этотъ неудобный вопросъ тѣми „патріотическими“ средствами, которыя въ самомъ широкомъ масштабѣ

практиковались за послѣдніе 5—6 лѣтъ и получили такое блестящее примѣненіе на Ленѣ. И врядъ-ли найдется оптимистъ, который увѣритъ себя, что Лена—это послѣдній опытъ разрѣшенія „соціального вопроса“ трещенковскимъ „истинно-русскимъ“ способомъ. Тѣмъ знаменательнѣе тотъ фактъ, что уже теперь несомнѣнные поклонники этого „способа“ вынуждены начать снова учитывать рабочее движеніе, какъ политическую силу, видѣть въ немъ не только объектъ воздѣйствія полиціи, какимъ онъ былъ въ ихъ глазахъ послѣдніе 5 лѣтъ, но и факторъ политики.

Это—характерный симптомъ того, какое значеніе для судебъ всего режима въ цѣломъ имѣетъ возрожденіе рабочаго движенія. Вѣдь, сущность этого режима заключалась и заключается именно въ томъ, что обезсиленные, раздавленные народныя массы были скинуты со счетовъ политики и переданы въ исключительное вѣдѣніе полиціи, мундирной и штатской, духовной и свѣтской, казенной и добровольной. А на фонѣ неподвижности массъ и въ интересахъ ея увѣковѣченія неизбѣжно притуплялись всѣ внутренніе противорѣчія господствующихъ силъ режима.

Съ появленіемъ на сценѣ народныхъ массъ всей этой идилліи приходитъ конецъ. Необходимость считаться съ ними, апеллировать къ нимъ и даже попытки политикански или демагогически обойти, обмануть ихъ—все это неминуемо расширяетъ плоскость конфликтовъ и трений въ средѣ господствующихъ силъ, углубляетъ ихъ противорѣчія, вынуждаетъ къ рѣзкой постановкѣ вопросовъ тамъ, гдѣ до сихъ поръ сравнительно легко удавалось сглаживать острые углы. Тѣмъ самымъ неустойчивость режима усиливается до послѣдней степени и на очередь встаетъ вопросъ о самомъ дальнѣйшемъ существованіи его. И притомъ встаетъ не только объективно, но и субъективно—въ сознаніи рабочихъ массъ, значительно повышая ихъ воспримчивость къ проповѣди соціалдемократіи. Ибо врядъ-ли надо еще доказывать, что въ обстановкѣ современной Россіи массовая борьба, въ какія бы формы она ни отливалась, съ разныхъ концовъ, но одинаково неизмѣнно будетъ подводить рабочій классъ къ постановкѣ вопроса о третьейюнскомъ режимѣ во всей его полнотѣ, будетъ толкать мысль пролетаріата отъ частнаго къ общему.

Такимъ образомъ начало ликвидаціи контръ-революціоннаго режима—совершенно несомнѣнно. Невозможно, конечно, съ увѣренностью дѣлать предсказанія о томъ, въ какихъ формахъ и когда завершится эта ликвидація. Да это и не нужно.

Необходимо только учесть основныя тенденціи и движущія силы совершающагося на нашихъ глазахъ историческаго процесса, его направление, и свою тактику строить такимъ образомъ, чтобы и на извилистомъ пути медленнаго подтачиванія режима и на прямомъ—его быстрой ликвидаціи, рабочій классъ одинаково былъ „подкованъ“ одинаково могъ съ наибольшей полнотою отстоять свои интересы, свою „линію“.

* * *

Основной причиной возрожденія рабочаго движенія и въ его политическихъ проявленіяхъ служить, конечно, нѣкоторый экономическій подъемъ, смѣнившій длительную полосу застоя. Рядъ экономическихъ стачекъ, сопутствовавшихъ этому подъему съ самаго начала, показали рабочимъ, что борьба становится опять не безнадежною, вселилъ въ

нихъ извѣстную бодрость и вѣру въ свои силы. Съ другой стороны, каждая такая экономическая стачка неизбѣжно приводила рабочія массы—какъ это было и при старомъ режимѣ—къ столкновенію со всѣмъ аппаратомъ третьейіюньской „государственности“. Столкновенію не всегда столь трагическому по своимъ формамъ, какъ это случилось на Ленѣ, но всегда столь же вразумительному по своему смыслу. Рабочій встрѣчалъ безпощаднаго и упornaго врага въ избалованномъ предшествующимъ пятилѣтіемъ предпринимателѣ, выступавшемъ въ походъ во имя „прибыли“. Но еще болѣе безпощаднаго и свирѣпаго врага встрѣчалъ онъ въ своей чисто-экономической борьбѣ въ представителяхъ „государственности“, выступившей на защиту своего специфическаго, контръ-революціоннаго „порядка“. И, конечно, не одна стачка была сломлена не экономическою мощью капитала, а политическимъ давленіемъ этой „государственности“, разрушавшей всѣ зачатки боевой организаціи рабочихъ.

Но объектъ этой „дѣятельности“—рабочій классъ—былъ уже совершенно инымъ, чѣмъ въ доброе старое, до-октябрьское время. Ему уже не надо было продолжительной выучки, чтобы уразумѣть и обобщить смыслъ этого „государственного вмѣшательства“. И пережитая эпоха бурь, и дѣятельность трехъ Думъ съ социалъдемократическимъ представительствоиъ въ нихъ, и пресса, ставшая потребностью для широкихъ массъ, и непрерывное пятилѣтнее функционированіе хотя бы зародышевыхъ „открытыхъ“ организацій, и рядъ проведенныхъ „кампаній“ въ связи съ общественными сѣздами, дѣятельностью Думъ и т. д.,—все это значительно повысило уровень политической воспитанности массы и способность ея къ планомѣрнымъ, организованнымъ дѣйствіямъ.

Бросается въ глаза та стройность и дисциплинированность съ которою прошло грандіозное движеніе и съ которою проходятъ теперь нѣкоторыя экономическія забастовки. И это — при полномъ почти отсутствіи сколько-нибудь прочной организаціи!

Очевидно, сама рабочая масса накопила въ себѣ уже столько элементовъ организованности, что ея состояніе напоминаетъ какъ бы насыщенный растворъ: одинъ толчокъ,—и текучая, безформенная жидкость застынетъ въ правильные многогранные кристаллы. И въ этомъ накопленіи элементовъ организованности, въ воспитаніи ряда лицъ, группъ, ячеекъ, способныхъ вносить въ движеніе своего класса планоиърность, стройность, дисциплинированность, немалая доля заслуги принадлежитъ, несомнѣнно, той „ликвидаторской“ работѣ, которая, естественно, поносила и поносится идеологами пережитыхъ стадій партійнаго развитія, опиравшихся на безформенное состояніе массы и „стихийность“ ея порывовъ.

Но, если таковы причины возрожденія политическаго движенія рабочихъ, то нельзя не видѣть также и тѣхъ особыхъ условій, которыя сдѣлали данный моментъ особенно благоприятнымъ для ихъ выступленія. Эти условія заключаются въ состояніи самихъ господствующихъ силъ третьейіюньскаго режима. Какъ ни вяло и медленно развивались противорѣчія этихъ силъ, они во всякомъ случаѣ достигли такой степени, что изнутри расшатали режимъ, ослабили его сопротивляемость напору извнѣ. А ихъ обостреніе—прямое слѣдствіе все того же промышленнаго подъема, неизбѣжное наступленіе котораго было давно очевидно для всякаго, кто видѣлъ, что и подъ крышей третьейіюньскаго режима капиталистическое развитіе страны идетъ впередъ.

Какъ извѣстно, меньшевики, еще 4—5 лѣтъ тому назадъ строили свои расчеты на политическое оживленіе именно на хозяйственномъ развитіи, прогрессѣ страны и на неизбежности подъема, въ противоположность большевикамъ, въ то время ожидавшимъ,—совѣмъ по по блаженной памяти Н — ону! — наступленіе бури вслѣдствіе остановки и невозможности развитія, общаго хозяйственнаго упадка и раззоренія.

Врядъ-ли кто либо станетъ отрицать теперь, что именно въ настоящее время въ рядахъ буржуазіи замѣчается стремленіе къ политическому самоопредѣленію, т. е. къ признанію недостаточности тѣхъ формъ закулиснаго воздѣйствія „на политику“, о которыхъ говоритъ въ своихъ статьяхъ А. Ермакскій, и къ борьбѣ за оформленное участіе въ осуществленіи политической власти. И врядъ-ли также кто-либо рѣшится отрицать прямую связь этой эволюціи съ наступившимъ промышленнымъ подъемомъ, заставившимъ быстрее пульсировать всѣ артеріи страны. Не надо, вѣдь, забывать, что въ число явленій этого промышленнаго подъема входитъ и оживленіе стачечнаго движенія.

Пока царитъ застой, крутая расправа съ этимъ движеніемъ по „истинно-русскому“ способу, представляя огромныя выгоды для капитала, — поскольку рѣчь идетъ о неспособной къ упорному сопротивленію массѣ, — сравнительно мало нарушаетъ другіе его интересы. Иное дѣло — эпоха промышленнаго подъема, которую надо спѣшить утилизировать и которую можно утилизировать въ интересахъ капитала, не превращая пролетаріатъ въ „классъ каторжниковъ“, какъ съ невольною мѣткостью выразился какой-то „голосъ справа“ во время одной изъ недавнихъ рѣчей деп. Кузнецова. При такихъ обстоятельствахъ вмѣшательство Держиморды въ тонкую механику экономической жизни во имя „порядка“ способно временами служить сильнѣйшимъ тормазомъ накопленію „прибыли“, вызывая рѣшительное неудовольствіе капиталистовъ. И до-октябрьская Россія видѣла протесты промышленниковъ, возникавшіе на этой почвѣ. Въ Россіи современной, съ ея значительно подвинувшимся впередъ капиталистическимъ развитіемъ и социальнымъ самоопредѣленіемъ классовъ буржуазнаго общества, антагонизмъ между интересами этого боевого „порядка“ контръ-революціи и интересами буржуазіи сказывается еще острѣе *).

„Порядокъ“ политическаго кладбища становится для нея равносильнымъ внесенію величайшаго безпорядка въ экономическую жизнь. Вотъ почва, на которой ленскія событія всколыхнули такъ называемое „общественное мнѣніе“, когда то питавшееся исключительно настроеніями земско-дворянскихъ круговъ, а теперь — тоже характерный симптомъ социальнаго перерожденія страны! — все больше и больше получающее импульсъ изъ капиталистическихъ сферъ. Это „общественное мнѣніе“ съ полнымъ равнодушіемъ взирало на ужасы, не меньшіе, чѣмъ совершенные на Ленѣ. И только за послѣдніе 1—1½ года началъ замѣчаться нѣкоторый поворотъ. Но соотношеніе силъ начало измѣняться, и Ленское преступленіе, ударило какъ громъ, — вѣроятно, къ немалому удивленію его вдохновителей и исполнителей, которые и

*) Нѣкоему „Читателю“ „Невской Звѣзды“ (см. № 5) пришлось, повидимому, потратить не мало усилій, чтобы прикинуться непонимающимъ этой простой вещи и получить возможность изобличать въ „либерализмѣ“ Ст. Иванова за попытку подчеркнуть отличіе третье-июньскаго „порядка“ отъ того обычнаго, европейскаго порядка, который буржуазія, со своей точки зрѣнія, имѣетъ всѣ основанія отстаивать.

раньше безнаказанно подобныя „дѣла дѣлывали“. Но безнадежно гибнущій режимъ неспособенъ учитывать измѣненія социальна-политической „ситуаціи“. Онъ „претъ“ напроломъ, куда влечетъ его логика его возникновенія и развитія, и... неожиданно оказывается передъ пропастью.

Три-четыре года тому назадъ ленская бойня вызвала бы десятокъ-другой слезливыхъ передовыхъ въ либеральныхъ газетахъ, и сотни людоѣдскихъ статей въ „патріотической“ печати всѣхъ оттѣнковъ, и затѣмъ была бы „забыта“. Теперь негодующія статьи, описанія, взаимныя обвиненія, препирательства и пр. заполнили всю прессу, вплоть до самой крайней правой. Всѣмъ о преступленіи, совершенномъ—кто говорилъ, властями, кто—капиталистами, кто даже „еврейскими“ или „англійскими“ капиталистами, — была разнесена до самыхъ глухихъ угловъ страны. И какъ бы кто ни объяснялъ совершившееся, въ одномъ сходились чуть не всѣ поголовно: совершенно преступленіе, и совершенно надъ рабочими. Нужно-ли пояснять, какъ способствовало такое положеніе дѣла публичному оказательству протеста, который накалилъ въ груди пролетаріевъ, но, при другихъ обстоятельствахъ, можетъ быть, не нашелъ бы себѣ демонстративнаго выхода? И нужно-ли прибавлять, какое огромное значеніе для успѣшности этого оказательства имѣла атмосфера, если не сочувствія, то хоть дружественнаго нейтралитета, впервые послѣ 5-6 лѣтъ создавшаяся въ широкихъ не-пролетарскихъ кругахъ по отношенію къ пролетарскому выступленію? А успѣхъ „ленскаго“ движенія обезпечилъ грандіозный характеръ майскаго празднованія, ибо неожиданно для самихъ рабочихъ массъ напомнилъ и показалъ имъ ихъ собственную силу.

Такъ рабочее движеніе, возрождающееся въ силу законовъ своего собственного развитія и дающее новый мощный толчокъ разложенію контръ-революціоннаго режима, само, въ свою очередь, питается этимъ разложеніемъ, получаетъ импульсъ отъ процессовъ, происходящихъ въ буржуазныхъ сферахъ. Похороны Муромцева, смерть Толстого, реакція молодежи на самоубійство Сазонова, повысившаяся „оппозиционность“ выступленій буржуазныхъ партій въ Думѣ и т. д. и т. д. и вплоть до возмущенія, вызваннаго въ „общественномъ мнѣніи“ ленскимъ разстрѣломъ,—все это служило и служитъ симптомомъ нѣкотораго поворота въ настроеніи „общества“, поворота, создающаго болѣе благопріятныя условія для борьбы рабочаго класса.

Но вотъ, что необходимо отмѣтить: всѣ эти благопріятныя условія дѣйкомъ создаются пока процессами, протекающими въ городѣ. Читатель, знакомый съ политическими проблемами, выдвигаемыми жизнью и тактическими спорами по ихъ поводу *), пойметъ, почему отмѣтить это въ высшей степени важно. Крестьянская „Улита“, несомнѣнно, „ѣдет“ и когда-нибудь—можетъ быть даже въ очень недалекомъ будущемъ—„будетъ“. Но пока, въ начальныхъ стадіяхъ политическаго оживленія, рабочему классу, прежде всего, приходится считаться съ городскими движеніями и своею тактикою пытаться ихъ учесть въ свою пользу. Въ то время, какъ городскіе классы такъ или иначе политически реагировали и реагируютъ на измѣнившуюся „ситуацію“, крестьянство не только до сихъ поръ не дало ни малѣйшаго политическаго „оказательства“, но и въ экономической борьбѣ своей не про-

*) См. объ этомъ, м. пр., мою статью „Тактика лѣваго блока“ и т. д. въ 3-й кн. „НЗ.“ за текущ. годъ.

явило пока никакихъ болѣе широкихъ формъ активности, чѣмъ кооперація: „оживленіе“ не сказалося еще въ крестьянствѣ даже обостреніемъ борьбы за землю! И, конечно, понадобится еще много толчковъ, исходящихъ изъ города, чтобы вывести изъ оцѣпенѣнія деревню и сдѣлать ея движеніе активнымъ факторомъ борьбы за политическій прогрессъ. Нужно быть поистинѣ слѣпымъ, чтобы не учитывать въ своей тактикѣ, какъ и на дѣлѣ начинается процессъ отмирания контр-революціоннаго режима и совершается накопленіе силъ, способныхъ нанести ему смертельный ударъ.

* * *

Такова та историческая среда, въ которой совершается возрожденіе политическаго движенія пролетаріата. Протекая въ атмосферѣ значительно подвинувшагося впередъ—по сравненію съ 1900—5 гг.—процесса самоопредѣленія всѣхъ слоевъ буржуазнаго общества, это движеніе само носитъ значительно болѣе опредѣленный классовый характеръ. Не по конечной цѣли своей только, и не по непосредственнымъ экономическимъ требованіямъ, и даже не по той программѣ минимумъ, которую выдвигаетъ, какъ задачу ближайшаго историческаго періода, а по всему складу своей „политики“, по своимъ формамъ и пріемамъ, по занимаемому мѣсту въ движеніи другихъ соци-альныхъ силъ.

Этотъ ярко выраженный классовый характеръ современнаго движенія русскихъ рабочихъ такъ очевиденъ, что его впервые вынуждены открыто признать даже специалисты по части „вне-классовой“ и „над-классовой“ политики. „Русскіе рабочіе“, пишетъ „Рѣчь“ въ № отъ 11 мая, „уже сознаютъ себя отдѣльнымъ „классомъ“ и ихъ выступленія носятъ рѣзко опредѣленный классовый характеръ. Они противопоставляютъ себя остальному обществу и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что теоріи, наиболѣе рѣзко подчеркивающія это классовое обособленіе и противоположеніе, пользуются среди нихъ наибольшимъ успѣхомъ“.

„Рѣчь“ благоразумно умалчиваетъ о второй половинѣ картины. Если рабочіе противопоставляютъ себя остальному „обществу“, то и это „общество“ противопоставляетъ себя пролетаріату. И если среди рабочаго класса „наибольшимъ успѣхомъ“ пользуются ученія, подчеркивающая это противоположеніе, то и среди „общества“, отъ имени котораго говорила „Рѣчь“, теперь пользуются успѣхомъ совсѣмъ инныя „ученія“, чѣмъ въ 1905 г. Нѣтъ уже и рѣчи о тѣхъ романтическихъ порывахъ, которые заставляли идеологовъ этого „общества“ стремиться смѣшати свое дѣло съ дѣломъ пролетаріата и которые дѣлали всѣхъ болѣе или менѣе „соціалистами“. Возросшей классовой зрѣлости пролетаріата соответствуетъ и возросшая классовая зрѣлость буржуазныхъ круговъ. И то „сочувствіе“, которымъ теперь до извѣстной степени окружено рабочее движеніе, имѣетъ мало общаго съ тѣмъ туманнымъ романтическимъ сочувствіемъ, которое заставляло въ 1905 г. „Освобожденіе“ восклицать: „какая прелесть рабочіе!“—а г. Струве торжественно заявлять: „у насъ нѣтъ враговъ слѣва“.

Пролетаріатъ безповоротно пересталъ быть „прелестью“ для буржуазнаго „общества“, и „сочувствіе“ этого общества которое ограничено тѣми именно предѣлами, въ которыхъ пролетарское движеніе является необходимымъ факторомъ его собственнаго освобожденія.

Жалѣть объ этомъ исчезновеніи или ослабленіи романтическихъ „внѣ-классовыхъ“ и „надъ-классовыхъ“ иллюзій не приходится. Дѣлая для буржуазнаго общества учетъ рабочей борьбы историческою необходимостью, приобретенная имъ „трезвость“ тѣмъ самымъ даетъ залогъ силы возрождающемуся „освободительному движенію“, залогъ его конечнаго торжества. Но въ то же время она, несомнѣнно, дѣлаетъ болѣе трудными и затяжными начальные шаги движенія, процессъ расшатки контръ-революціонныхъ твердынь и занятія крѣпкихъ позицій для ихъ обстрѣла. Координація усилій разнородныхъ общественныхъ силъ съ разнородными и противорѣчивыми интересами труднѣе достигается—хотя и становится неизмѣримо плодотворнѣе—на основѣ политическаго разсчета и сознанія политической необходимости, чѣмъ на основѣ ни къ чему не обязывающихъ и затушевывающихъ дѣйствительныя противорѣчія романтическихъ порывовъ, громкихъ фразъ и красивыхъ жестовъ. Рабочему классу нуженъ огромный энтузіазмъ для совершенія возложеннаго на него исторіей великаго дѣла, но дѣло это достаточно велико, чтобы пролетарскій энтузіазмъ могъ позволить себѣ роскошь свободы отъ романтики, всегда идущей, въ концѣ-концовъ, на пользу классовымъ врагамъ рабочихъ.

А между тѣмъ несомнѣнно романтической иллюзіей было бы игнорированіе всѣхъ трудностей переживаемаго подготовительнаго періода и стремленіе однимъ прыжкомъ перескочить черезъ него прямо къ „штурму“. Наоборотъ. Чѣмъ внимательнѣе и вдумчивѣе будутъ учтены всѣ эти трудности, тѣмъ больше рабочій классъ окажется подготовленнымъ и ко всякому неожиданному благоприятному обороту событий. Какъ бы они ни развернулись, совершенно очевидно, что рабочій классъ тѣмъ больше наложитъ на нихъ свою печать, тѣмъ больше будетъ не „использованъ“ буржуазнымъ „обществомъ“, а самъ „используетъ“ процессъ освобожденія „общества“ въ своихъ интересахъ, чѣмъ больше посреди другихъ классовъ, спѣшно организующихся, самъ будетъ представлять самостоятельную классовую силу.

Но сила дается организаціей. И не случайно право коалицій было въ послѣднихъ манифестаціяхъ выдвинуто рабочимъ классомъ рѣшительно повсюду, гдѣ онъ не ограничивался выраженіемъ протеста, а формулировалъ и свои очередныя политическія требованія. Требованіемъ свободы стачекъ, союзовъ, собраній пестрѣли рабочія резолюціи послѣднихъ дней *). И можно сказать, что, если до сихъ поръ борьба за право коалицій, такъ удачно выдвинутая „петиціонной“ кампаніей, походила болѣе на маневръ, на подготовительную пропаганду, то теперь она впервые становится дѣломъ массъ. И есть всѣ основанія ожидать въ ближайшемъ будущемъ самаго широкаго развитія ея.

Требованіе свободы коалицій, какъ очередная задача рабочаго движенія, продиктована рабочимъ вѣрнымъ классовымъ инстинктомъ, подсказывающимъ имъ, что отъ степени организованности пролетаріата

*) Какъ это ни невѣроятно, но нѣкоторые б — ки считали, повиdimому, возможнымъ замалчивать неприятный имъ „лозунгъ“, связанный съ „петиціонной кампаніей“ и другими проявленіями работы „ликвидаторовъ“. Такъ, и „Звѣзда“, и петерб. „Правда“ лишь глухо упоминали о принятій „соответствующихъ резолюцій“ на тысячныхъ митингахъ 7—8 мая за Московской заставой, между тѣмъ какъ буржуазная печать приводила текстъ этихъ резолюцій, требовавшихъ свободы коалицій.

зависитъ и его собственная судьба въ ходѣ надвигающейся ликвидаціи третье-іюньской полосы и ходъ и исходъ этой ликвидаціи. Ибо съ этого именно конца третье-іюньская „государственность“ давить рабочихъ всего больше, слѣдовательно, съ этого же конца приходится вести и наступленіе на нее.

И въ тоже время въ этомъ именно пунктѣ, по существу для него наиболѣе опасномъ, безформенный и насыщенный противорѣчіями „обновленный строй“ наиболѣе уязвимъ и податливъ, наименѣе защищенъ и способенъ къ сопротивленію систематическому напору. Опасность завтрашняго дня для него все же болѣе „пріемлема“, чѣмъ малѣйшій отказъ отъ „прерогативъ“ сегодняшняго. При первыхъ же признакахъ массоваго движенія министерскій офиціозъ началъ вздыхать о „христіанскихъ“ и зубатовскихъ „рабочихъ союзахъ“, которые на худой конецъ можно будетъ использовать для отведенія рабочаго движенія въ русло экономической борьбы. И врядъ-ли мы ошибаемся, предположивъ, что и среди капиталистовъ найдутся не менѣе хитрые стратеги, которые станутъ лелѣять мечты объ отведеніи рабочаго движенія въ русло „политики“.

Рабочій классъ, конечно, посмѣется надъ этими затѣями, но учтетъ эту повторяющуюся исторію, какъ симптомъ особой неустойчивости всего режима въ этомъ пунктѣ, и съ еще болѣею энергіею будетъ добиваться свободы своей классовой организаціи—экономической и политической одинаково—и признанія факта своего классоваго движенія, какъ реакцію, такъ и оппозицію.

Борьба за свободу коалицій фактически окрашиваетъ и должна еще болѣе окрасить всю наступающую фазу развитія русской общественности. Наряду съ стремленіемъ къ созданію своего классоваго представительства въ Думѣ, какъ могучаго орудія своей классовой политики; наряду съ стремленіемъ вырвать Думу изъ рукъ реакціи, чтобы тѣмъ самымъ еще болѣе обострить противорѣчія и конфликты господствующихъ силъ и создать еще болѣе благоприятную атмосферу для своего собственнаго движенія; наряду съ этимъ—требованіе свободы коалицій должно занять центральное мѣсто въ избирательной кампаніи пролетаріата.

Это не значитъ, что всѣ другія демократическія требованія должны быть замолчаны или забыты. Наоборотъ. Подъемъ политическихъ интересовъ, связанный съ послѣдними событіями, конечно, обострилъ воспримчивость массъ къ демократической проповѣди. Но въ то время, какъ другія демократическія требованія с.-д.-ой платформы лишь постепенно усваиваются массами, свобода коалицій выдвигается, какъ очередная задача дня, за выполненіе которой уже сегодня массами ведется активная борьба и съ которой должны быть связаны всѣ остальные демократическія требованія.

Ф. Данъ.

Прогрессисты и кадеты передъ выборной кампаніей.

Выборная кампанія уже, несомнѣнно, началась. Но она имѣетъ пока довольно односторонній характеръ. Изъ разныхъ мѣстъ получаютъ свѣдѣнія о шумныхъ собраніяхъ и сѣздахъ націоналистовъ и союзниковъ. Повсюду идетъ организаціонная работа духовенства. Епископы съ спеціальными посланіями обращаются къ священникамъ, рекомендуя имъ, конечно, голосовать за націоналистовъ и правыхъ. Оппозиціи же въ выборной кампаніи, пока, не слышно, конечно, не по ея винѣ. И самыми замѣтными выступленіями оппозиціи были до сихъ поръ только предвыборныя конференціи прогрессистовъ и кадетовъ. Остановимся же на нихъ. Выступление прогрессистовъ особенно заслуживаетъ вниманіе. Это—въ извѣстномъ смыслѣ новая политическая группа. Она ведетъ свою родословную отъ группы прогрессистовъ, дѣйствовавшей въ III-й Думѣ, но составъ ея пополнился нѣкоторыми новыми общественными дѣятелями, и затѣмъ она вступила въ тѣсную связь съ группой московскихъ промышленниковъ... Эта связь съ московскимъ промышленнымъ міромъ кладетъ прежде всего яркій отпечатокъ на новую политическую группу. Въ то время, когда въ Петербургѣ засѣдалъ сѣздъ представителей промышленности и торговли, въ Петербургѣ же состоялась конференція прогрессистовъ. И это совпаденіе было не случайно. По сообщенію „Русскаго Слова“ петербургскій комитетъ прогрессистовъ сознательно приурочилъ созывъ конференціи къ тому времени, когда долженъ былъ собраться въ Петербургѣ сѣздъ представителей промышленности и торговли, находя, что это „дастъ возможность промышленникамъ и прогрессистамъ столкнуться насчетъ совмѣстныхъ шаговъ избирательной кампаніи въ четвертую думу“.

И дѣйствительно, на собраніи, состоявшемся у г. Брянчанінова, приняли участіе почти всѣ московскіе представители коммерческаго міра, участвовавшіе въ сѣздѣ.

Но не смотря на тѣсную связь съ московскимъ промышленнымъ міромъ было бы ошибочно считать новую политическую группу партіей только городской промышленной буржуазіи. Значительная часть новой партіи тяготеетъ къ земской средѣ, къ той средѣ передовыхъ землевладѣльцевъ, подъ вліяніемъ которой находилось старое дореволюціонное земство. Эта среда, какъ показали кое гдѣ земскіе выборы послѣднихъ лѣтъ, снова поднимаетъ голову, снова приобретаетъ вліяніе въ земскомъ самоуправленіи и она несомнѣнно сыграетъ замѣтную роль и при выборахъ въ новую четвертую думу. Одинъ изъ вождей прогрессистовъ, Н. Н. Львовъ, на конференціи выдвинулъ даже въ качествѣ главной задачи новой политической группы—„организацію земской среды, надлежащаго выразителя которой, по его словамъ, такъ недостаетъ въ настоящей государственной думѣ“.

Итакъ, торгово-промышленная буржуазія, съ одной стороны, передовые землевладѣльцы съ другой, вотъ та основа, на которой строится новая партія.

Но вѣдь это приблизительно та же классовая основа, на которую опиралась до сихъ поръ партія октябристовъ. Октябристы, вѣдь, тоже представляли собой блокъ части крупной буржуазіи съ частью землевладѣльцевъ, и именно передовыхъ землевладѣльцевъ, проникнутыхъ конституціонными стремленіями. Въ чемъ же тогда смыслъ образованія новой партіи? Стремится ли она завоевать ту же среду, которой владѣли раньше октябристы, какими нибудь новыми программными требованіями, какой нибудь новой платформой?

„Какъ на ближайшія задачи законодательной дѣятельности, какъ на реформы, подводящія фундаментъ подъ обновленный строй, говорилъ на конференціи И. Н. Ефремовъ, мы указываемъ на укрѣпленіе правъ и значенія Гос. Думы, на установленіе законности и правовыхъ началъ въ государственной жизни, на развитіе мѣстнаго самоуправленія, на распространеніе образованія и др.“.

Въ области такихъ же общихъ конституціонныхъ пожеланій оставался и М. М. Ковалевскій, выступавшій съ докладомъ на второмъ совѣщаніи прогрессистовъ (у г. Шубинъ-Поздѣва). Онъ говорилъ тамъ объ „обезпеченіи законности и защитѣ отъ административнаго произвола“, объ „осуществленіи... гражданскаго равенства“, объ „осуществленіи началъ всеобщаго и дарового обученія“ и т. п. Къ этимъ общимъ конституціоннымъ и культурнымъ пожеланіямъ онъ добавилъ не менѣ общія экономическія пожеланія, напр. о „привлеченіи иностранныхъ капиталовъ для разработки нашихъ богатствъ“ или „защиты торговыхъ договоровъ, въ равной мѣрѣ направленныхъ въ пользу деревни, фабрикъ и заводовъ“ и т. п.

И въ итогъ мы не получаемъ какъ будто ничего, что въ области избирательной платформы отличало бы прогрессистовъ отъ октябристовъ. Но есть у прогрессистовъ одинъ отрицательный лозунгъ, который проводитъ замѣтную демаркаціонную линію между ними и октябристами. „Противъ націонализма“ пишутъ на своемъ знамени рѣзительно и опредѣленно прогрессисты. А націонализмъ какъ разъ былъ основной осью нашей внутренней политики въ послѣднее время.

Враждой къ инородцамъ бюрократія спланивала разношерстные элементы думскаго большинства, разжиганіемъ этой вражды она стремилась отвлечь вниманіе населенія отъ неотложныхъ задачъ обновленія Россіи.

И прогрессисты прежде всего отпращиваются отъ признанія несовмѣстимости этого зоологическаго націонализма съ осуществленіемъ политической свободы.

Свою рѣчь на первомъ собраніи прогрессистовъ г. Ефремовъ началъ съ „осужденія современной націоналистической политики“. Точно также и М. М. Ковалевскій на второмъ собраніи прогрессистовъ въ качествѣ перваго тезиса выставилъ необходимость—въ интересахъ всѣхъ классовъ общества—„свободной отъ національнаго пристрастія, племенной и религіозной ненависти какъ виѣшней, такъ и внутренней политики“.

Но бороться противъ націоналистической политики и за дѣйствительное осуществленіе элементарныхъ конституціонныхъ началъ, общанныхъ манифестомъ 17 октября, это значитъ вступить

въ непримиримый антагонизмъ съ націоналистами и правыми. И этотъ практическій выводъ дѣлають прогрессисты.

Съ него началъ свой докладъ И. П. Ефремовъ на первомъ собраніи прогрессистовъ. „Задача нашей организаціи, говорилъ онъ (по отчету „Рѣчи“) — объединеніе прогрессистовъ, чтобы побѣдить правыхъ и націоналистовъ и сдвинуть Россію съ мертвой точки безнадѣжнаго топтанія на мѣстѣ въ сферѣ стараго безправія и произвола“.

Итакъ, та же приблизительно классовая основа, что и у октябристовъ, та же программа и избирательная платформа, но только безъ націонализма и съ новой тактикой — тактикой рѣшительнаго равенія налѣво къ союзу съ теперешней оппозиціей и рѣшительной борьбы съ правыми и націоналистами, вотъ въ общихъ чертахъ фیزیономія новой политической группы. И тотъ фактъ, что въ рядахъ этой группы при самомъ ея зарожденіи оказались вліятельные московскіе промышленники придаетъ появленію новой партіи на политической аренѣ огромное симптоматическое значеніе.

Партія октябристовъ расцвѣла во время паники, которая охватила имущіе классы подѣ влияніемъ революціи. Конституціоннымъ элементамъ среди землевладѣльцевъ и городской буржуазіи октябристы обѣщали одновременно и побѣдоносную борьбу съ революціей и проведеніе въ жизнь конституціонныхъ началъ, при этомъ то и другое въ тѣсномъ союзѣ съ правящей бюрократіей.

Октябристы, какъ всѣмъ теперь ясно, оказались банкротами. Въ тѣсномъ союзѣ съ нашей бюрократіей можно дѣлать все что угодно, но только не осуществлять начала политической свободы. Съ другой стороны паника среди имущихъ классовъ прошла, а начинающееся на почвѣ промышленнаго подъема движеніе рабочихъ массъ убѣждаетъ кромѣ того самымъ нагляднымъ образомъ и въ томъ, что борьба съ этимъ движеніемъ старыми средствами ни къ чему привести не можетъ.

И появленіе на сценѣ новой партіи, какъ будто говоритъ о томъ, что тѣ слои, которые шли за октябристами, чувствуютъ теперь потребность опереться, говоря словами Н. Н. Львова, „на болѣе радикально настроенные слои общества“, въ цѣляхъ политическаго обновленія Россіи. Конечно если эти „болѣе радикально настроенные слои“ поступятся кое чѣмъ изъ своихъ прежнихъ радикальныхъ требованій. Равненіе налѣво однихъ и равеніе направо другихъ, и въ итогѣ — вмѣсто дружнаго выступленія огромнаго большинства землевладѣльцевъ и приблизительно половины гор. курій подѣ знаменемъ контръ-революціи, бюрократіи угрожаетъ на новыхъ выборахъ солидарное выступленіе городскихъ избирателей (I и II курій) съ значительнымъ меньшинствомъ землевладѣльцевъ подѣ знаменемъ дѣйствительнаго осуществленія манифеста 17 октября.

Осуществится ли это солидарное выступленіе? Иначе говоря, смогутъ ли пойти рука объ руку на предстоящихъ выборахъ прогрессисты съ кадетами и притомъ такъ, чтобы не отпугнуть отъ себя широкіе слои городской буржуазіи и землевладѣльцевъ?..

На этотъ вопросъ уже дали и дали опредѣленный положительный отвѣтъ послѣднія выступленія кадетовъ. „Мы должны,

говорилъ Н. Н. Львовъ на конференціи прогрессистовъ, объединить и болѣе радикально настроенные слои общества, понимающіе, что въ настоящее время вопросъ идетъ не объ осуществленіи радикальныхъ программъ“.

И онъ, какъ эхо въ данномъ случаѣ повторилъ то, что недавно писалъ вождь кадетовъ г. Милуковъ въ „Ежегодникъ Рѣчи“: „Рѣчь идетъ вѣдь теперь не объ осуществленіи одной изъ радикальныхъ программъ, продиктованныхъ общественнымъ настроеніемъ въ виду политической конъюнктуры 1905 и 1906 гг.“.

Тотъ же лейтъ-мотивъ прозвучалъ и на кадетской конференціи, правда не вполне единодушно, при сильной оппозиціи лѣвыхъ кадетовъ. Въ то время какъ наиболѣе правые элементы на конференціи звали кадетовъ чуть не къ полному сліянію съ прогрессистами, лѣвые элементы, судя по сообщенію въ „Кіевской Мысли“ Е. Ш., гнули палку въ противоположную сторону, высказывая полное недовѣріе къ прогрессистамъ. Но судя по официальному изложенію результатовъ конференціи въ „Рѣчи“, недовѣріе къ прогрессистамъ во всякомъ случаѣ не одержало побѣды. Вступленіе отдѣльныхъ членовъ партіи к.-д. въ организацію прогрессистовъ было признано недопустимымъ, но въ то же время было признано желательнымъ „участіе въ совѣщаніяхъ по вопросамъ мѣстныхъ выборовъ делегацій обѣихъ группъ, а также, въ случаѣ необходимости, созданіе на мѣстахъ смѣшанныхъ избирательныхъ комитетовъ“.

Подъ давленіемъ, затѣмъ, лѣвыхъ кадетовъ избирательная платформа, принятая конференціей, начинается съ заявленія, что партія народной свободы остается вѣрной требованіямъ, выдвигнутымъ въ адресъ первой думы и что „она будетъ неотступно добиваться осуществленія тѣхъ условій, безъ которыхъ нельзя надѣяться на осуществленіе завѣтовъ первой Думы: всеобщаго избирательнаго права и устраненія препятствій для дѣятельности народнаго представительства, создаваемыхъ безответственностью Министерства и Гос. Совѣтомъ въ его современномъ видѣ“. Удовлетворивши—такимъ образомъ свои лѣвые элементы платформа сейчасъ же оговаривается относительно „неотложныхъ очередныхъ задачъ“, выдвигаемыхъ властно жизнью примѣнительно уже къ „современнымъ условіямъ рѣшенія законодательныхъ вопросовъ“. И дальше идутъ тѣ общія требованія вродѣ: „искорененіе произвола и безправія“, „отпора воинствующему націонализму“, „гражданскаго равноправія“, „защиты и расширенія правъ Гос. Думы“, которыя выставляютъ на своемъ знамени и прогрессисты. Эти „неотложныя, очередныя задачи“ и являются на самомъ дѣлѣ избирательной платформой кадетовъ, по существу ничѣмъ почти не отличающейся отъ избирательной платформы прогрессистовъ.

Этотъ компромиссъ, которымъ закончилась кадетская конференція, даетъ кадетамъ возможность, не раскалываясь и не отрѣзывая себѣ пути къ равенію налѣво, когда этого потребуетъ новое политическое положеніе, сейчасъ дружными рядами пойти на встрѣчу прогрессистамъ, желающимъ, какъ мы видѣли, опереться на „болѣе радикальные слои населенія“. Солидарное выступленіе кадетовъ и прогрессистовъ на новыхъ выборахъ такимъ образомъ обезпечено, и не исключена возможность, что про-

грессистамъ вмѣстѣ съ кадетами удастся отвоевать отъ октябристовъ добрую половину ихъ избирателей изъ землевладѣльцевъ и I гор. куріи и, въ новой думѣ образуется прогрессистско-кадетское большинство.

Случись это, появленіе на политической аренѣ, не смотря на избирательный законъ 3 іюня, оппозиціонной Госуд. Думы, внесетъ, конечно, сильнѣйшее разстройство въ ряды бюрократіи и крайне затруднитъ ея борьбу съ поднимающимъ вновь голову общественнымъ движеніемъ.

Новая дума во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она будетъ рѣшительно и опредѣленно сталкиваться съ бюрократіей и старымъ режимомъ можетъ, конечно, заранѣе разсчитывать на поддержку со стороны рабочей демократіи. Но само собою разумѣется, что этимъ не ограничится участіе рабочей демократіи въ назрѣвающимъ общественномъ кризисѣ. Она постарается и постарается, начиная съ выборовъ, чтобы рядомъ съ умѣренными либеральными лозунгами прогрессистовъ и кадетовъ въ движеніи рабочихъ массъ зазвучали громко и опредѣленно рѣшительные демократическіе лозунги. Поддерживая новую думу во всѣхъ случаяхъ ея рѣшительнаго выступленія противъ стараго режима, представители рабочей демократіи будутъ въ то же время разоблачать передъ широкими народными массами ограниченность и недостаточность ея требованій для дѣйствительнаго обновленія Россіи. При содѣйствіи новой думы или противъ ея воли будетъ подготовлена, такимъ образомъ, замѣна ее дѣйствительно демократическимъ и полновластнымъ народнымъ представительствомъ.

Н. Череванинъ.

Одиннадцатый съѣздъ польской соціалистической партіи (Р. Р. S.).

Когда въ концѣ 1906 г. на 9-мъ съѣздѣ старой польской соц. партіи, существовавшей съ 1893 г., произошелъ расколъ,—его привѣтствовали всѣ передовые элементы російской соціалдемократіи. Въ органахъ м—ковъ въ Петербургѣ и Москвѣ, въ органѣ Бунда указывалось все значеніе этого раскола для польскаго рабочаго движенія; новой Р. Р. S. „лѣвицѣ“, избавившейся отъ боевистскихъ и націоналистическихъ элементовъ, которые образовали такъ называемую „революціонную фракцію“,—выражались самыя лучшія пожеланія. И „лѣвица“ не обманула возлагавшихся на нее надежды. Въ то время, какъ

„революц. фракція“ выродилась въ авантюристско-экспроприаторскую группу, въ своемъ націонализмѣ докатившуюся до антисемитизма и вносившую лишь развратъ въ рабочія массы, Р. Р. С.—„лѣвица“ сразу стала на путь марксистской, чисто классовой политики. На первомъ послѣ раскола, 10-мъ съѣздѣ (въ 1908 г.) она рѣзко осудила боевизмъ и націонализмъ, приняла новую программу, въ которой, вмѣсто прежняго лозунга „независимости Польши“, поставлено было требованіе широкой автономіи; съѣздъ отказался отъ тактики бойкота 3-ей Думы, призналъ с.-д. фракцію единственной представительницей польскаго пролетариата въ Думѣ и рѣшилъ всѣми мѣрами содѣйствовать ея работѣ. Наконецъ, съѣздъ рѣшилъ энергично приняться за созданіе безпартийныхъ и легальныхъ профессион. союзовъ (въ противоположность Соц. Дем.-и. Царства Польскаго и Литвы,—которая признавала лишь союзы партийные) и вообще поставилъ себѣ цѣлью стремленіе къ открытой и массовой работѣ, къ объединенію открытыхъ и иныхъ формъ движенія и организаціи.

Первое время послѣ съѣзда партіи пришлось работать при безконечно тяжелыхъ условіяхъ: репрессіи безпощадно разрушали все, добытое въ годы революціи. „Цѣлые партийные комитеты, цѣлыя мѣстные организаціи шли въ тюрьму и ссылку, отъ огромныхъ професс. союзовъ едва сохранились жалкіе остатки. Изъ 39 делегатовъ 10-го съѣзда трое погибли осужденные военнымъ судомъ, 1 умеръ въ ссылкѣ, 1—въ эмиграціи, нѣсколько пошло на каторгу, почти всѣ перебивали въ тюрьмѣ“ *). Къ этому надо присоединить тяжелый экономическій кризисъ, общественную реакцію и апатію въ широкихъ массахъ, а также необходимость вести непрерывную идейную и организаціонную борьбу на два фронта: съ боевиками и авантюристами „револ. фракціи“, не стѣснявшимися въ средствахъ (захватъ партійнаго архива и т. п.) и съ озлобленной и безнадежной кружковщиной заправилъ С. Д. Ц. П. и Л. (польскихъ с.-д., входящихъ съ 1906 г. въ русскую социалдемократію). Тѣмъ не менѣе, со второй половины 1909 г., лишь только начался нѣкоторый подъемъ въ польскомъ рабочемъ движеніи, сперва въ формѣ экономическихъ забастовокъ, польская соц. партія стала оживлять и расширять свою дѣятельность, стараясь направлять ее и на открытыя формы движенія, на легальную рабочую печать, просвѣтительныя общества и т. д., на сколько позволяли полицейскія условія въ Польшѣ, стараясь дѣлать то же, что дѣлали русскіе с. д. дѣятели открытаго раб. движенія, т. н. „ликвидаторы“. Въ прошломъ году партія начала кампанію за право коалицій, организовала собраніе подписей подъ петиціей, но и тутъ встрѣтила рѣзкое противодѣйствіе со стороны руководящаго кружка польскихъ с.-д., которые, по выраженію отчета о съѣздѣ, дѣйствовали въ этомъ случаѣ „по штрейкбрехерски“.

*) Отчетъ объ 11-мъ съѣздѣ, стр. 6.

Такимъ образомъ, Р. Р. С. фактически стала лишь второй фракціей польской социалдемократіи, болѣе чуткой къ запросамъ времени, болѣе жизнеспособной и правильно понимающей задачи рабочей партіи, чѣмъ группа, носящая формально имя социалдемократической. Естественно, что остро всталъ вопросъ объ объединеніи польскаго рабочаго движенія, о созданіи въ Польшѣ единой с.-д. партіи. Р. Р. С. шла на встрѣчу этому объединенію, желали его и многіе рабочіе изъ П. С.-Д., его проповѣдывала и небольшая литературная группа польскихъ с.-д. („рабочая солидарность“), но руководители П. С.-Д. употребляли всѣ мѣры, чтобы не дать этому объединенію осуществиться.

Русскіе м—ки внимательно слѣдили за всѣми этапами совершавшейся съ Р. Р. С. эволюціи и уже на конференціи 1908 г. предложили объединиться съ ней. Большевики и представители П. С.-Д. отвергли это предложеніе безъ дебатовъ. Но это не помѣшало, конечно, м—камъ поддерживать дружескія сношенія съ этой болѣе передовой частью польскаго социализма.

При такихъ условіяхъ собрался недавно одиннадцатый съездъ Р. Р. С. Впервые въ исторіи этой партіи на съездъ были приглашены представители важѣйшихъ теченій и нац. организацій россійской социалдемократіи, и большинство ихъ охотно приняло это приглашеніе. Меншевики послали ветерана русской с.-д., П. Б. Аксельрода; были на съездѣ также представители „Правды“ *), Бунда и латышской с.-д-и; представитель группы „Впередъ“ не попалъ лишь по причинамъ технического характера. Редакція издаваемаго Плехановымъ „Дневника С.-Д.“ прислала привѣтствіе съезду. На съездѣ было 33 делегата съ рѣшающимъ голосомъ, изъ нихъ 8 изъ Варшавы, 1 изъ пригородовъ ея, 9 изъ Лодзи, одинъ изъ Томашева, одинъ изъ Пабяницъ, три изъ Домбровскаго каменно-угольнаго района, по одному изъ Ченстохова, Радома, Люблина. Остальные были представители центр. ком. и заграничныхъ организацій партіи. Было выбрано еще 12 делегатовъ изъ разныхъ мѣстъ, но они не могли попасть на съездъ вслѣдствіе техническихъ затрудненій.

Съездъ произвелъ пріятное впечатлѣніе на присутствовавшихъ на немъ гостей серьезностью и дѣловитостью своихъ дебатовъ, самостоятельностью и зрѣлостью делегатовъ-рабочихъ (большинство ихъ — старые дѣятели рабочаго движенія), которые не разъ подвергали рѣзкой, хотя всегда дѣловой и товарищеской критикѣ работу центральныхъ учрежденій партіи. При этомъ въ теченіе 7 дней, въ которые засѣдалъ съездъ, былъ исчерпанъ весь разнообразный порядокъ дня, обнимавшій чрезвычайно серьезные и злободневные для польскаго рабочаго движенія вопросы (о выборахъ въ Думу, объ экономич. борьбѣ и професіон. союзахъ, объ использованіи новыхъ законовъ по страхованію

*) На Петербургской, конечно. *Ред.*

рабочихъ, о городскомъ самоуправленіи въ Польшѣ, о борьбѣ съ національнымъ гнетомъ и объ отношеніи къ Р. С. Д. Р. П.).

Изъ отчетовъ Центр. комит. и мѣстныхъ организацій видно, что партія въ настоящій моментъ имѣетъ окружные комитеты въ цѣломъ рядѣ мѣстъ, а также комитеты фабричные, кружки самообразованія, дискуссионные и организаціонные,—наконецъ, школы агитаторовъ. Но число членовъ, входящихъ въ организаціи, далеко не обнимаетъ всей массы членовъ партіи, составляющихъ „lose organisationen“ (неоформленные организаціи) и мобилизуемыхъ при всякой политической кампаніи. Нѣкоторымъ указаніемъ на сферу вліянія Р. Р. С. можетъ служить распространеніе ея органа который (нелегально), расходится въ количествѣ 2000—2200 экземпляровъ.

Не безъ вліянія партіи протекаетъ дѣятельность профессиональных союзовъ, культурно-просвѣтит. учреждений и кооперативовъ. При этомъ характерной чертой современнаго момента является повышение самостоятельности партійныхъ организацій, увеличеніе самостоятельной инициативы рабочихъ, а „общей тенденціей“—построеніе и приспособленіе организаціи „для проведенія широкихъ массовыхъ кампаній, политич. и экономическихъ, и расширеніе организаціи въ процессъ проведенія этихъ кампаній“ *). Послѣ дебатовъ о современномъ политическомъ положеніи и общихъ тактическихъ задачахъ партіи съѣздъ принялъ рядъ положеній, часть которыхъ потомъ была разбита по отдѣльнымъ вопросамъ порядка дня. Особое значеніе имѣетъ положеніе о необходимости организовывать массовыя политическія кампаніи, главнымъ образомъ, въ борьбѣ за право коалицій такъ какъ лишь путемъ массовой и открытой борьбы пролетаріатъ добьется возможности открыто дѣйствовать и организовываться. Эта борьба за право коалицій должна вестись непрерывно и всѣми способами, обеспечивающими ей въ наибольшей мѣрѣ массовый и открытый характеръ, особенно путемъ собиранія подписей подъ петиціями и протестами. Какъ только соберется 4-я Дума она немедленно должна быть осаждена „требованіемъ свободы коалицій, поддержаннымъ широкимъ движеніемъ пролетаріата всей страны“ **). Въ области экономической борьбы надо, по мнѣнію съѣзда, внушать рабочимъ убѣжденіе, что при современныхъ условіяхъ „солидарная и стойкая борьба можетъ рассчитывать на побѣду“. И лучшимъ средствомъ для этого служитъ созданіе открытыхъ классовыхъ професс. союзовъ, такъ какъ лишь въ открытыхъ, слѣдов., легальныхъ союзахъ могутъ принимать дѣятельное участіе сами массы. Поэтому съѣздъ рекомендуетъ безпрепятственные попытки легализаціи союзовъ и массовую агитацію вокругъ cadaго отказа, cadaго закрытія союза. Въ этой работѣ партіи придется преодолѣть упорное сопротивленіе П. С. Д., которая внушаетъ

*) Отчетъ, стр. 18.

**) Тамъ же, 37.

рабочимъ недоверіе ко всякаго рода легальнымъ организаціямъ; вынужденная послѣ долгой борьбы признать легальность професс. союзовъ, П. С.-Д. предлагаетъ отдавать ихъ „подъ надзоръ“ тайнымъ партійнымъ союзамъ, обнаруживая этимъ вполне свою боязнь рабочей самодѣятельности даже въ экономическихъ организаціяхъ.

По поводу законопроектовъ о страхованіи рабочихъ съѣздъ рекомендуетъ неодинаковую тактику по отношенію къ страхованію отъ несчастныхъ случаевъ и къ страхованію отъ болѣзней. Въ то время, какъ противъ перваго законопроекта, значительно ухудшающаго дѣйствующее право, необходимо вести непрерывную войну, законъ о больничныхъ кассахъ, когда онъ войдетъ въ силу, при всѣхъ его недостаткахъ, можетъ и долженъ послужить новой операціонной базой для организаціи рабочаго класса. Поэтому сознательные рабочіе „должны рѣшительно отбросить мысль о бойкотѣ этихъ кассъ“ *) и, наоборотъ, постараться забрать ихъ въ свои руки и сдѣлать ихъ орудіемъ защиты интересовъ пролетаріата. Рабочіе должны стараться выбирать своихъ лучшихъ представителей въ правленіе, добиваться, чтобы предсѣдателемъ его былъ рабочій и чтобы касса находилась въ рукахъ правленія, а не фабриканта. Въ случаѣ неутвержденія какихъ-либо рабочихъ делегатовъ губернской администраціей, ихъ слѣдуетъ отстаивать всѣми мѣрами, до забастовки включительно. При всемъ этомъ, само собою разумѣется, надо продолжать борьбу за дѣйствительное и демократическое страхованіе рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, инвалидности, старости и безработицы.

Такова же, по мнѣнію съѣзда, должна быть тактика партіи и по отношенію къ будущему городскому самоуправленію въ Польшѣ. Продолжая протестовать противъ этой каррикатуры на самоуправленіе и противъ польскаго коло въ Думѣ, которое приложило къ этой карикатурѣ свою печать, польскій пролетаріатъ въ то же время долженъ зорко слѣдить за будущимъ хозяйничаніемъ господствующихъ классовъ въ городскомъ самоуправленіи, предъявлять имъ конкретныя требованія, поддержанныя широкой агитаціей и, насколько возможно, самъ долженъ принимать участіе въ выборахъ.

Изъ этого бѣглаго обзора важнѣйшихъ рѣшеній, принятыхъ съѣздомъ, въ достаточной мѣрѣ видно, что хотя Р. Р. С. формально еще не входитъ въ составъ русской социалдемократіи, но по существу она гораздо ближе къ дѣйствительно марксистскимъ ея элементамъ, чѣмъ П. С.-Д. И вопросъ объ объединеніи съ Р. С.-Д. Р. П. занялъ особенно важное мѣсто на съѣздѣ. Напомнимъ, что еще конференція Р. Р. С. 1909 г. признала необходимость объединенія пролетаріата всѣхъ народностей Россіи въ одну партію, и указавъ, что до сихъ поръ объединенію Р. Р. С. съ Р. С.-Д. Р. П. значительно

*) Тамъ же, 40.

мѣшала фракціонная раздробленность послѣдней, — съѣздъ отмѣтилъ попытку объединенія всѣхъ теченій россійской социалдемократіи, предпринимаемую въ послѣднее время попытку, отъ которой, кромѣ П. С.-Д., отстраняются лишь ленинцы, „поклоняющіеся старымъ кружковымъ традиціямъ и отжившимъ тактическимъ методамъ“ *). При этомъ тактическая линія объединяющихся элементовъ Р. С.-Д. Р. П. — какъ разъ та же, которую въ послѣдніе годы выработала и Р. Р. С. Поэтому съѣздъ поручилъ Ц. К. вступить въ соглашеніе съ руководящими учрежденіями россійской социалдемократіи относительно совмѣстныхъ выступленій, имѣющихъ общегосударственное значеніе (выборы, кампанія за свободу коалицій, вопросъ о больничныхъ кассахъ и т. д.), равно какъ принимать участіе въ совѣщаніяхъ, созываемыхъ для обсужденія этихъ вопросовъ. Дальнѣйшимъ этапомъ должны быть шаги для полнаго организаціоннаго сліянія обѣихъ партій, на основѣ автономіи Р. Р. С. въ польскихъ дѣлахъ. Первую подобную попытку соглашенія и дѣлаетъ Р. Р. С., предлагая теперь же заключить общій предвыборный блокъ тремъ дѣйствующимъ въ Польшѣ соц.-дем. организаціямъ: Р. Р. С., П. С. Д. и Бунду. Однако, если принять во вниманіе комично-высокомѣрный отказъ руководителей П. С. Д. по поводу предложенія Бунда вести совмѣстно съ нимъ и съ Р. Р. С. кампанію о городскомъ самоуправленіи въ Польшѣ, — надо думать, что кружокъ, хозяйничающій въ польской с.-д., и на этотъ разъ не захочетъ подчинить свои смѣшныя притязанія или свою сектантскую озлобленность интересамъ всего пролетаріата Польши. Тогда мы увидимъ въ Польшѣ то, чѣмъ ленинцы грозятъ Россіи: двойныя кандидатуры въ одной и той же с.-д. средѣ...

Б. И. Горевъ.

---

*) Т. же стр. 57.

— НОВАЯ КНИГА —

А. Коллонтай.

По рабочей Европѣ.

СИЛУЭТЫ и ЭСКИЗЫ.

(Изъ записной книжки лектора).

Цѣна 1 р. 35 коп.

Складъ изданія въ С-Петербургѣ: у издателя: Тверская 4, кв. 18 и въ
Книжномъ складѣ „Прометей“—Поварской, 10 и „Земля“—Невскій 55.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

А. Коллонтай. По рабочей Европѣ. Силуэты и эскизы. (Изъ записной книжки лектора). Изд. М. И. Семенова. Спб. 1912 г. Ц. 1 р. 35 к.

Д. Д. Галанинъ. Образование и обученіе. М. Ц. 50 к.

Экономическій статистическій сборникъ. Вып. IV (Статистич. отд. Москов. уѣздн. Зем. Управы). М. 1912 г. Ц. 1 р.

І. М. Гольдштейнъ. Русско-Германскій торговый договоръ и задачи Россіи. (Труды комиссіи по пересмотру торгов. договора съ Германіей. Подъ редакц. проф. М. И. Туганъ-Барановскаго. Вып. IV). Спб. 1912 г.

В. А. Мукосѣевъ. Статистическая характеристика русско-гверманскаго товарообмѣна въ 1909 г. въ связи со ставками тамож. тарифа. (Труды Комиссіи... Вып. V.) Спб. 1912 г.

Прозѣктъ положенія о кооперативныхъ товариществахъ и ихъ союзахъ, принятый всеросс. съѣздомъ въ СПБ. 10—16 марта 1912 г. Харьковъ 1912 г.

Отчетъ правленія Екатеринослаескаго О-ва взаимопомощи въ торговыхъ, промышленныхъ заведеніяхъ и кредитныхъ учрежденіяхъ— за 1911 г. Екатеринославъ. 1912 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

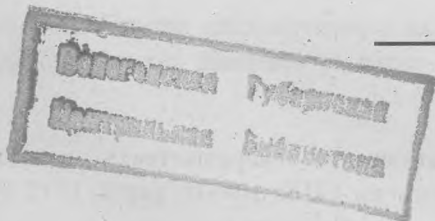
	Стр.
Ортодоксъ. О посмертныхъ художественныхъ произведеніяхъ Л. Н. Толстого	3
Н. Троцкій. Принципы и предрасудки. (Къ вопросу о борьбѣ за свободу коалицій)	11
Н. Р—ковъ. На два фронта (Отв. В. Ильину и Ред. „Н. Зари“)	28
Л. Мартовъ. О томъ, какъ можно быть неправымъ на оба фронта.	33
А. Семенова. Новѣйшія выступленія германскаго ревизионизма.	42

Иностранное обозрѣніе.

Я. Пилецкій. Избирательныя недоразумѣнія. (Письмо изъ Гер- маніи)	50
А. Коллонтай. Женское избир. право въ Шведскомъ парламентѣ.	55

Политическое обозрѣніе.

Ф. Данъ. Послѣ „Лены“	60
Н. Череванинъ. Прогрессисты и кадеты передъ выборной кам- паніей	69
Б. И. Горовъ. Одинадцатый съѣздъ Р. Р. С.	73

24414

Редакторъ-Издатель **Ф. С. Станилевичъ.**

Типографія **И. Лурье и К^о**, Гороховая 48.